

СИГИРД

КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАВРИРНТ

Северо-Запад

Annotation

Конан помогает Джериму, послушнику обители Добра, вызволить сестру из рабства и отомстить злобному шаману.

- [Глава первая](#)
 -
 - [Глава вторая](#)
 -
 - [Глава третья](#)
 -
 - [Глава четвертая](#)
 -
 - [Глава пятая](#)
 -
-

Глава первая

Далеко на северо-востоке от земли гирканцев, за полулегендарной Пантенией раскинулась страна ветланов. Цивилизация почти не коснулась этого заснеженного края, и лишь редкие торговцы, сбившись с пути в непогоду или спасаясь от кровожадных разбойников, случайно попадали сюда, неся с собой необычные для этих мест товары. И случалось, здесь они и оставались до конца своих дней. Кто-то просто долго откладывал отъезд, опасаясь дальнего пути, и затем постепенно забывал о возвращении домой, обзаводился чадами и домочадцами и поселялся в новом, тщательно собранном умране навсегда. А кого-то сразу привлекли доброта, простодушие, открытость и доверчивость ветланов, и он обрел здесь счастье и душевный покой.

Ветланы и впрямь изумили бы любого человека, называющего себя цивилизованным, тем, насколько складом характера напоминали детей, не знающих, что такое зло. Воинов у этого народа не было. Поразительно, но они никогда и ни с кем не воевали. Жили они на самом берегу Северного моря, почти круглый год покрытого льдами. Тундра, вплотную подходившая к берегу, казалась зеленой и плодородной только ветланам. Любой чужак погиб бы среди этих низкорослых деревьев, чахлой травы, странных мхов и необычных зверей. Как далеко простиралась тундра, никто не знал, ибо ни один охотник не проникал в нее дальше чем на три дня пути.

С запада земли ветланов прикрывали горы. Снег лежал на голых, острых камнях почти весь год, бесконечные ледники, оползни, лавины, камнепады делали их практически неприступными. К тому же солнце не баловало эти края и по полгода не показывалось на небе, а кому захочется ползать по опасным скалам при неверном, призрачном лунном свете?

На востоке... Что было на востоке, знал лишь Великий Шаман, ибо только он мог разговаривать с Тнарганом — богом солнца, которое как раз с востока и приходило к ветланам. Именно Великий Шаман должен был рассказывать божеству о всех деяниях его народа, и хороших, и плохих.

И лишь когда Тнарган сочтет, что хороших дел набралось уже много, он явит миру свой лик. Если бы ветланы не верили так свято в могущество Великого Шамана, в его искренность и правдивость, они поняли бы, конечно, что, твори они добрые дела или злые, солнце все равно явится в свой срок. Однако обмануть их было несложно, ибо они не знали лжи и считали, что у человека, говорившего неправду, распухает язык и тот не может дышать, а значит, погибает.

У ветланов не было ни правителей, ни вождей. Слушались тех, кто дожил до седых волос, и наиболее удачливых охотников. Как и во многих северных странах, где жизнь была полна опасностей и лишений, люди покидали этот мир довольно рано, и потому совершенно понятно, что тот, как говорили ветланы, кто раньше всех увидел солнце, оказался и наиболее хитрым, и наиболее смелым, и наиболее выносливым. А раз у него хватило ума много раз приветствовать Тнаргана, то и другим не зазорно прислушаться к его советам. Никто не осмеливался перечить старикам, их слово всегда было решающим. А удачливый охотник — это кормилец. У северного народа было принято делиться добычей. Разве можно сытно есть, если соседу не повезло на охоте и его дети голодны? Поэтому часто и охотились сообща, чтобы в домах всегда были и пища, и свет, и тепло.

Все это давали олени, алпачи и морские быки. Мясо замораживали и, мелко настрогав,

ели сырым, из шкур шили обувь и ими же покрывали жилища-умраны, а жиром освещали и отапливали жилища: жир, горевший в каменных плошках, давал достаточно и света, и тепла, настолько, что даже грудные младенцы не мерзли долгими зимами, а это было очень важно, ибо к детям ветланы относились особенно. Не иметь детей — великая беда. Чем больше их в семье, тем счастливее и сами родители, и весь род.

Малышей никогда не наказывали, не ругали, не били. Никому и в голову не приходило отмахнуться от ребенка, потому что он мал и глуп. Ветланы считали, что человек при рождении уже обладает опытом и памятью всех предшествовавших поколений, а взрослея, может потерять их, если не прислушиваться к словам ребенка и не давать ему действовать по-своему. С первых самостоятельных шагов, с первых осмысленных слов любой ветлан становился равноправным членом сообщества, трудился наравне со всеми по мере своих постепенно возраставших сил, охотился, участвовал в общих советах, когда собирались жители всего стойбища и обсуждали наиболее важные вопросы.

В каждом отдельном стойбище жили, как правило, несколько семей. Обычно поселение насчитывало не более десяти умранов, и это было связано с тем, что люди не должны мешать друг другу охотиться, а кроме того, тундра, не слишком щедрая к людям, не могла накормить сразу многих. Давала же она и жерди для умранов, и лучинки на растопку, и травы, которые женщины собирали по весне, а потом, долгой зимой, заваривали как чай или клали в еду как приправу, когда надо было сварить похлебку, которой кормили малых детей, чтобы они росли крепкими и здоровыми, или больных, чтобы придать им силы, которая поможет выгнать из тела злобных духов — келе.

Духи у ветланов были разные, и добрые, и злые. Жили они повсюду, а где именно, никто не знал, кроме Великого Шамана, который и договаривался с ними по своему усмотрению. Любли келе слушать бубен Шамана, а он, выступжал сложные, только ему известные мелодии, звал духов на помощь, когда ветланы шли охотиться, умиротворял келе когда они собирали колючие ветры, и те носили над землей обжигающее холодный снег, закрывая тропинки, заметая следы, уговаривал духов покинуть тело, когда кеде поселялся либо в спине, либо в голове, в руках, ногах охотника и не давал тому даже пошевелиться от боли,

Не всегда келе слушались Шамана, и тогда тот пояснял, почему так произошло. Чаще всего — потому, что ветланы принесли не ту или не столь обильную жертву какая требовалась духам, но иногда и потому, что, по мнению Шамана, человек вел себя неподобающим образом, не уважал стариков, не слушался Великого.

Могучий и всесильный человек — Великий Шаман. Трудная у него жизнь. Потому и умран у него самый большой и теплый, укрытый лучшими олеными шкурами. Пол устлан белоснежными песцами, котел для еды — медный, а плошки вырезаны лучшими мастерами из бивней морских быков. Возле его умрана стояли несколько других, попроще. В одном обитали его помощники, которых он сам для себя отбирал среди наиболее смышленых ребятишек. В другом — женщины, обслуживающие Шамана. Они грели его постель, чтобы духи холода не овладели Шаманом, готовили ему пищу, тщательно вылизывали посуду, чтобы остатки еды не портили Великому аппетит, шили для него одежду и обувь, разукрашивая их кусочками самого лучшего меха, ворсинками от шкур оленей, зубами пойманых охотниками хищников.

Никто, даже он сам, не знал, сколько Шаману лет. Да и не считали никогда ветланы года. Пять пальцев на руке — это известно даже самому малому ребенку. А сколько же надо рук, чтобы сосчитать, сколько раз светлый Тнарган восходил на небо? Во всем стойбище не

наберется столько. И не стоит даже тратить время и силы на такую ерунду. Живет себе человек и живет, пока не настанет ему пора отправляться в дальний путь — в иную жизнь.

А закроются его глаза навсегда, соберутся люди, споют ему последнюю песню, оденут в новую меховую куртку, в каких ходили все ветланы, Шаман возьмет бубен, чтобы оповестить всех, что еще один человек собрался в дорогу, О отнесут тело в тундру. Там его отыщут звери и спрячут по усопшему тризну, используя его самого как угощение. И лишь тогда попадет он на берег большого теплого озера, где встретит его бессмертная Рультана. Только один вопрос задаст она прибывшему: «У тебя были дети?» И если оставил человек после себя большое потомство, ждут его хороший умран, удачная охота и долгая жизнь, похожая на праздник. А коли прожил он зря, не поселял новую жизнь, рассердится Рультана и утопит его в озере. Зачем ему вечная жизнь, если короткой он распорядился так глупо и неумело?

Не всегда ветланы покорно ждали, когда придет их время покидать этот мир. Если нападали на человека особенно упрямые келе, которые ни за что не соглашались покинуть его тело, или старость отняла все силы, что даже двигаться стало трудно, надо было лишь сказать родным: «Хочу уйти». И тогда никто не может отказать в такой просьбе. Самые близкие возьмут тонкий пушистый мех и накроют им лицо желающему уйти, и будут держать до тех пор, пока его дыхание не остановится и сердце не перестанет биться, укажут дорогу к Рультане. И вовсе не потому это, что злы и бессердечны ветланы. Жизнь у них у такая: старый и беспомощный отнимает силы, внимание, да и еду, которая нужна детям, чтобы они поскорее выросли. К тому же нельзя отказывать, если тебя о чем-то просят. Да и что эта жизнь, когда человека ждет другая, более счастливая, сытная и легкая? Ветланы не плакали и не горевали долго, когда кто-то уходил: рано или поздно все они обязательно встретятся.

Чужаку их жизнь показалась бы скучной, убогой и однообразной. Но это не так. Знали ветланы и радость, и любовь, и счастье, и печали, и даже ненависть ведома некоторым из них, хотя с этим чувством они старались бороться, ведь не рождался человек с ненавистью, видимо келе ему нашептывали ее. Главное их свойство — доброта. И еще честность. Никогда ветлан не нарушал данного им слова, никогда не отступался от намеченного, если уверен, что цель его благородна, хотя вряд ли кто из них и слово, то такое знал: благородство. Просто оно естественно для них, как дыхание.

Истинными детьми природы были ветланы. И жизнь, их, обычай, устои, отношения были так же просты и безыскусны. Доверчивые и открытые, щедрые и гостеприимные, они порой казались жестоки, как бывает жестока сама природа, которая позволяет зверям пожирать друг друга. Они никому не навязывали свой образ жизни, но для себя другого не мыслили. Они просто жили, не мечтая ни о славе, ни о богатстве, ни о власти. В их языке даже не было таких слов.

Но время неумолимо. Оно движется вперед, и меняются нравы, меняются люди, происходят самые невероятные события, и это тоже надо понять и принять, ибо ничто не бывает неизменным, даже сама природа.

* * *

Уже очень давно не было солнца. День не сменялся ночью, тьма царила над миром, и только луна проливала на заснеженную землю ровный неяркий свет. Сколько длилась зима и как скоро она сменится летом, Млеткен не знал, ибо, как и все ветланы, вел счет пятерками

— по числу пальцев на руке. А дни и ночи, длившиеся в северном краю так долго, не поддавались такому исчислению.

Млеткен проснулся, обвел еще мутным спросонья взглядом свой умран и сразу заулыбался: пол, застеленный прочной алпачьей шкурой, тщательно выметен, в каменных плошках, наполненных свежим жиром, весело горел огонь, который жена Млеткена, Уквuna, подправляла время от времени костяной палочкой, чтобы на стены не садилась копоть. Сестра охотника, Анкаля, ловко орудуя острым ножом, сделанным из бивня морского быка, строгала большой кусок мяса на завтрак.

Славные женщины в его умране! Жена Млеткену досталась тихая, приветливая, работящая, а главное — подарила ему уже двоих сыновей и скоро родит третьего ребенка. Сестра — красавая, добрая, умная. Она во всем помогала Уквуне, возилась с ребятишками, готовила еду, да еще успевала шить прекрасную одежду с изящными украшениями.

Вчера Млеткен сказал им, что собирается на охоту, вот они к поднялись пораньше, чтобы подготовить все необходимое. Определенно, ему повезло в жизни. Жаль только, отец, которого задрал давным-давно белый кровожадный медведь, не видел его счастья. И мать не дожила до хороших дней, когда сын вырос и стал лучшим охотником в стойбище. Вселился в нее злой келе, жег бедную женщину огнем изнутри, тряс ее тело, лишил рассудка. И тогда, ненадолго прия в себя, попросила она помочь ей уйти, Как ни горько было Млеткену, но не мог он отказать матери в ее последней просьбе.

Млеткен тряхнул головой, отгоняя тяжелые думы, и, сладко потянувшись, поднялся. Анкаля тут же протянула брату костяную плошку:

— Поешь. Уйдешь надолго, тебе надо хорошенъко подкрепиться.

Охотник набрал целую пригоршню замороженного почти до белизны мяса и с удовольствием положил его в рот. Хорошая это еда, сытная, силы дает большие, глаза делает острыми, руки — крепкими. Млеткен ел молча и сосредоточенно, как и все ветланы, которые относились к пище очень серьезно. Покончив с мясом, он пожевал кусочек вяленой рыбы, а затем взял плошку с горячим травяным отваром. Прихлебывая ароматный напиток, он смотрел на жену, не переставая удивляться, как повезло ему, что эта чудесная женщина вошла в его дом. Уквuna, положив руку на уже заметный живот, сказала мужу:

— Еще долго ждать. Но, думаю, Тнарган уже увидит нашего малыша.

Млеткен важно кивнул, допил отвар, встал и натянул куртку, сшитую из тонкой оленьей шкуры и подбитую белоснежными песцами. Затем он взял несколько гарпунов, наконечники к которым вырезал сам, и тонкий, но прочный кожаный ремень с привязанным к нему крюком. Положив снаряжение в торбу, охотник повернулся к женщинам:

— Пожелайте мне удачной охоты.

Потом он обнял жену и сестру, опустился на четвереньки и быстро выполз из умрана. Возле дома его ждали трое друзей: Таграй, Комэ и Таюги. Все они были молоды, сильны и уже заслужили славу ловких охотников, хотя с Млеткеном ни один из них еще сравниться не мог. Таграй шагнул ему навстречу:

— Я проверил полынью. Не замерзла. Алпачи есть.

Охотники быстрым шагом направились к морю. Зима была холодной и снежной, и, чтобы обеспечить стойбище мясом, приходилось постоянно поддерживать полынью, к которой приходили алпачи. Они, правда, все равно нашли бы способ выбраться на лед. Алпач дышит легкими, ему необходим воздух. Если полынья замерзнет, он все равно продышит в нем отверстие — отдушину, а не справится один, на помощь явятся еще пять-шесть

собратьев, и вместе они одолеют лед. Правда, охотиться возле отдушины труднее: она небольшая, алпач от нее далеко не отходит и спит очень чутко. Тут уж бить надо наверняка. Ранишь зверя, не добьешь сразу, уйдет и гарпун за собой утащит, а изготовить хороший костяной наконечник непросто. Сколько бивней перепортишь, пока добьешься нужного результата!

Пока Млеткен обдумывал приемы охоты, впереди показалась полынь. Он достал приготовленную заранее шкуру белого медведя, укутался в нее и пополз к открытой воде. Сколько придется ждать — неизвестно. На сей раз охотникам повезло. Прошло совсем немного времени, и из черной воды показалась небольшая темная голова. Видимо, алпач глотнул достаточно воздуха, потому что голова тут же скрылась, оставив лишь большие круги на поверхности. Вот вынырнул еще один, еще. Следующий алпач сразу же приглянулся Млеткену. Крупный, жирный зверь медленно плыл, словно опираясь о воду редкими жесткими усами. Он направлялся прямо к краю полыни. Охотники замерли, чтобы неосторожным движением не спугнуть добычу. Алпач видит плохо, не запоминает ничего из увиденного, поэтому, если перемещаться аккуратно, он не заметит опасности. Правда, чутье у зверя отменное, но люди об этом знают и всегда заходят только с подветренной стороны.

Нетерпение овладело Млеткеном, ему захотелось побыстрее бросить гарпун, но он сдержался. Ведь если не подпустить алпача к самой кромке льда, потом его будет не достать из воды. Пропадет добыча. Такие ошибки опытному охотнику не прощаются.

Вот темная блестящая голова вынырнула совсем близко, и Млеткен, почти не целясь, метнул тяжелый гарпун. Раздался звук, похожий на всхлип, и из-под пробитой кожи фонтаном брызнула кровь. Алпач сильно дернулся и тут же затих. Настала пора действовать другим охотникам. Они, радостно крича, подбежали к краю полыни, доставая на ходу ремни с крюками. Несколько ловких бросков — и крюки зацепились за прочную шкуру. Общими усилиями, быстро перебирая ремни обеими руками, Таюги, Комэ и Таграй вытащили огромную тушу на лед. Затем они повернулись к алпачу спинами и, закинув ремни на плечи, поволокли добычу к стойбищу. Удача сопутствовала им: охота оказалась недолгой и успешной. На несколько дней люди обеспечены едой. Разделать тушу и поделить мясо, жир и шкуру было делом привычным, и вскоре люди начали расходиться по умранам, бережно неся жизненно важную добычу. Таюги ловким ударом острого ножа отделил крупный кусок мякоти и протянул его Млеткену:

- Отнеси Шаману.
- А почему я? — встрепенулся Млеткен. — Ты живешь ближе, вот и зайди по пути.
- Так нельзя, — покачал головой Комэ. — Это ведь твой гарпун пронзил алпача, тебе и нести Шаману его долю. А то в следующий раз он не станет просить келе о помощи. — Если не можешь держать гарпун в руках, никакие келе не помогут, — возразил Млеткен.
- Что ты говоришь?! — замахал руками Таграй. — Шаман услышит, духам передаст, считай, потерял навсегда удачу. Гарпун гарпуном, а если алпач уйдет из полыни? А если морские быки летом не придут в наше море? А если песцы убегут из тундры, а медведи и олени — вслед за ними? На кого будешь охотиться?
- Ладно, — поморщился Млеткен. — Пойду.

Он попросил друзей отнести жене свою часть добычи, а сам, еле переставляя ноги, чтобы хоть ненамного оттянуть неприятную для него встречу, поплелся за пределы стойбища, туда, где стояли особняком три роскошных умрана: большой — самого Шамана и два поменьше — его помощников и женщин.

Шаман не имел имени. Конечно, при рождении его как-то называли, но, по его словам, когда он был еще ребенком, злые духи, проникнув в его тело, чуть не погубили мальчика. Духов удалось не то уговорить, не то обмануть, но ребенок выжил, и ему пришлось сменить имя, чтобы злопамятные келе не узнали его. Но и это не помогло. Духи опять уложили его, уже юношу, на мягкие шкуры и зажгли внутри жаркий огонь. Еле-еле удалось его погасить, в юноша опять сменил имя. Когда же ему привелось снова бороться с келе, он с таким трудом вновь победил их, что решил больше не брать никаких имен.

С тех пор келе ни разу не смогли отыскать дорогу в его тело, а жители окрестных стойбищ называли его сначала Шаманом, а потом и Великим Шаманом, когда осознали его большую силу. Впрочем, никто не знал, было ли так на самом деле.

Шаман жил столь долго, что ни в одном стойбище не нашлось бы его ровесников. Никто не сомневался, что Шаман был всегда — как солнце, небо, море и тундра. И всегда будет. Как же можно обойтись без Шамана?

Никто никогда не возражал Великому, что бы тот ни решил и ни сказал. Он общался с такими силами, каких простодушные ветланы не могли себе и представить. Он говорил от имени духов и богов, а разве можно перечить им? А кроме того, Шаман жил так долго, что даже только этим снискал глубочайшее уважение. И только у Млеткена были очень сложные отношения со стариком. Охотник несколько не сомневался в его могуществе, всегда внимательно выслушивал умные и глубокие советы Шамана, был искренне благодарен ему за то, что старик несколько дней и ночей не выпускал бубна из рук, когда келе грызли тело матери Млеткена.

И вместе с тем он не любил старого обжору и сластолюбца. А все потому, что однажды, заметив, как выросла и похорошела Анкаля, Шаман пожелал поселить ее в умране для своих женщин. Этого Млеткен не мог допустить. Он донимал, что прислуживать Шаману, ублажать его и выполнять все прихоти — большая честь, но охотнику хотелось, чтобы у сестры была своя семья, дети, любовь и радость. Тем более он видел, какими нежными взглядами обмениваются Анкаля и Таграй, и несколько не возражал против того, чтобы близкий друг стал еще и близким родственником.

Погруженный в невеселые думы, Млеткен не заметил, как приблизился к жилищу Великого Шамана. Он потоптался возле входа в умран, тяжело вздохнул, опустился на четвереньки и вполз внутрь. Основная, жилая часть умрана была отделена роскошным пологом из лучших шкур зимних песцов. Откинув мягкий, шелковистый мех, Млеткен увидел, что старик полулежит на пышном ложе, а две женщины, присев рядом с ним на корточки, подают ему попеременно чаши с едой и питьем.

В плошках с жиром — жирниках — горел яркий огонь, в в умране было невыносимо жарко. На хозяине были надеты лишь тонкие кожаные штаны, а изящные фигурки его прислужниц прикрывали узенькие набедренные повязки. Их кожа цвета темной меди блестела от пота, длинные прямые жесткие волосы почти касались пяток маленьких изящных ножек, раскосые темно-карие глаза блестели, на пухлых губах играли улыбки. Шаман медленно повернул седую голову с длинными волосами, срезанными ножом на макушке, прищурился, словно не узнал гостя, и, помолчав, спросил, как это было принято у ветланов:

— Ты пришел?

— Я пришел, — ответил Млеткен, тоже как было принято, и только после этого добавил: — С благодарностью пришел. Охота оказалась недолгой и удачной, алпач —

крупным. Я принес тебе долю.

С этими словами он протянул Шаману кусок мяса, завернутый в алпачью шкуру. Старики кивнул одной из женщин, которая тут же подхватила подношение, а затем повернулся к охотнику:

— Не мне. Это дар для келе, которые направили твою руку. — Он притворно вздохнул и добавил: — А мне, старику, уже почти ничего не надо.

Млеткен должен был тут же пожелать Шаману долгой жизни, но он промолчал. Шаман нахмурился, но, чтобы не нарушать традиции, предложил:

— Посиди со мной. Отведай моей пищи.

Отказаться от этого было никак нельзя, и Млеткену пришлось поблагодарить хозяина и согласиться. Весьма неохотно снянул он через голову куртку и сел рядом со стариком. Тот снова кивнул, и, как по волшебству, в руках женщины возникла еще одна плошка с мясом, которую темноглазая красавица протянула гостю.

— Здоровы ли твои дети? — поинтересовался Шаман.

— Благодарю тебя, Великий, за заботу, — ответил гость. — Здоровы.

— Да обойдут их стороной злые духи! — воскликнул старик. — Скоро придет пора ставить на них знак рода. Ты не забыл?

У ветланов существовал обычай наносить на лица татуировку при помощи растертого в порошок камня и остро заточенной костяной палочки. Как правило, это был небольшой знак {у Млеткена и у его сестры на правой скуле красовалась маленькая чайка, а у его жены — утка), но за особые заслуги или за дополнительное подношение соответствующим келе можно было сделать и более сложный рисунок и даже нанести картинку на все лицо. Обойтись без знака рода было нельзя.

— Как можно забыть об этом! — воскликнул Млеткен. — Скоро начнем охоту на песцов, и тогда я смогу подготовить шкурки. Одну руку?

— Две, — твердо сказал Шаман.

— Почему две? — удивился охотник.

— Приведешь обоих сыновей сразу.

Шаман говорил тоном, не терпящим возражений, и потому Млеткену ничего не оставалось, как согласиться.

— А как поживает Анкаля? — продолжил разговор хозяин, и у гостя мгновенно испортилось настроение. — Ты еще не надумал привести ее ко мне?

— Она еще слишком молода, — угрюмо буркнул Млеткен.

— Чем раньше она приобщится к служению богам, тем лучшая жизнь ожидает ее в ином мире, — усмехнувшись, произнес стариик.

— А может, у нее совсем другое предназначение?

— Не может, — сурово возразил Шаман. — Совсем недавно я видел еще один вешний сон. Анкалю настигнут злобные келе, если она не войдет в мой умран. Такие злобные, что я не смогу с ними справиться. И тогда она предстанет перед бессмертной Рультаной. Подумай, что ожидает ее, бездетную!

Млеткен побледнел от страха за свою сестру, но что-то в глубине его души восставало против того, чтобы отдать Анкалю Шаману. Не должна молодая красивая, полная сил девушка жить в умране старика. Неожиданно охотнику шла в голову хитрая мысль:

Но ведь если сестра придет к тебе и начнет служить богам, то она так и останется бездетной.

— Никто не знает, как распоряжатся боги, — гнусно усмехнулся Шаман. — Может, ее изберет добрый дух, а то и какой-нибудь бог, и она родит ему сына.

Млеткену очень не понравилась ухмылка старика, и он вдруг подумал, что Шаман печется вовсе не об Анкале и не о богах, а жаждет удовлетворить свою похоть. Эта страшная мысль так ожгла охотника, что щеки его запылали, кровь прилила к голове, сердце выпрыгивало из груди.

— Нельзя так думать о Великом, нельзя подозревать его в нечестивости, а тем более во лжи. И все же он не мог ничего с собой поделать. Чем больше смотрел Млеткен на старика, чем больше слушал его, тем сильнее убеждался, что безумная его догадка верна. Испугавшись, что не сможет долго сдерживаться, чтобы не сказать Шаману об этом, охотник быстро поднялся на ноги, поблагодарил хозяина за гостеприимство и тут же покинул его умран, едва успев натянуть куртку.

— Не забудь, я жду Анкалю! — крикнул Великий ему вслед.

Пока Млеткен добирался до своего жилища, в голове у него сложился план, как спрятать сестру от жадных глаз Шамана. Это, конечно, не было окончательным решением, но охотник надеялся, что позже придумает, как будет выкручиваться дальше, а пока ему хотелось только спрятать Анкалю, чтобы старик хоть на какое-то время забыл о ней. Млеткен решил, что устроит для сестры убежище где-нибудь в тундре и будет изредка навещать ее под предлогом охоты на песцов и оленей, а затем, ближе к весне может, удастся сыграть свадьбу Анкали с Таграем, и тогда Шаману придется отступить.

Млеткен быстро юркнул в свой умран и, не успев еще раздеться, тут же поделился с женщинами своими мыслями. Они все поняли без лишних слов и согласились с ним. Теперь предстояло подумать, как лучше осуществить замысел. На радость охотника, вскоре его друзья заговорили о том, что пора начинать приманивать песцов, которых в последнее время стало появляться все больше и больше, а это означало, что у Млеткена есть вполне благовидный предлог, чтобы надолго отлучаться из дома.

Охота на маленьких хищников, одетых в удивительно красивые белоснежные шкуры, была занятием довольно легким, и ветланы приучались к ней с раннего возраста. Сначала надо было отыскать место, где песцы появлялись чаще всего. Это было несложно: зверьки оставляли на снегу четкие и глубокие следы, так что не надо обладать большим опытом, чтобы обнаружить их. Затем убивали нарму и относили ее в тундру. Туда, где следы появлялись постоянно. На сильном морозе нарма быстро замерзала и становилась твердой, как камень. Острые, но мелкие зубы песцов не могли справиться с ней, и звери приходили к приманке все чаще и чаще, постепенно обгрызая ее и привыкая к тому, что здесь им не грозит никакая опасность. Они становились беспечными и, подбираясь к еде, уже не присматривались и не принюхивались так долго и тщательно, как вначале.

Вот тут-то и наступала пора готовить западню. Возле обгрызенной нармы охотники выкапывали ножами глубокие ямки, ставили туда ловушки (капканы или затягивающиеся кожаные петли) и прикрывали их тонкими пластинками льда. Довольно скоро ветер заносил пластинки снегом, и они становились совершенно незаметными. Осмелевшие песцы приходили к кормушке, наступали на лед, и он ломался под их тяжестью. Хищник попадался, и теперь охотнику оставалось лишь забрать добычу. Ни со стрелами, ни с копьем на песца не выходили, ибо самое ценное в нем — мех, который ни в коем случае нельзя портить.

Отправляясь в тундру то проверить следы, то положить приманку, то изготовить ловушку, Млеткен с Таграем сосредоточенно сооружали землянку для Анкали. Копать

невероятно твердую почву было трудно, но у друзей была благородная цель, и мысль о спасении девушки от посягательств похотливого старика придавала мужчинам сил. Оба понимали, что бросают вызов не только самому Великому Шаману, но и духам, благосклонным к нему, однако в битве разума и сердца на сей раз побеждало сердце.

Трудились они долго, но наконец необходимое углубление было готово, и Млеткен, выбрав несколько наиболее крепких деревьев среди довольно-таки чахлой растительности, соорудил укрепление для стен и крыши. Затем жерди накрыли прочной шкурой, завалили получившееся жилище землей и присыпали снегом. Изнутри его выстлали мехами, а вход завесили пологом. Издалека землянка напоминала невысокий холм, каких в тундре было предостаточно, и поэтому тот, кто не знал о ней, вряд ли мог что-нибудь заподозрить. Убежище было готово, и Анкаля переселилась в него. Теперь оставалось убедить жителей стойбища, что девушка пропала, заблудилась в тундре, и так организовать поиски, чтобы никто не обнаружил беглянку.

Млеткен разыграл великолепный спектакль. Он носился по стойбищу от умрана к умрану с горящими глазами и созывал народ. Когда все собирались в центре поселения охотник произнес самую длинную в своей жизни речь. Он рассказал всем, как любит свою сестру, как заменил ей и мать, и отца после смерти родителей, как надеялся выдать ее замуж за ближайшего друга, но потом засомневался, ибо сам Великий Шаман обратил на девушку свой благосклонный взор и призвал ее служить богам. А теперь Анкаля пропала. Она отправилась за льдом, чтобы, растопив его, приготовить травяной отвар, но ее нет уже так долго, что брат волнуется, не приключилась ли с ней беда, и обращается ко всем с просьбой помочь отыскать сестру. Из толпы вышел старый Айван:

— Все мы знаем, как ты любишь сестру, Млеткен. И то, что она хорошая девушка, тоже знаем. Если на нее напали келе, это большое горе для всех нас. — Все согласно закивали. — Но мы не знаем, где ее искать. Надо пойти к Великому Шаману и спросить его.

Другой старик, Ааро, добавил:

— У тебя на щеке чайка, Млеткен. У твоей сестры тоже. Надо поймать такую птицу и отнести ее Шаману, чтобы он задобрил духов, охраняющих твой род.

— Спасибо за хорошие советы, — отозвался Млеткен. — Вы добрые и мудрые люди. Я так и поступлю.

Зверя или птицу для жертвоприношения полагалось ловить живьем. Поэтому молодой охотник взял связку ремешков с прикрепленными к ним алпачими зубами и отправился к морю. Чайку ловить было нетрудно, и часто охота на них служила развлечением для мальчишек. А кроме того, так они приучались ловить уток на лету. Чайка — птица глупая и прожорливая. Надо было просто разбросать на снегу мелкую рыбешку и подождать. Вскоре появились чайки. Они покружили над приманкой, оглашая воздух пронзительными криками, а затем начали быстро снижаться. Как только самая крупная птица оказалась в пределах досягаемости, Млеткен ловко бросил ремешки, и они накрыли ее. Чайка попыталась освободиться, но только запуталась еще сильнее. Алпачи зубы тянули ее вниз и не давали взлететь. Млеткен осторожно приблизился к добыче, поднял ее и, крепко прижав к себе, понес к умрану Шамана.

Великий Шаман встречал охотника снаружи.

— Я слышал, в твой дом пришла беда? — спросил он, подозрительно глядя на Млеткена.

— Да, — ответил тот, низко опустив голову. — Анкаля пропала. Я принес чайку, чтобы ты задобрил келе нашего рода. А еще я хотел попросить тебя помочь разыскать сестру.

Если у Шамана и были какие-то подозрения, то они начали рассеиваться. Не стал бы Млеткен просить его о помощи, если бы хотел обмануть.

— Войди в дом, — велел старик, пропуская охотника вперед.

Внутри все было готово для жертвоприношения, и Млеткен невольно вздрогнул, подумав, что Шаман узнает новое-ми до того, как кто-то сообщает ему их. Постель была отодвинута к стене, а в центре, на голом полу из оленьей шкуры возвышался прямоугольный камень с углублением. посередине. Рядом лежал большой нож, изготовленный из белоснежного клыка и остро заточенный. Лезвие украшала замысловатая резьба, состоящая из магических знаков.

Шаман положил руку на голову чайки, и птица перестала трепыхаться, хотя сердце ее по-прежнему учащенно колотилось, готовое вот-вот выскочить из груди.

— Клади ее в углубление, — распорядился Великий.

Млеткен аккуратно положил жертву на камень, и она, брезвально опустив крылья, закрыла глаза. Шаман взял бубен, и зазвучала странная, чарующая мелодия. Охотник смотрел на старика, не отрывая взгляда ни на мгновение. Даже если бы ему и захотелось отвести глаза, у него ничего бы не получилось: мелодия заворожила его настолько, что Млеткен не мог даже пошевелиться. Неожиданно черты лица Шамана начали меняться, словно кто-то невидимый рисовал на нем сложный узор. Фигура старика расплылась, и ее очертания постепенно изменились настолько, что Великий уже не походил на человека. Перед изумленным охотником стояло какое-то неведомое ему существо, непрерывно выбивающее на бубне все тот же ритм, от которого у Млеткена слегка кружилась голова.

Существо подошло к жертвенному камню, взяло в руку нож, не выпуская из второй руки бубен и постукивая им по колену. Затем странное создание полузаговорило, полузапело, обращаясь к келе, сковавшим крылья чайки, и утоваривая их подержать ее еще немного. Птица вздрогнула всем телом, и по ее белому горлу полоснул нож. Но кровь, как это ни странно, не брызнула из раны, а медленно потекла в углубление, распадаясь на две тоненькие струйки.

Млеткен зачарованно смотрел на узкую полоску, возникшую на горле птицы, и потому не заметил, как невообразимое существо снова превратилось в Великого Шамана. Старик окунул желтый кривой палец в красную жидкость и повернулся к охотнику:

— Придвинься. Мне надо нарисовать на твоем лице знаки, чтобы келе позволили тебе находиться здесь.

Млеткен безропотно повиновался. Шаман, бормоча заклинания, начал что-то рисовать на лбу и щеках охотника. Затем он вывел те же узоры на своем лице. Все это время бубен не умолкал, и Млеткену казалось, что он не сидит в умране Шамана, а плывет по широкой полноводной реке и волны мягко покачивают его. Неожиданно мелодия оборвалась, и охотник вздрогнул, словно кто-то плеснул в него полные пригоршни ледяной воды, и очнулся от наваждения.

Великий подошел к камню, взял нож и ловким движением вскрыл чайке грудную клетку.

— Смотри, — приказал он Млеткену и ткнул пальцем в открывшиеся внутренности.

Как ни старался Млеткен увидеть что-нибудь необычное, он так ничего и не заметил и честно признался в этом старику.

— Смотри лучше, — настаивал Шаман, но снова охотник ничего не увидел.

Шаман опустился на пол, скрестив ноги, и снова взял бубен. На сей раз мелодия оказалась несколько иной, но действовала на Млеткена точно так же, как и предыдущая.

Старик покачивался в такт музыке и распевал заклинания а охотник не сводил изумленных глаз с большого рта Великого с крупными широкими зубами. Вдруг облик поющего снова начал меняться. На сей раз перед Млеткеном возникла огромная чайка, державшая в крыльях бубен. Она замолчала на мгновение, затем пронзительно вскрикнула и заговорила:

— Ее нет на берегу моря. И в глубинах его тоже нет. Она далеко от воды. Надо искать в тундре.

Мелодия затихла, и, словно очнувшись от сна, Млеткен увидел перед собой Шамана. Тот аккуратно положил бубен на пол и обратился к охотнику:

— Птица не смогла нам помочь. Тебе придется принести мне песца. Он ходит по тундре, у него и спросим.

Охотник смог только кивнуть, ибо голос отказал ему. Затем он поднялся на ноги и быстро покинул умран. Под тяжестью нахлынувшего на него горя Млеткен не заметил, как дошел до своего жилища. Неужели все их старания оказались напрасными?

Нельзя не принести Великому песца, ведь тогда станет ясно, что Млеткен обманул всех. Нельзя и принести. И в этом случае ложь обнаружится. Что ж, коли решился один раз свернуть с праведного пути, придется идти дальше.

Млеткен снова собрал жителей стойбища и сообщил им:

— Великий Шаман сказал, что Анкалю надо искать в тундре. Это моя сестра, я и отправлюсь на поиски. А если не отыщу ее, Великий Шаман поможет.

Трудно было не согласиться с его словами, и поэтому никто возражать не стал. Млеткен забрался в свой умран, рассказал все жене и спросил у нее:

— Уквuna, что же теперь нам делать? Я не хочу отдавать Анкалю старику. Но он может обо всем узнать у келе, и тогда нам придется покинуть стойбище. Никто не согласится жить рядом с лгуном.

— Надо вернуть ее. А потом вместе подумаем, что делать дальше. Вот поешь и отправляйся. Ей, бедняжке, там страшно, наверное, одной-то.

— Плохо ты знаешь мою сестру! У нее отважное сердце. Она пила кровь оленя, как охотник. — Млеткен помолчал немного, потом улыбнулся и добавил: — И она очень хочет выйти замуж за Таграя.

Уквuna подала мужу мелко наструганную рыбу и немного мяса. Все это было сырым. Ветланы вообще почти не варили пищу, не знали ни приправ, ни даже соли. Бывало, в стойбища случайно забредали редкие торговцы, которые предлагали специи, но старики, отведав необычные продукты, начисто отвергли их. А что не по душе старикам, и для молодых не годится.

Иногда, правда, женщины приготавливали некое подобие похлебки из мяса или рыбы с травами. Но готовили ее только в том случае, когда нужно было подкормить человека, боровшегося с келе, потому что несчастному было трудно жевать жесткую сырую пищу. Воду, однако, кипятили, заливали ею травы (зимой — сущеные, летом — только что собранные) и пили настой, считая его, и небезосновательно, очень полезным.

Подкрепившись, Млеткен собрался в дорогу. Жена подготовила ему с собой немного еды, чтобы накормить Анкалю, и, потеревшись щекой об его щеку и выражая этим движением всю свою любовь к мужу, сказала:

— Иди. И возвращайтесь скорее. Я уже соскучилась по твоей сестре. Мне очень ее не хватает. Да и тяжело без ее помощи.

Охотник вскинул торбу на плечо и заспешил прочь из дома. Уквуна, как всегда, успокоила его и вернула ему веру в себя. Млеткену снова казалось, что все не так плохо, что он отыщет способ оградить сестру от бед и несчастий, что все у них получится. Достигнув первых деревьев, он остановился и прислушался. Стояла тишина, и только ветер подывал потихоньку, гоняя верхний слой снега. Млеткен углубился в тундру, решительно направляясь к убежищу Анкали. По дороге он несколько раз останавливался и оглядывался по сторонам. Они с Таграем так хорошо спрятали землянку, что Млеткен боялся пройти мимо нее. Наконец впереди показались знакомые очертания, которые сумели осознать только острые глаза охотника. Он снова становился, сложил ладони рупором и крикнул:

— Анкаля!

Сестра не отзывалась.

— Анкаля! — снова позвал Млеткен. — Это я, твой брат! Отзовись!

Тишина. Охотник забеспокоился и побежал к землянке. Снег возле нее был истоптан, полог сорван, внутри — никого. Млеткен сел на землю и завыл, словно волк. Кто-то похитил его сестру. Она отчаянно сопротивлялась, но разве может справиться девушка с похитителями? Где теперь ее искать? Он сам во всем виноват. Своей ложью он накликал настоящую беду. Теперь Анкаля и правда потерялась, и он не успокоится, пока не отыщет ее. Внезапно Млеткен замолчал, пораженный страшной догадкой: Шаман! Стариk вывел у келе, где скрывается Анкаля, и украл ее.

Млеткен вскочил на ноги и помчался к умрану Великого. Откинув полог с такой силой, что чуть не сорвал его, охотник ввалился внутрь. Шаман возлежал на ложе, съто улыбаясь и глядя, как танцует для него обнаженная женщина. Увидев Млеткена, он сначала удивленно поднял бровь, а затем жестом отоспал танцовщицу. Та быстро накинула на себя куртку и выскочила наружу.

— Где она? — закричал Млеткен. — Что ты с ней сделал?

— О чём ты? — спросил Шаман, хитро улыбаясь.

— Где Анкаля? Ее нет в тундре!

— Значит, ты и без келе знал, где прячется твоя сестра? Ты обманул всех? — Великий нахмурился.

— Тебе все известно, — тихо проговорил Млеткен, тяжело опускаясь на пол, — Я солгал и согласен сполна заплатить за это. Но уж тебе ложь и вовсе не к лицу.

— Хорошо, — важно кивнул стариk. — Давай говорить начистоту. Ты не хотел отдавать мне свою сестру и подготовил для нее убежище. Ничтожный, ты забыл, кому пытался сопротивляться. Конечно же, как только ты ушел отсюда, я продолжил разговор с духами, и они все рассказали мне.

— Где она? — перебил охотник Шамана, — Она жива?

— Конечно, жива. Зачем мне мертвая женщина? Я предпочитаю живых, — гнусно ухмыльнулся Великий.

— Верни ее мне.

— Забудь и думать об этом.

— Тогда я всем расскажу, каким богам прислуживают женщины, которых ты собрал у себя. Их единственный бог — ты!

— Кто поверит тому, кто уже однажды солгал? — ехидно поинтересовался стариk.

— Об этом никто не знает. Я снова солгу — и объясню всем, что ты помог найти Анкалю, но за это потребовал, чтобы она разделила с тобой ложе.

— Погоди, — нахмурился Щаман. — Так и быть, я снизойду до сделки с тобой. Ты оставляешь мне сестру, и о твоей лжи не узнает никто.

— Не буду я заключать с тобой никаких сделок!

— Забудь о сестре. Навсегда забудь! — вскричал Великий. — Ее нет сейчас здесь. И если ее не будет в моем умране, никто больше не увидит ее. И не стой у меня на пути. Со мной тебе не совладать. Ты сам выбрал судьбу для Анкали. Ее продадут в чужие земли. Она не вернется в стойбище.

— Я найду ее.

— Попытайся.

— Я найду ее, — упрямко повторил Млеткен, — А потом вернусь и расправлюсь с тобой.

Глава вторая

Джерим не помнил своих родителей. Иногда он даже Т сомневался, что они у него вообще были. Его нашли совсем крошечным младенцем в жарких и влажных вендинских джунглях неподалеку от затерянной в непроходимых дебрях маленькой деревушки. Он лежал в люльке, сплетенной из лиан, и сладко спал, время от времени всхлипывая во сне. Наверное, ему снился беспокойный сон. Именно эти звуки и привлекли внимание одной из женщин, отправившихся в то утро за хворостом. Она позвала подруг, и тихонько, на цыпочках, боясь всего на Свете, они пошли на шум. К общему изумлению, находка оказалась более чем неожиданной.

В мягкой слегка покачивающейся зеленой колыбели лежал аккуратный сверток из тончайшей и, по-видимому, очень дорогой ткани. Когда его развернули, на глазах женщин заблестели слезы умиления, настолько очаровательным был розовощекий младенец с шелковистыми волосками, закрученными в крупные кольца. На голеньком животике лежала записка, в которой, как выяснилось позже, было указано имя мальчика: Джерим.

На вид ребенку было около полугода. Его завидное здоровье и вполне благополучное существование до того, как он очутился в джунглях, не вызывали сомнений: ребенок радостно всем улыбался, доверчиво тянул руки к совершенно незнакомым людям, пухлые ножки с розовыми пятками оказались настолько крепкими, что малыш довольно скоро начал пытаться на них встать. Как он попал в такую глушь, почему его оставили на съедение хищникам, так никогда и не удалось выяснить. А впрочем, никто особенно и не старался это сделать. Младенца отнесли в деревню и отдали на воспитание одинокой бездетной немолодой уже женщине по имени Эндаре.

Эндаре восприняла найденыша как подарок богов и быстро привязалась к очаровательному мальчику настолько, что даже не могла представить, что когда-то его не было в ее жизни.

Джерим рос очень быстро, и годам к тринадцати это был уже вполне оформленшийся юноша, высокий, стройный, с длинными слегка вьющимися черными волосами, отливающими синевой, благородным прямым носом, на котором обращали на себя внимание резко очерченные ноздри, и с удивительными глазами, посаженными слегка раскосо, ко не как у китайцев, а наоборот, скошенными к вискам вниз, невероятного цвета. Их можно было назвать карими, но не темными и бархатными, как у большинства вендинцев, а, скорее, золотисто-рыжими. Находясь целыми днями вне дома, он не мог не загореть, но солнце, казалось, не палило его кожу, а лишь ласково гладило, и она так и не приобрела характерного для обитателей здешних мест оттенка.

И только тогда, задумавшись, почему он так не похож на окружавших его людей, Джерим поинтересовался у Эндары, в чем дело. Бедняжке вовсе не хотелось признаваться мальчику, что она не родная мать ему, но и лгать приемному сыну она не могла. Пришлось Эвдаре рассказать о давних событиях. К ее радостному удивлению, Джерим отнесся к ее словам очень спокойно. Он обнял женщину, прижался к ней щекой и сказал:

— Кем бы ни были мои настоящие родители, я рад, что попал к тебе. У меня нет другой матери, кроме тебя, и я вовсе не буду любить тебя меньше оттого, что не ты меня родила.

Однако с этого дня юноша все чаще и чаще засиживался где-нибудь в стороне от людей, впадая в глубокую задумчивость. Похоже, он все-таки пытался вспомнить, кто он, однако все

попытки, естественно, были напрасными. Однажды утром он отправился в джунгли, куда его словно манила какая-то сила. Он шел и шел, пока не поравнялся с тем местом, где когда-то висела его колыбель из лианы. Джерим долго стоял, ласково поглаживая растение, словно это были волосы его родной матери, и не заметил, как из зарослей показалась широкая, лобастая голова тигра.

Хищник замер, готовясь к прыжку, и когда мощные когтистые лапы уже готовы были оторваться от земли, юноша повернулся в его сторону и пристально посмотрел в глаза зверю, почему-то нисколько не испугавшись. Неожиданно выражение оскaledенной морды резко изменилось, мгновение назад готовый напасть на жертву и уничтожить ее, тигр заурчал, как большая домашняя кошка, мягко шагнул вперед Я потерся головой о бок Джерима. Если звери могут улыбаться, то огромная полосатая кошка улыбалась.

Юноша положил ладонь на голову хищника и осторожно погладил ее. Тигр лизнул ему руку и лег возле ног, обвив их мягким хвостом, а затем посмотрел на Джерима, словно приглашая сесть рядом. Тот медленно опустился на землю, обнял тигра за сильную шею и замер, прижавшись щекой к теплой лоснящейся шерсти. Они сидели так долго, как будто встретились после долгой разлуки. Джерим не думал ни о чем.

Ему казалось, что он мог бы понять, уловить, услышать мысли зверя. Однако что-то ему мешало. Но он твердо знал, что рано или поздно сумеет смести последний барьер, а тогда постигнет язык животных.

Откуда пришла такая уверенность, юноша не понимал И готов был поступиться очень многим, чтобы проникнуть в эту тайну. Однако понимание пришло нескоро, а пока Джерим просто удивлял окружающих своими необыкновенными способностями. К нему тянулись животные и

Птицы, а несколько игривых и жизнерадостных гекконов даже поселились в доме Эндары. Скачала она побаивалась этих странных ящериц необычного вида, их огромных глаз, пристально глядевших с хищно заостренной мордочки, их невероятной способности передвигаться по совершенно ровной и гладкой поверхности, неприятных перепончатых лап.

О гекконах ходили страшные рассказы. Никто из обитателей джунглей не сомневался, что укус геккона смертелен, что одного прикосновения к ним достаточно, чтобы кожа начала пузыриться, а мясо почернело и отвалилось, что из крови ящерицы колдуны изготавливают жуткие яды. Однако все это оказалось просто глупыми сказками, и вскоре обитатели деревни привыкли к игривым безобидным существам, а когда убедились, что те ловят надоедливых мух и других всевозможных насекомых, начали даже прикармливать их, У гекконов обнаружилось еще одно замечательное свойство: они были ночных животными, и потому юркие ящерки нисколько не мешали людям.

Джерим теперь часто уходил в джунгли и подолгу бродил там, нисколько не опасаясь за свою жизнь. Злобные и по-настоящему ядовитые кобры приветствовали его, раздувая капюшоны и быстро-быстро работая тонкими языками. Роскошные павлины, которых в Вендии считали священными птицами, ибо в их красоте отражалось величие богов, выходили ему навстречу, раскрыв великолепные хвосты и позволяя вволю любоваться пестрым замысловатым рисунком ярких перьев. Пугливые зимородки садились ему на плечи.

Великаны джунглей — слоны — кивали ему вслед тяжелыми головами и приветливо взмахивали хоботами. Грациозные нервные газели доверчиво тыкались бархатными носами в его ладони и с гордостью показывали юноше своих очаровательных детенышей. Шумные, задиристые обезьяны, раскачиваясь на лианах, сопровождали Джерима во время его

прогулок.

Но не только животные, а даже и растения ластились к нему, а те, которые могли причинить вред человеку, прятались при его появлении, стараясь стать как можно более незаметными, отстраняясь от юноши, чтобы не задеть его. Деревья, травы, цветы тянули к нему свои зеленые руки, словно хотели поделиться чем-то самым сокровенным.

Жители деревни привыкли к странностям Джерима и относились к ним снисходительно. Юноша был тих, приветлив, почтителен, никогда ни с кем не ссорился, а его природный ум вызывал у бесхитростных обитателей джунглей невольное уважение, и они даже обращались к Джериму за советами, если что-то не могли решить сами. А когда у молодого человека открылся новый дар, все заговорили о том, что его им послали боги.

Однажды утром Эндана не поднялась, как обычно, с постели. Тело ее сотрясало лихорадка, на щеках горел яркий болезненный румянец, острые боли стянули голову немолодой женщины жестким обручем. Джерим, напуганный болезнью приемной матери, сбежал за старухой, жившей на окраине деревни. Та занималась врачеванием, знала множество трав и умела готовить из них целебные отвары и настойки, заговаривала боль, снимала жар. Однако старуха, посмотрев на больную, поспешила прочь из хижины. Юноша догнал ее на пороге:

— Почему ты уходишь?

— Я не могу помочь ей, — нахмурилась старуха. — Не стоит ее мучить. Никакие травы не справятся с ее недугом.

— Но что же делать?! — воскликнул Джерим.

— Дай ей спокойно умереть. Просто пришла ее пора.

Джерим очень любил Эндану и не мог смириться с мыслью, что эта замечательная женщина должна покинуть этот мир, что никогда больше ее ласковые руки не коснутся его волос, что погаснет ее добрая улыбка. Юноша опустился на колени возле ложа больной, положил руку на горячий лоб, и мир померк. Джериму привиделось, что он идет по Погруженному во мрак лабиринту, а навстречу ему один за другим выходят безобразные монстры. Они не угрожают молодому человеку, но от них исходит такое зло, что он не может пройти мимо и вступает с ними в единоборство. И Чудовища в страхе бегут!

Сколько прошло времени к тому моменту, когда он очнулся, Джерим не знал, но лоб, на котором он все еще Держал руку, не был уже горячим, Эндана прекратила бредить и крепко спала, дыша ровно и спокойно. Проснулась она через сутки совершенно здоровой. Слабость держала ее в постели еще на несколько дней, но Джерим старательно ухаживал за матерью, и вскоре она уже был на ногах.

Происшествие всколыхнуло всю деревню. К Джериму потянулись слабые и немощные, и он исцелял всех. Врачевание отнимало у юноши очень много сил, и, чтобы вернуть их, он надолго уединялся в джунглях, даривших ему бодрость и свежесть.

Прошло несколько лет. Джериму исполнилось семнадцать. Совсем постаревшая Эндана снова слегла, и на сен раз даже необычный дар юноши не смог удержать ее на земле. Когда женщина почувствовала, что последние силы покидают ее немощное тело, она позвала Джерима:

— Выслушай меня, сын мой. Я покидаю тебя. Теперь уж точно пришла моя пора. Когда ты развеешь последнюю горсть моего пепла, уходи из деревни.

— Почему? — вскричал юноша. — Я нужен этим людям! Я буду помогать им.

— Не перебивай. Иначе я не успею договорить, Ты отправишься на восток. Когда-то

давно, еще в юности, я слышала, что там, где-то в горах или у их подножия, я точно не знаю, находится не то монастырь, не то обитель братства. Цель жизни этих людей — познание. Ты обладаешь удивительными способностями, но никому не известно, откуда они и как с ними обращаться. Твоя сила велика, но ты и сам не можешь оценить ее. Нельзя давать в руки младенцу остро заточенный нож.

— Я не младенец, мама, — возразил Джерим.

— Не буду с тобой спорить, — слабо улыбнулась Эндара. — У меня нет времени. Дослушай до конца.

Юноша кивнул.

— Пойдешь туда. Там ты насытишь свой голодный разум, ибо никто из нас не может дать ему и мельчайшей доли пищи, в которой он нуждается. Ты сумеешь понять свой дар и научишься использовать его. А потом поступай как хочешь. Тебе пора выбирать свой путь. Никогда не ходи дорогой Зла...

Эндара тяжело вздохнула, погладила Джерима по склонной голове и тихо отошла. На ее губах играла умиротворенная улыбка. Она прожила долгую и хорошую жизнь, не в чем было себя упрекнуть, и этот мир она покинула счастливым сердцем.

Джерим соорудил для Эндары великолепный погребальный костер. Он собрал ветви сандалового дерева, чтобы дым от костра был любезен богам, сам сплел венки из разноцветных благоуханных цветов и украсил ими последнее ложе той, что заменила ему мать. Женщины омыли тело покойной и обернули его белым полотном, сильно поседевшие волосы уложили в красивую прическу.

Все жители деревни пришли проститься с Эндарой. Каждый коснулся ее руки, затем своего лба и с легким поклоном отступил в сторону. Когда отзвечали слова погребальной молитвы, Джерим поднес к высокому костру факел, и огонь мгновенно охватил все сооружение. Как долго он горел, юноша не знал, ибо наблюдал внутренним взором, как душа Эндары покидала тело и устремлялась к небесам. Она была легкой и радостной, эта чистая душа, полная любви ко всему миру.

Огонь погас, и когда пепел остыл, Джерим собрал его в большой сосуд и отправился в джунгли, чтобы развеять там то, что осталось от Эндары. Последнюю горсть он долго держал на ладони, окончательно прощаюсь, а затем легонько дунул, и серый порошок, взлетев на миг, исчез. Юноша постоял немного, склонив голову, потом повернулся и направился к деревне. Войдя в хижину, он собрал свои по-Литки, окинул взглядом опустевший дом и оставил его навсегда.

Шел он долго, не замечая времени, не отмеряя пройденного расстояния. Спал он прямо на земле, не заботясь о своей безопасности, так как дикие звери не нападали на него, а пищу Джериму в изобилии поставляли сами джунгли. Белые крупные семена нута прекрасно утоляли голод, да и ароматные желтые бананы — любимое лакомство обезьян — неплохо подходили для плотного обеда. Тамаринд, рожковое дерево, щедро предлагал свои кисло-сладкие плоды, прекрасно утолявшие жажду. Его с успехом могли заменить и дикие гранаты, и плоды каперсов, удивительно напоминавшие распустившиеся цветы своей ярко-зеленой оболочкой и алой мякотью, усыпанной серыми семенами

Как ни хорошо чувствовал себя Джерим в джунглях, он в конце концов начал скучать без людей. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь, тем более что за время путешествия вопросов, на которые он не мог дать ответа, у юноши накопилось немало. И вот однажды утром, словно стремясь выполнить его желание, джунгли расступились, и Джерим увидел высокую

каменную стену. Сначала ему показалось, что это просто огромный оползень с горы, видневшейся на горизонте, но, подойдя поближе, юноша увидел массивные ворота из черного эбенового дерева. Сверху донизу их покрывала сложная затейливая резьба, однако, как ни старался Джерим, смысл многочисленных рисунков остался для него неясным.

У ворот стоял высокий старик в просторном одеянии. Джерим приблизился, слегка поклонился старцу и сказал:

— Приветствуя тебя, отец! Да продлят боги твои дни. Да пребудет на тебе их благословение.

— Приветствуя и тебя, сын мой, — спокойно ответил старец.

Джерим помолчал, надеясь, что его собеседник начнет задавать вопросы, но тот, казалось, не проявлял к путнику ни малейшего интереса. Тогда юноша заговорил снова:

— Моя мать, умирая, велела мне отправиться на поиски обители, где я обрету пищу для разума и познаю истину.

— Ты у цели, — ответил старик и снова замолчал.

— Могу ли я войти? — спросил Джерим.

— Попробуй.

Створки ворот открылись на удивление легко, и Джерим решительно шагнул внутрь. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что по-прежнему стоит перед стеной! Он шагнул еще раз, но снова у него ничего не получилось. Тогда он повернулся к стражу ворот:

— Я не могу этого сделать.

— Назови свое имя иди, — посоветовал страж.

— Джерим, — громко произнес юноша и опять попытался войти в ворота, но по-прежнему остался на месте. — Зачем ты смеешься надо мной? — обиженно спросил он старика. — Если я не подхожу для вашей обители, так и скажи.

— Обитель Знания открыта для всех, кто на самом деле жаждет его. Ты назвал имя, которое дали тебе при рождении. Но все на свете имеет иные имена, скрытые, истинные. И люди тоже. Назови свое истинное имя, и тогда у тебя все получится,

— Но я не знаю других имен. Меня всегда звали только так, — удивился Джерим.

— А ты не торопись, — улыбнулся старец. — Подумай.

Джерим отошел в сторону и задумался так глубоко, что перестал замечать и ворота, и их стража. Вдруг ему послышалось, что кто-то шепнул: «Тавананда». Юноша вздрогнул, затем решительно тряхнул головой и направился к воротам.

— Погоди, — остановил его страж, — Ты, похоже, услышал свое истинное имя, но пока еще не знаешь о нем ничего. Запомни, произносить его вслух можно только в стенах Обители Знания, ибо в нее не могут проникнуть приверженцы Зла. Знай, что тот, кому ты доверишь это имя, получит власть над тобой. Поэтому лучше бы его не знал никто, кроме тебя.

— А ты? — поинтересовался юноша, — Ты ведь сейчас услышишь его.

— Я не причиню тебе зла, — просто ответил старец, и Джерим почему-то сразу поверил ему.

Толкнув створку ворот, он громко воскликнул: «Тавананда!», и нога его ступила на каменные плиты, которыми был вымощен внутренний дворик. Джерим в изумлении Гляделся по сторонам. Ему казалось, что он попал в совершенно другой мир. Даже небо над головой выглядело иным, плиты дворика образовывали четкие геометрические фигуры. В промежутках между ними буйно росли совершенно незнакомые юноше деревья, которые, как он позже убедился, никогда не сбрасывали листву. В центре, переливаясь всеми цветами

радуги, был небольшой фонтан, обложенный мрамором. Вокруг него стояли массивные скамья из разных пород дерева. На некоторых из них сидели молодые люди в светло-серых бесформенных одеяниях. Кто-то общался с собеседником, кто-то читал, кто-то выводил на белоснежной тонкой бумаге, скорее всего, привезенной из Китая, славившегося чудесами, аккуратные письмена.

Джерим стоял в полной растерянности, не зная, что ему делать дальше, куда идти, к кому обращаться. Он не хотел прерывать занятия почтенных мудрецов (потом, вспоминая свои испуганные мысли, он нередко веселился: мудрецы оказались самыми обыкновенными учениками, каким вскоре стал и он сам) и надеялся, что кто-нибудь из них сам заметит его. Ожидание затянулось, и Джерим уже собрался было с духом, чтобы заговорить с молодым человеком, лицо которого наиболее понравилось ему, как откуда-то из бокового прохода появился высокий стройный человек с волевым лицом зрелого мужа и совершенно седыми волосами старика. На человеке было надето такое же бесформенное одеяние, но оно могло поспорить белизной со снегами с самых высоких горных вершин.

Человек приблизился к Джериму:

— Приветствуя тебя в Обители Знания. Я ее глава, Хранитель Мудрости. Назовись теперь и ты.

— Меня зовут... — Джерим на мгновение задумался и вдруг совершенно неожиданно даже для самого себя выпалил: — Тигр.

Хранитель понимающе улыбнулся и кивнул:

— Ты будешь способным учеником, как мне кажется, Тигр. Подойди поближе.

Джерим смело шагнул к Хранителю Мудрости, и тот положил на голову юноши сильную ладонь. На миг Джерим-Тигр перестал видеть и слышать, но тут в его мозгу прозвучал призыв: «Смотри и слушай, Тавананда!», и на него обрушился шквал всевозможных звуков, а глаза приобрели такую зоркость, что он смог увидеть каждый листок на дереве, стоявшем на расстоянии не менее пятидесяти шагов от него. Прислушавшись, Джерим понял, что слышит и понимает язык трав, деревьев и птиц, которые окружали его, и счастливо заулыбался. Хранитель, заметив, каким счастьем озарилось лицо юноши, снова кивнул и сказал:

— По-моему, я не ошибся в тебе. Ты способный ученик. — Потом он подозвал одного из сидевших на скамье молодых людей: — Подойди, Ястреб. Это наш новый ученик. Проводи его и покажи ему келью, а затем отведи к Общему Столу.

Юноша, избравший для себя столь грозное имя, оказался невысоким, но сильным и гибким. У него было открытое светлокожее лицо с ясными и добрыми глазами, на которые то и дело спадала слегка вьющаяся белокурая прядь. Джерим пристально рассматривал его, не переставая удивляться: людей такой внешности ему еще никогда не приходилось видеть. Ястреб, заметив внимательный взгляд, усмехнулся:

— Я понимаю тебя. Ты, видимо, родом из этих мест. А здесь нету ни светлокожих, ни светловолосых. Зато у меня дома даже не слыхали о таких людях, как ты.

— А где твой дом?

— В Бритунии. — И, заметив, что название страны ничего не говорит Джериму, Ястреб пояснил: — Это очень далеко отсюда. На северо-западе. Я жил у самых гор, в небольшой деревушке. У нас почти все время холодно, дождей много... Я тебе потом как-нибудь расскажу, если хочешь.

— Ты еще сомневаешься! — вскричал Джерим. — Конечно, хочу. Я вообще почти ничего не знаю о других странах. Я даже не знаю, кто я, — вдруг откровенно добавил он.

— Как это? — изумился бритунец.

— Меня нашли в джунглях. Крошечным младенцем, завернутым в тонкое полотно. При мне была лишь коротенькая записка с именем. Добрые люди вырастили меня, и я еще никогда не отлучался от нашей деревни так далеко. Но моя приемная мать умерла. Перед смертью она велела мне отыскать Обитель. И вот я здесь.

— Здесь хорошо, — улыбнулся Ястреб. — И очень интересно. Тебе понравится. Особенно если ты способный. Хранитель Мудрости считает именно так, а он никогда не ошибается. Не каждого он привечает как тебя. Ну да ладно, нам пора. Я покажу тебе твой новый дом.

Джерим быстро освоился в Обители. Его голодный ум жаждал знаний, и юноша без устали насыщал его, понимая что теперь уже не сможет остановиться, пока не познает окружавший его мир до конца. Но и это ему казалось ничтожно малым. Как человек, долго бродивший по пустыне, приникает к живительному источнику, так Джерим жадно впитывал все новые и новые знания и не чувствовал насыщения,

Обитель Знания возникла в незапамятные времена. Когда-то очень давно могущественный Маг, наделенный от рождения не только великой силой, но и необычайно добрым сердцем и чистой душой, однажды понял, что истинный волшебник — тот, в кого боги вложили дар творить чудеса еще в утробе матери, а вовсе не тот, кто изучил магию по книгам. Если чародей не познал единения со всем живым, если не полюбил людей, растения, животных как самого себя, то он может обратить свои знания во зло. Тогда Маг, уже очень немолодой, отправился в путь. Он обошел весь мир и всюду искал избранных богами, но тех, кто еще не до конца осознал свои возможности, а может, и вовсе пока не обнаружил их в себе.

Собрав несколько десятков учеников, Маг привел их в дикие края, где доселе не ступала нога человека, и решил открыть здесь школу чародеев. Выбранное место находилось на краю почти непроходимых джунглей, у подножия неприступной горы. Многие поколения воспитанников трудились тут, пока Обитель Знания не, стала такой, какой увидел ее Джерим.

Умелые руки вырубили в скале огромный замок со множеством галерей, переходов, узких и широких коридоров, балконов, больших залов и крошечных келий. В кельях жили и ученики, и их наставники. Роскошь была чужда этим людям, и потому в их жилищах, кроме простых соломенных тюфяков, предназначенных для сна, ничего не было. Для занятий существовали особые залы, книгохранилища, а также башни, прекрасно приспособленные для всевозможных наблюдений. Множество внутренних двориков тоже прекрасно подходили для занятий разными премудростями.

Обедали все в просторной столовой, носившей название Общего Стола. Все обслуживали себя сами, а еду готовили по очереди. Собственно, это было совсем не трудно, ибо пищу воспитанников и наставников составляли дары природы: ягоды, орехи, плоды. Мяса не ел никто. Да и как можно приготовить жаркое из существа, чувства и мысли которого тебе понятны как свои собственные?

Отношения в Обители были, как правило, ровными и вполне добрыми, ибо учеников объединяла общая цель — научиться правильно пользоваться даром богов: врачевать телесные и душевые раны, читать заклинания-обереги, наводить сложные иллюзии, понимать и беречь растения и животных и еще многое, многое другое.

С учениками занимались семь наставников — Учителей Силы, Мастеров. Они

преподавали юношам и девушкам историю, грамоту, языки разных народов, мастерство. Мастер Сказаний мог часами, забыв обо всем на свете, рассказывать об истории Земли, излагать легенды и предания разных народов и народностей, описывать их быт, обычаи, обряды, перечислять богов, не забывая их имена и деяния.

С Мастером Стихий молодые маги проводили очень много времени. Они бродили по лесам, поднимались в горы, плавали в реках и озерах. Мастер учил их управлять Стихиями: устанавливать погоду, менять направление ветров, призывать дожди или, наоборот, утихомиривать их. Мастер Растений знал о травах, цветах, деревьях, мхах в водорослях все. Ученикам приходилось целые дни напролет заучивать названия растений, их облик, назначение. Они должны были различать ядовитые травы и цветы и уметь использовать их для врачевания, ибо иногда даже яд можно применять с пользой; готовить отвары и настои и ни в коем случае не ошибаться, когда требовалось назвать болезни, от которых они помогают; знать, какие растения можно употреблять в пищу сырыми, а какие непременно надо варить; какие поделки можно изготовить из той или иной древесины и даже как составлять букеты, чтобы он могли заменить письмо.

Мастер Животных, казалось, породнился со всей живностью, обитавшей в небе, воде и на суще. Он знал и понимал все живое. Хищники ласкались к нему; птицы садились на плечи и голову и что-то щебетали, посвистывали, клекотали; змеи ползали по нему, как по лианам, и повисали на шее разноцветными ожерельями; всевозможные маленькие зверюшки вечно сидели у него на руках, и даже рыбы подплывали к самому берегу, если он подходил близко к какому-нибудь водоему. Он учил своих воспитанников не только узнавать животных, но и (и это, пожалуй, было самым главным) просто любить их.

Мастер Земли знал все о ее недрах. Камни, столетиями гордо взиравшие на окружающий мир, делились с ним своими секретами. Источники стремились к нему навстречу, а неприступные горы пропускали его там, где ни один человек не сумел бы пройти. И когда он рассказывал о своем предмете, казалось, земля дышит, а камни улыбаются.

Полюбил Джерим и занятия с Мастером Превращений. Тот знал все заклинания на свете, умел наводить потрясающие иллюзии, мог превратить все что угодно во все что угодно. От него Джерим узнал, какое это непростое и ответственное дело — иллюзии и превращения. Чтобы создать хорошую устойчивую иллюзию, надо дать вещи новое имя, ибо определенному имени соответствует и определенная форма, и произнести сначала истинное, тайное имя, а затем новое, а уж потом приступать к превращениям. Так же можно изменить и себя, но во всех случаях очень важную роль играет имя. Ведь если забыть свое истинное имя, то никогда не вернешь себе прежний облик, а если его узнает кто-то другой, то он получит власть над твоей сущностью, сможет распоряжаться твоей жизнью и смертью.

Мастер Истины владел всеми древними языками и обучал им воспитанников. Все истинные имена, и растений, и животных, и людей, — это имена на самом древнем языке. Ученикам приходилось заучивать сотни и сотни толстенных плотных свитков, на которых убористым почерком исчислялись имена и названия. Ошибаться было нельзя: любая, даже совсем крошечная, ошибка могла привести к роковым последствиям.

Пройдя все семь ступеней обучения, воспитанники представляли перед Хранителем Мудрости, Великим Мастером. Его знания были столь глубоки, а мудрость столь безгранична, что ему не приходилось задавать вопросы ученикам. Он сам видел, кто из них чего достиг, и определял их дальнейшую судьбу. Избранных, наиболее способных, Великий

Мастер приглашал в Рощу Откровения, где они постигали понятия Добра и Зла, а потом давали обет служить Добру. Если во время церемонии обета появлялся благоприятный знак, ученик становился послушником, и для него наступал следующий этап обучения.

Только те чародеи, которые прошли послушание в Обители Знаний, умели творить настоящие чудеса, отличавшиеся от иллюзий и фокусов, как день от ночи. Они обучались врачевать без снадобий и даже возвращать жизнь, если тело еще не остыло и мозг не умер. Чтобы послушники могли распознать состояние мозга, в них развивали телепатические способности, а кроме того, у них открывался дар улавливать и различать настроение на большом расстоянии, причем не только людей, но и растений и животных.

Завершив послушание, маги проходили обряд посвящения в Подмастерья, после которого покидали Обитель. Если Подмастерье не нарушил обет служения Добру, он мог вернуться, но не раньше чем через тридцать лет, ибо обязан был применить полученные знания и отыскать хоть одного ученика себе на смену.

Вернувшийся становился Мастером и воспитывал новые поколения чародеев. Мало кто из обучавшихся в Обители нарушал обет, но если такое случалось, ворота из эбенового дерева не пропускали его. К тому же послушника ждала кара: поединок с другим Подмастерьем, во время которого преступник должен был погибнуть. Уйти от возмездия было невозможно. Рано или поздно Великий Мастер узнавал о совершенном зле, и тогда на поиски отправлялся Подмастерье, несущий негодяю смерть. Так повелел Маг, основавший Обитель Знания.

Несколько лет, которые Джерим провел в Обители промелькнули для него незаметно. Каждый день был заполнен до отказа, и юноша жалел только об одном: никак нельзя замедлить ход времени, чтобы успевать как можно больше.

Он быстро стал любимцем всех Мастеров, и даже сам Хранитель Мудрости часто беседовал со способным учеником. Воспитанники даже поговаривали о том, что Хранитель готовит Тигра себе на смену. Однако Джерим не обращал ни малейшего внимания на подобные разговоры. Ему было некогда думать о том, что может произойти через несколько десятков лет. Он учился. Учился заново видеть мир и понимать его.

Когда настала пора предстать перед Великим Мастером, Джерим числился среди лучших учеников. Хранитель пригласил его к себе, долго смотрел в умные рыжие глаза любимого воспитанника, а потом сказал:

— Вот и закончилось твое обучение, Тигр. Ты нашел в Обители то, что искал?

Юноша задумался на мгновение и совершенно неожиданно ответил:

— Нет.

— Нет? — изумился Хранитель Мудрости. — Разве ты получил мало знаний?

— Когда я первый раз вошел в ворота Обители, я не знал ничего, — пояснил Джерим. — За годы, проведенные здесь, мой голодный разум впитал огромное количество всевозможных сведений, но мне этого мало. Я чувствую, что способен на большее. Пойми, это не гордыня говорит во мне. Просто я так чувствую. — Он помолчал немного и добавил: — Прости, если обидел тебя.

— Обидел? А что такое обида? — усмехнулся Великий Мастер. — Обижается лишь глупец, а умный человек делает выводы из сказанного. Ты прав. Тигр. Тебе этого мало. Что ж, Роща Откровения примет тебя. Вот потом и поговорим.

Джерим, с трудом сдерживая охватившее его волнение, подошел к Хранителю, взял его руку и приложил к своему лбу.

— Благослови меня, Мастер, — тихо попросил он.

— Зачем тебе это? — отозвался Хранитель. — Тебя уже благословили боги.

— Мне очень это нужно.

Хранитель Мудрости кивнул и, не снимая руки со лба юноши, произнес необходимые слова. Джериму показалось, что чистая живительная влага омыла его душу. Он светло улыбнулся, затем опустил голову в полупоклоне и быстро покинул келью Мастера.

В Роще Откровения, которую посадил первый Маг со своими учениками, всегда было лето. Деревья никогда не сбрасывали листву, травы не меняли цвет, многочисленные прекраснейшие цветы наполняли воздух благоуханием. Легкий ветерок ревился в пышных кронах, заигрывал с травами и кустами, и казалось, что Роща все время что-то говорит, однако понять ее суждено было далеко не каждому, даже из тех, кому выпало счастье посетить Рощу. С первых шагов по шелковистому травянистому ковру Джерим испытал доселе неведомое ему чувство. Нечто подобное, наверное, испытывает странник, после многолетних мытарств вернувшийся домой и обнаруживший, что его 8е забыли и ждали долгие годы. Джериму хотелось лечь и Прижаться щекой к каждой травинке, потом пройтись по Роще, обнимая и поглаживая каждое дерево, вдохнуть полной грудью напоенный ароматами воздух и в конце концов остаться здесь навсегда. Это было хорошим знаком: Роща ждала его и приняла безоговорочно. Джерим знал, что где-то в Роще сейчас должен находиться и Ястреб, ставший ему за годы пребывания в Обители другом. Сначала юноша пытался разыскать бритунца, чтобы поделиться с ним своими впечатлениями, но вскоре убедился в тщетности своих попыток и оставил эту затею. Дни быстро сменяли один другой, время, отведенное на пребывание в Роще, шло, Джерим наслаждался душевным покоем и тихой радостью, наполнявшей его, но с ним ничего не происходило, и наконец это стало беспокоить молодого чародея, ведь если он не дождется таинственного знака, ему никогда не стать Подмастерьем и придется довольствоваться теми крохами большого Знания, которые он уже получил.

И все-таки Джерим дождался! Однажды ночью ему привиделся удивительный сон, первый со дня пребывания в Роще Откровений. К нему пришел благообразный старец в белом одеянии с легкими, как пух новорожденного птенца, волосами и длинной совершенно седой бородой до пояса. Старец поманил юношу рукой, и тот повиновался, ибо от седобородого исходила такая мощная сила, что даже мысль о несогласии с ним не могла возникнуть.

Не говоря ни слова, старец повел Джерима из Рощи. Они шли очень долго, взирались на казавшиеся неприступными горы, поднимаясь к самым облакам; бродили по непроходимым лесам, и деревья расступались, показывая потайные тропинки; шли по бескрайним пустыням, где пески, стоило старцу прикоснуться к ним рукой, выбрасывали тонкие фонтанчики живительной влаги; проходили по рекам и озерам, словно под ногами была не холодная вода, а надежная твердь; опускались на морское дно, и зеленые глубины открывали перед ними свои сокровища. Затем они вернулись в Рощу, и старец наконец-то заговорил:

— Тавананда, ты увидел сейчас весь мир, каким до тебя его знали немногие. Только человеку с ясным внутренним взором открываются эти глубины. Только человек с чистой душой может к ним прикасаться. Теперь тебе пора. Ты должен покинуть Рощу Откровения и начать наконец путь к Истине. Готов ли ты посвятить свою жизнь служению Добру?

— Готов, — коротко ответил юноша.

Джериму хотелось задать множество вопросов, но седобородый старец исчез, растворившись в предрассветной дымке. Юноша проснулся и понял, что к нему приходил сам первый Маг, что

их головокружительное путешествие и есть тот самый долгожданный знак, открывающий ему дорогу к дальнейшему познанию мира. Джерим рассмеялся так громко, что с ветки ближайшего дерева вспорхнула испуганная птица.

— Прости меня, пернатый друг, — промолвил юноша. — Я не хотел тебя пугать. Просто я так счастлив, что не могу даже рассказать об этом.

Молодой маг быстро поднялся и, как ни хорошо было ему в благословенной Роще, решительно направился прочь. Он хотел поскорее отыскать Хранителя Мудрости и поведать ему о случившемся. Однако слова не понадобились. Едва Великий Мастер увидел Джерима, он сразу все понял.

— Можешь не объяснять, Тигр. Я все знаю. Тебе выпала великая честь: сам Маг приходил к тебе. Что ж, я нисколько не сомневался, что тебе еще рано покидать Обитель. — Он обернулся, принял из рук подоспевшего Мастера Истины светло-голубое одеяние и протянул его Джериму: — Ступай. Переоденься. Отныне ты послушник.

— Но как же обет служения Добру? — растерялся Джерим. — Церемонии-то еще не было...

— Для того, кто дал слово самому Магу, — ответил Хранитель Мудрости, — не нужны церемонии.

Джериму хотелось, чтобы время послушничества тянулось как можно дольше, ибо каждый день, каждый час, даже каждый миг дарили ему новые знания, навыки, умения.

Если бы ему в детстве сказали, что он сможет читать чужие мысли, как следы зверей в джунглях, слышать их, как голос друга, что ему станут ведомы настроения и чувства людей, животных, трав и цветов, которых он даже Никогда не видел, а может быть, и не увидит, что он сумеет поднять человека со смертного одра, вернуть уже ступившего на Серые Равнины, не превращая его в зомби, а оставляя нормальным и полноценным, он просто расхохотался бы, а йотом заявил, что подобным образом щутить неприлично. Теперь же он все это знал и умел. Ему открылись тайны жизни и смерти, ему была дарована великая сила, и, умело обращаясь с нею, он мог неустанно творить добро.

Итак, к великому огорчению Джерима, пребывание Обители Знаний подходило к концу. Настал день, когда Хранитель Мудрости позвал его к себе и сказал:

— Завтра ты пройдешь обряд посвящения в Подмастерья. Это будет твой последний день в Обители. Наутро следующего дня ты покинешь ее. Но не печалься. Ты еще можешь вернуться. Для этого надо прожить вне наших стен три десятка лет, ни разу, даже в мыслях, не нарушить данного Магу слова и отыскать хотя бы одного нового ученика. После этого ворота вновь откроются перед тобой. Тогда ты станешь Мастером. А сегодняшний вечер проведешь в своей келье. Тебе есть о чем подумать.

Весь вечер Джерим вспоминал свою жизнь, с самых первых шагов, с самых первых впечатлений, и в конце концов решил, что правильно выбрал путь. Более того, этот путь для него — единственный. И тогда он понял, почему перед обрядом посвящения мага оставляют наедине со своими мыслями: если он хоть на миг усомнится, его нельзя отправлять к людям, беззащитным перед огромной силой, которой он обладает.

Обряд оказался, на удивление простым и коротким. В зал для общих сборов, который в Обители назывался Очагом, пришли послушники, подготовленные к посвящению, и все Мастера, щедро делившиеся с ними своими знаниями, а также Хранитель Мудрости, которого молодые маги считали своим духовным отцом. Мастера и маги сидели у противоположных стен Очага на длинных деревянных скамьях.

Будущие Подмастерья по одному подходили к Мастерам и вставали на одно колено. Каждый Мастер клал послушнику на голову руку и произносил одну и ту же очень краткую речь:

— Ты пришел сюда с открытой душой и уходишь с открытой душой. Ты пришел сюда с жаждой познания и уходишь, до конца не удовлетворив ее, ибо познание бесконечно. Ты дал обет служения Добру, и отныне оно для тебя — верховное божество.

Затем послушники поднимались с колен и поворачиваясь к Хранителю Мудрости. Тот касался тонкими изящными пальцами сначала лба, затем губ, а потом сердца каждого, словно накладывая печать на полученные знания навыки, и говорил:

— Отныне ты Подмастерье Обители Знаний. Да приведет тебя дорога к Мастерству.

Обряд закончился, и наутро следующего дня Джерим покинул Обитель, решив для себя, что обязательно вернется в эти стены. У него не было дома, не было семьи, не было даже земли, о которой он мог бы сказать, что родился там. Весь мир был открыт для молодого чародея, и Джерим решительно зашагал вперед, торопясь навстречу этому распахнутому перед ним простору.

Глава третья

Благословенный, роскошный, радостный и шумный город Аграпур, раскинувшийся на берегу моря Вилайет, зимой превращался в невообразимый кошмар. Мокрый снег, с утра до вечера и с вечера до утра падавший с небес крупными хлопьями, засыпал каменные мостовые и тут же оборачивался хлюпавшей и чавкавшей грязной жижей и глубокими лужами. В такую мерзкую погоду никому не хотелось даже носа высывать на улицу. Лишь изредка появлялся богатый паланкин, который несли отчаянно ругавшиеся носильщики, а все остальное время в городе можно было встретить только воров, блудниц, попрошаек, бродяг, и потому в зимние месяцы лицо города менялось до неузнаваемости.

Владельцы всевозможных трактиров и гостиниц, правда, не жаловались, ибо для них наступало благословенное время. Вот и сейчас хозяин «Красного сокола» довольно потирал руки, видя, что свободных столов в его заведении почти не осталось. Тут было тепло, сухо, подавали вполне сносную еду и вино, не вызывавшее изжоги и икоты, а танцовщицы славились красотой, изяществом и доступностью. Что еще нужно уставшему солдату, с утра пораньше маршировавшему на плацу, больше похожему на болото, вору, сбившемуся с ног в поисках богатого ротозея и наконец-то отыскавшему добычу, или контрабандисту, удачно сбывшему товар и позволившему себе немного отдохнуть, как не посидеть в тепле и уюте, не выпить приличного вина присмотреть себе пышную красотку и, договорившись о цене, подняться с ней наверх по скрипучей деревянной лестнице в тесные, но чисто убранные комнатенки с широкими мягкими постелями?

За одним из столов, вальяжно развалившись, сидел молодой гигант лет двадцати от роду с нечесаной гривой черных волос. Его пронзительно синие глаза слегка осоловели, и это было неудивительно, если учесть, что за сегодняшний вечер он поглощал уже пятый кувшин терпкого красного вина. Рядом с ним удобно устроился его приятель, плутовскую рожу которого наискосок пересекала черная повязка, скрывавшая давно потерянный а драке глаз.

Черноволосый поднял кувшин, тряхнул его как следует, прислушался, затем перевернул его кверху дном и задумчиво уставился в стол. Его ожидания оказались напрасными: на ровную деревянную поверхность не пролилось ни капли. Молодой человек с грохотом опустил на стол увесистый кулак, которым запросто можно было повалить боевого слона, и заорал: — Еще вина!

— Конан, — обратился к своему собутыльнику одноглазый, — держи себя в руках. Товар мы сдали, но следующего пока не предвидится, Сам знаешь наше ремесло: то пусто, то густо.

— Деньги — грязь, — усмехнулся Конан. — Не будет товара, всегда найдется чей-нибудь дом, до отказа набитый всяkim барахлом. В конце концов, воровство ничем не хуже контрабанды. Тебе, Ордо, не к лицу благочестивость.

Зная упрямство и привычку своего давнего приятеля не думать о завтрашнем дне, Ордо прекратил всякие попытки убедить его не спускать все монеты сразу. Он замолчал и принялся рассматривать танцовщиц. Те нисколько не скрывали своих прелестей и, наряжаясь, чаще всего ограничивались ожерельями, браслетами и наилегчайшими одеяниями, более походившими на ленты, нежели на юбки. Что и говорить, зрелище было увлекательным, и вскоре Конан тоже сосредоточился на нем. Он почти уже решил, какая из красоток развязет сегодня его кошелек, как от приятных мыслей его отвлек новый

посетитель.

Дверь таверны медленно отворилась, и на пороге возник человек странной наружности. Одет он был в длинную меховую куртку с капюшоном, отороченную мехом, который когда-то, похоже, был белым, но теперь изрядно истрепался. На широком скуластом лице выделялись почти черные раскосые глаза. С первого взгляда его можно было принять за кхитайца, но стоило присмотреться получше, как становилось ясно, что к этой далекой стране он не имеет никакого отношения. Его кожа цветом напоминала старую медь, а почти квадратной формы толстые губы были столь яркими, что, казалось, на них лежит слой краски. Тонкий прямой нос на широком лице выглядел несущарозно маленьким, однако незнакомца нельзя было назвать некрасивым. Новый посетитель откинулся промокший капюшон, я Конан удивился еще больше: длинные прямые и, по-видимому, жесткие волосы были коротко срезаны на макушке, придавая мужчине более чем странный вид.

Незнакомец постоял на пороге, словно не решался войти, но затем все-таки шагнул вперед, прошел между столами и приблизился к хозяину таверны. Поговорив о чем-то с хозяином, странный мужчина кивнул и направился к лестнице, однако пробыл наверху недолго и вскоре спустился вниз. Куртки на нем уже не было, но и надетые под ней широкая рубаха и штаны из тонкой кожи говорили о том, что незнакомцу неведома ткань. Или что он просто не привык к ней.

Мужчина сел за один из свободных столиков и жестом подозвал девушку, обслуживавшую посетителей. Что он ей сказал, Конан не слышал, но зато увидел, как глаза девушки округлились от изумления. Она задумалась, закусав губу, потом решительно кивнула и удалилась на кухню. Вскоре она вернулась, неся тарелку, на которой лежал увесистый кусок сырого мяса. Не обращая внимания на присутствующих, незнакомец достал острый костяной нож и начал медленно есть, отрезая от мяса тоненькие полоски и с явным удовольствием пережевывая их ровный гул, висевший в воздухе таверны, как густой дым над остывающим пожарищем, постепенно стих, настолько необычный посетитель заинтересовал окружающих. Большинству он явно не нравился. И дело было вовсе не в том, что он вызывал неприязнь, просто все изрядно выпили, настроение оставляло желать лучшего, но поводов для ссор никто не находил, и потому напряжение нависало над головами, как гроза. Незнакомец же пришел издалека, был тут чужаком, и наиболее здирившие уже лихорадочно обдумывали, к чему бы прицепиться, чтобы не начинать драку, а якобы ответить на вызов.

Первым нашелся один из самых гнусных людышек, время от времени заглядывавших в таверну. Его имени никто не знал, вполне возможно, что он и сам давно забыл его и привык к прозвищу Белозубый. Кто назвал так этого громилу, вряд ли он и сам вспомнил бы, но этот кто-то был, похоже, весельчаком, ибо все свои зубы до единого Белозубый порастерял в бесконечных уличных пьяных драках. Белозубый повернулся к своим собутыльникам и громко сказал, чтобы слышали все:

— Никогда не жрите сырого мяса, а то и от вас будет вонять так же, как от этого косоглазого.

Запашок от незнакомца был и правда не из приятных. В том, что он не знаком ни с горячей водой, ни с мылом, сомневаться не приходилось. Но в конце концов, он ведь и не в королевский дворец пришел. В таверне собирались разные люди, и некоторым из них тоже не мешало бы хорошенъко помыться. Однако приятели Белозубого загоготали во все глотки и на всякий случай положили руки на пояса, где у каждого висел нож. Незнакомец оторвался от еды, поднял голову, внимательно посмотрел на весельчаков, улыбнулся и вновь принял

есть. Белозубый оторопел. Он никак не ожидал такой реакции.

— Чего скалишься?! — заорал он. — Видал? — И он показал добродушному противнику увесистый кулак. — Щас врежу по зубам!

— У меня-то хоть они есть, — ответил незнакомец, пожимая плечами.

Говорил он с каким-то невероятным акцентом, и Конан, который, несмотря на свою молодость, уже побродил по свету, не понял, откуда тот явился.

Белозубый и его спутники только того и ждали. Они повскакивали с мест, выхватывая ножи. Громила подскочил к столу, за которым сидел незнакомец, резким движением руки сбросил на пол тарелку с остатками мяса, а второй рукой схватил противника за грудки и поднял его со скамьи. Не успел тот опомниться, как тяжеленный удар обрушился на его голову. Конан встрепенулся, но Ордо становил его:

— Тебе-то что за дело? Не вмешивайся.

— Да он ведь как ребенок! — возразил Конан. — Посмотри, он даже драться не умеет.

— Ну и что? — равнодушно зевнул одноглазый. — Не надо было вякать.

Конан согласился с приятелем, но продолжал пристально следить за дракой, чтобы все-таки вмешаться, если дело зайдет слишком далеко. Ждать ему долго не пришлось. Пьяная компания навалилась на беззащитного незнакомца и начала его дубасить чем попало. Киммериец никогда не отличался особой чувствительностью и нежным сердцем и не встревал в чужие потасовки, однако своеобразный варварский кодекс чести, которому он неукоснительно следовал, не позволял ему спокойно смотреть, когда обижают слабых, женщин и детей.

Конан быстро понял, что незнакомец миролюбив и мягок и не может постоять за себя. Варвар вскочил, легко оторвал от пола тяжелую скамью и бросился к дерущимся. Стоило ему один раз опустить на головы свое оружие, как толпа рассыпалась, оставив несколько неподвижных тел.

Увы, вмешался он слишком поздно. Конан наклонился над незнакомцем, лицо которого превратилось в кровавое месиво, тот медленно открыл глаза, набрал в легкие воздуха, словно собирался что-то сказать, но силы покинули его, глаза помутнели, уголки губ дернулись, он выпрямился и затих. Киммериец приподнял голову погибшего и увидел на высокой скуле изображение маленькой черной чайки.

«Странная татуировка», — подумал Конан и, сам не пони-пая почему, осторожно коснулся ее пальцем.

Вдруг яркая вспышка ослепила варвара, его обдало жаром, а по телу пробежала дрожь. Это длилось всего мгновение. Варвар тряхнул головой, отдернул руку и выругался. Он терпеть не мог всевозможного колдовства, а тут явно вмешалась какая-то неведомая сила. Конан ощупал себя, провел рукой по лицу и, убедившись, что с ним ничего не произошло, вернулся к Ордо.

— Я говорил тебе, не лезь, — начал одноглазый.

— Что-то я сегодня быстро набрался, — ответил Конан, словно не слышал слов приятеля, — Пойду спать.

— А девочка? — напомнил Ордо.

— К Нергалу всех девок вместе взятых! — рявкнул киммериец. — Спать хочу. Завтра поговорим.

Конан медленно поднялся по скрипучей лестнице, пинком отворил дверь и, не раздеваясь, повалился на кровать. Заснул он мгновенно, словно в выпитое им сегодня вино

был подсыпан сонный порошок. Ему приснился удивительный сон.

Бескрайние заснеженные просторы. Куда ни кинь взгляд, всюду снега, снега, снега. Ледяные кристаллики играют на солнце разнообразными цветами, словно кто-то рассыпал ровным слоем множество мелких бриллиантов. Холодно. Холодно так, что киммериец даже во сне почувствовал, как густой от мороза воздух с трудом проходит в легкие. Конан идет по ледяной пустыне, точно зная, что впереди его ждет Дом, жена, дети. Еще несколько шагов, и вдалеке оказывается необычное строение: треугольное, остроконечное, покрытое шкурами неизвестного животного. Он приближается к дому, и в памяти всплывает совершенно незнакомое раньше слово: умран. Видимо, так называется строение.

Откладывается низкий полог, и из умрана на четвереньках выползает очаровательная хрупкая женщина в такой же меховой куртке, какая была надета на незнакомца. Чуть раскосые черные глаза женщины светятся радостью. Она бросается навстречу киммерийцу и восклицает:

— Млеткен! Где ты так долго пропадал? А где Анкаля?

Конан внезапно проснулся и резко сел. Кром! Не сходит ли он с ума? Однако самым удивительным оказалось то что он тут же вспомнил имя женщины: Уквун. Вспомнил? Он никогда не знал его! Он нигде прежде не встречался с этой женщиной и вместе с тем осознавал, что она близкий и родной ему человек.

Негралово отродье — этот незнакомец... Что он такое сделал? Откуда появились чужие сны? В том, что сон чужой, Конан нисколько не сомневался, но как такое могло случиться, объяснить был не в состоянии. Он замысловато выругался и попытался снова заснуть, но стоило закрыть глаза, как опять злые ветры закружили над землей снежные вихри. Варвар заставил себя проснуться, встал и, тяжело ступая по лестнице, спустился вниз.

В таверне сидело несколько посетителей, мрачно накачивавшихся подогретым вином. На киммерийца никто не обратил внимания, и это было их счастьем, ибо Конан настолько разозлился, что, подними хотя бы кто-нибудь на него глаза, он тут же ввязался бы в драку.

Последствия свершившегося накануне побоища были тщательно убраны, трупы куда-то унесли, и лишь расколотая от мощного удара скамья напоминала о том, что тут произошло вечером. Конан осмотрелся по сторонам и решительно шагнул к столу, за которым раньше сидел незнакомец. Варвар потребовал вина и попытался сосредоточиться. Это у него плохо получалось, потому что он больше привык работать кулаками и мечом, нежели головой. Однако он горел желанием разобраться в том, что с ним случилось. В голову лезли всевозможные мысли, но ни одна не помогала ему понять происшедшее. «Анкаля, сестренка...» — вдруг подумал он и вздрогнул. Опять начинается! Да что же это за проклятие?!

В свои неполные двадцать лет Конан успел побывать во многих странах, немало пролить крови, познать рабство, обучиться воровскому мастерству, попробовать жизнь наемника, заниматься контрабандой. Ему уже не раз приходилось сталкиваться со всевозможными магами, ведьмами, демонами, и ни один из них не ушел от острого меча киммерийца. Он не боялся ни оживших мертвецов, ни воинственных мумий, ибо знал, что с ними можно покончить, он бросал вызов богам, когда охранял священную рощу, но и этой схватки вышел победителем.

Именно варвар раскрыл тайну магического меча Скелоса это он вместе с неповторимой Карелой уничтожил мага Аманара и золотого демона Морат-Аминэ, Ловца Душ (при мысли о своюенравной, непредсказуемой рыжеволосой красавице Конан улыбнулся, и его настроение

стало не таким мрачным). И все равно киммериец с великой опаской относился ко всему, что было связано с волшебством. Победы победами, но до сих пор он выходил на бой со злым врагом, а то, что сейчас с ним происходило, не поддавалось никакому объяснению. Во всяком случае, сам Конан не мог справиться с этой загадкой.

Для начала он решил поговорить с Ордо. С одноглазым киммериесом познакомился в шайке Карелы, Рыжего Ястреба, и тот неоднократно сумел доказать свою преданность и надежность. Кроме того, Ордо обладал ясным и трезвым рассудком, чего сейчас Конану явно недоставало.

Ордо внимательно выслушал сбивчивый рассказ взволнованного приятеля и криво усмехнулся:

— Предупреждал ведь я тебя, не пей так много. Проспись как следует, и все встанет на свои места.

— Как ты не понимаешь! — вскричал варвар. — Спать-то как раз я и не могу спокойно. Мне снятся какие-то дикие сны.

— Ты что, приятель, снов начал бояться? — изумился Ордо. — Что-то на тебя не похоже.

— Конечно, не похоже, — горячо откликнулся Конан. — Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Этот узкоглазый, наверное, был колдуном и навел на меня какую-то дрянь, которая теперь мешает мне жить.

— Тебе ли бояться колдунов, — спокойно ответил Ордо. — Сколько их уже отvedали твоего меча?

— Да этот-то и так уже подох! — разозлился киммериец. — Я не могу драться со снами и дурацкими мыслями.

— Плюнь и забудь, — пожал плечами одноглазый.

— Легко тебе говорить, — проворчал Конан. — Это не ты обзавелся женой где-то в снегах и сестрой, которой никогда в жизни не видел.

— И не увидишь. Скоро придет новый товар. Некогда будет о всякой чепухе думать. Да и спать почти не придется.

Этот разговор, как ни странно, немного успокоил Конана тем более что несколько следующих дней его не мучили на чужие воспоминания, ни странные сны. Он благополучно спустил в различных кабаках почти все свои деньги, осчастливил страстными ласками половину припортовых красот, выпил целое море вина и вновь почувствовал себя прежним. К этому времени Ордо разыскал очередного заказчика, и контрабандисты принялись готовиться к серьезному делу. Однако когда почти все было готово и оставалось лишь решить несколько мелких вопросов, чтобы начать действовать, Конан вдруг почувствовал, что ему надо срочно покинуть Аграпур и двинуться на север. Чем было вызвано такое неожиданное изменение всех его планов, он объяснить не мог. Просто ему надо было куда-то идти, и как можно скорее.

Ордо вспылил так, что, казалось, под ним сейчас загорится скамья:

— Ты совсем рехнулся?! Мы все на тебя рассчитывали, а ты собираешься бросить нас ни с того ни с сего.

— Пойми, — попытался оправдаться киммериец. — Это не я. Кто-то тянет меня отсюда, и если я откажусь... Да нет! Не могу я отказаться!

— Ну и убирайся на все четыре стороны! — рявкнул Ордо, поднялся со скамьи и ушел, ни разу не обернувшись.

Конан хотел броситься за ним, но понял, что все равно ничего не объяснит приятелю, потому что сам не знает, что с ним происходит. Вскоре он уже был в Аките, но, убедившись, что его там ничего не держит, покинул город на следующий же день. Ноги сами вели его в Замору, хотя ему совершенно не хотелось туда идти. Сумасшедшие сны опять вернулись. Чаще всего ему снилась молоденькая девушка с такой же крошечной чайкой на щеке, как и у незнакомца, которого он столь опрометчиво бросился защищать. Девушка смотрела на него печальными глазами и твердила одно и то же: «Торопись, Млеткен, торопись. Еще немного, я не выдержу. Тогда ты больше не увидишь меня».

Конан пытался отвечать ей, сказать, что он вовсе не Млеткен, что он даже не знает, кто такой Млеткен, но в своих снах он был немым. Сны всегда обрывались неожиданно, словно кто-то стирал огромной тряпкой картинку и оставлял лишь непроницаемый черный фон. Временами киммерийцу казалось, что он сошел с ума окончательно, однако когда он вновь обретал способность спокойно и разумно мыслить, то понимал, что какие-то неведомые силы затеяли с ним большую игру, и давал себе слово довести ее до конца. Он мог бы и не давать слова, ибо все равно был не в силах сопротивляться мощным толчкам, направлявшим его все дальше и дальше неизвестно куда.

После нескольких дней изнурительного пути (изнурительного потому, что Конан сам себе напоминал безмозглое животное, которого палкой гонят не то на водопой, не то на заклание) он пересек границу Заморы. Ближайшим городом, лежавшим на его пути, был Аренджун, столица государства. Аренджун не зря называли городом воров. И сам город, и его окрестности издавна привлекали всевозможный сброд: грабителей, карманников, шлюх, разнообразных преступников со всего света. Путники, направлявшиеся в столицу, опасались ходить поодиночке, но даже и большие компании часто либо погибали, либо расставались со всем своим добром.

Конану нечего было бояться. Он нисколько не сомневался, что справится с любыми головорезами, и поэтому шел открыто, ни от кого не прячась. До Аренджуна оставалось менее дня пути, когда далеко впереди киммериец рассмотрел силуэт одинокого путника. Смельчак был высок ростом, черноволос и, похоже, довольно-таки силен. Но даже зоркие глаза варвара, сколько он ни напрягал их, не увидели какого бы то ни было оружия. Конан решил немного сбавить темп и понаблюдать. Безоружный путник вполне мог оказаться приманкой. Банды грабителей иногда выставляли на дорогах либо миловидную девушку, с либо симпатичного ребенка, либо хлипкого юношу. «Приманки» обманом завлекали путешественников в самое логово, где их и обирали до нитки, а иногда и перерезали им глотки.

Путник явно направлялся к Аренджуну и, похоже, не спешил. Однако его медлительность не была вызвана осторожностью, весь его облик говорил о том, что он ничего не боится. Лишь один раз он остановился, посмотрел по сторонам, а затем, пожав плечами, двинулся дальше. Не успел он пройти и сотни шагов, как из кустов, которые росли как раз в том месте, где он останавливался, выскочили пятеро мужчин. Все они были невысокими, юркими и очень быстрыми. Грабители, а Конан нисколько не сомневался, что это были именно они, окружили путника и вытащили из-за поясов длинные ножи.

Киммериец, двигаясь бесшумно, словно хищник в джунглях, почти догнал их и спрятался в тех самых кустах, где раньше сидели бандиты. Теперь он мог рассмотреть всех. Головорезы, несомненно, были заморийцами. Об этом говорили и их смуглая кожа, и тонкие черты лица, и темные, густые волосы. Путник был не менее чем на голову выше любого из

них, прекрасно сложен, молод и хорош собой. В его странных светло-карих, почти рыжих глазах светились ум и доброжелательность. Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда грабители достали ножи.

— Вы, наверное, думаете, что у меня есть золото и драгоценности? — спокойно спросил он.

— Мы ничего не думаем, болван! — гаркнул один из бандитов, — Гони кошелек, а что в нем, сами разберемся.

— У меня всего несколько монет, — сказал высокий, — но с какой стати я должен отдавать их вам?

— Тебе что, жить надоело? — поинтересовался главарь.

— Да нет, нисколько. К жизни надо относиться серьезно, поэтому я и предлагаю вам разойтись по-хорошему. Мне бы совсем не хотелось причинять вам зла.

Грабители захотели так, что у главаря даже выступили слезы на глазах.

— Вот повеселил так повеселил, — полусказал, полувсхлипнул он, проводя по грязному лицу не менее грязной рукой. — Так и быть, за это мы тебя отпустим.

— Об этом я вам и говорил, — кивнул путник и повернулся, собираясь уйти.

— Эй, погоди! Ты-то пойдешь, а кошель останется.

Путник посмотрел на бандитов печальными глазами и тяжело вздохнул. Так, наверное, смотрит мать на непонятливых малышей. Ей не хочется наказывать детишек, а слов для их увещевания она уже не находит.

— Вы так ничего и не поняли. Как жаль...

— Он еще будет нас жалеть... — начал было главарь, но слова застряли у него в глотке.

В том месте, где только что находился путник, стоял здоровенный тигр, остервенело бьющий хвостом по бокам. Хищник зычно рыкнул, показав при этом острые клыки, и поднял лапу, намереваясь нанести удар. Но быть было некого. Грабители бросились врассыпную, оглашая воздух душераздирающими воплями. Вскоре все они скрылись за горизонтом.

Тигр посмотрел им вслед и зевнул. Конан выхватил меч и прыгнул вперед, мгновенно оказавшись напротив зверя. Но не успел он даже поднять меч над головой, как на месте хищника снова стоял тот же путник.

— Не горячись, — остановил он киммерийца, приветливо улыбаясь. — Ты ведь не такой же остолоп, как они,

— Ты колдун? — нахмутившись, задал варвар совершенно глупый вопрос.

— Нет, — покачал головой путник. — Я маг. Подмастерье Обители Знаний.

— Что отродье Нергала, что Нергалово отродье — одно и то же.

— Вовсе нет. Я служу Добру. А ты кто?

— Ветлан... Кром! Я киммериец. Конан.

— А меня зовут Джерим. Я из Вендии. Но почему ты зал сначала «ветлан»?

— Понятия не имею. Я даже не знаю, кто такие ветланы.

— Это маленький народ. Они живут очень далеко отсюда, на самом севере, — пояснил Джерим. — На берегу Северного моря. За тундрой.

Конан задумался. В большинстве его странных снов он видел как раз северную страну. Значит, этот таинственный Млеткен, который последнее время не дает ему покоя, нет лан? Боги пресветлые! Неужели придется тащиться в такую даль, чтобы разобраться во всем этом? Вот влип так влип

Джерим терпеливо ждал, когда рослый киммериец заговорит с ним. Чародей, конечно

же, мог заглянуть в мысли варвара и, может быть, даже помочь ему, но данный Подмастерем обет не позволял ему читать чужие мысли без ведома человека, за исключением самых крайних случаев. Сейчас опасность никому не угрожала, ничья жизнь не висела на волоске, а потону Джерим был вынужден бездействовать.

Он молча рассматривал могучую фигуру Конана, бугристые, налитые силой мышцы, резкие, словно высеченные в камне, черты лица, и этот человек все больше и больше нравился магу. Он чувствовал, что киммериец по-своему честен и благороден, что, несмотря на его явно бурное прошлое, он не кровожаден и не зол, что он может стать верным и надежным спутником. К тому же Конан явно нуждался в помощи, хотя и сам не знал об этом. Наконец Джерим не выдержал:

— Куда ты направляешься?

— Сам не знаю. Куда-то на север,

— Ты не похож на праздного гуляку.

— У меня есть цель.

— Не буду спрашивать какая, — пристально посмотрел на варвара Джерим. — Но если ты не возражаешь, я мог бы составить тебе компанию.

— Терпеть не могу колдунов, — нахмурился Конан. — От вас одни неприятности.

— Резко, зато откровенно, — рассмеялся вендиец. — Я уже объяснял тебе, что я не колдун.

— А тигр у тебя просто в дорожном мешке живет, — усмехнулся киммериец.

— А... То, что ты видел, было просто иллюзией. Фокусом. Никакого тигра. Картинка.

— Ага, — кивнул Конан. — От этой картинки бандиты столько наложили в штаны, что отсюда пахнет. Показывай и фокусы кому-нибудь другому, а я обойдусь без них. дорогой.

— Зря ты так, — огорчился Джерим. — Тебе вполне может пригодиться моя помощь.

Лучше бы он этого не говорил. Варвар нахмурился, как грозовая туча.

— До сих пор я не нуждался в няньках и, как видишь, жив и здоров. Мне не нужны никакие попутчики.

— Что ж, — печально улыбнулся чародей. — Насильно мил не будешь. Прощай.

С этими словами он резко развернулся, чтобы уйти. На том месте, где он только что стоял, столбом взвилась пыль, и Джерим исчез, словно привиделся Конану во сне. Киммериец ошарашено огляделся по сторонам, но его собеседника нигде не было видно. Неожиданно в дорожной пыли что-то блеснуло, и варвар нагнулся, чтобы получше рассмотреть, что это такое. У его ног лежала небольшая, размером меньше ладони, изящная фигурка, сделанная из чистого золота. Мастер, изготовивший ее, был большим умельцем. Тонкие черты лица статуэтки выражали доброжелательность, глаза, сделанные из крошечных камней золотисто-рыжеватого цвета, казалось, внимательно смотрели прямо в глаза Конану, и даже сам металл на ощупь не был холодным и безжизненным.

Полюбовавшись вволю своей находкой, варвар аккуратно положил ее в потрепанную дорожную сумку. «Колдун — так спешил, что обронил своего божка, — подумал он, — и даже не заметил этого. Что ж, колдовство колдовством, а золото всегда остается золотом. Очень кстати. В Аренджуле эту игрушку можно выгодно продать». Радуясь неожиданной удаче, он поспешил вперед, не глядя под ноги. И Напрасно. Не успел Конан сделать и нескольких шагов, как его правая нога провалилась в какую-то не слишком глубокую ямку, подвернулась, и киммериец рухнул ничком на землю. Острая боль пронзила его, а перед глазами закружились в бешеной пляске яркие звезды.

Придя в себя, Конан попытался встать, но не тут-то было: Нога совершенно не слушалась его. Он осторожно ощупал неестественно вывернутую и опухавшую прямо на глазах лодыжку и смаочно выругался. Сомнений не оставалось: переломана, и идти варвар не мог. Собрав в кулак всю свою волю он все же поднялся, стараясь не наступать на больную ногу, я поглядел по сторонам в поисках дерева с низкими ветвями или крепкого кустарника. Конан хотел вырезать две палки чтобы закрепить перелом, и третью для посоха, без которого ему ни за что теперь не дойти до города.

Ни одного подходящего дерева поблизости не оказалось, но справа от дороги киммериец увидел высокие густые кусты с толстыми ветвями. Сжав зубы, еле превозмогая боль, пронашившую мозг при каждом шаге, он заковылял к обочине, но вскоре понял, что больше не может идти, и пополз. Пыль забивалась ему в рот и нос, обильно струившийся по лицу пот мешал видеть, но варвар упорно продвигался к цели и, достигнув ее, сел, аккуратно пристроив посиневшую ногу на мягкой траве. Отдохнувшись, Конан достал нож и срезал пару ветвей, которые показались ему достаточно прочными.

Теперь надо было их чем-то прикрепить к лодыжке, и киммериец начал шарить в сумке, надеясь отыскать там кусок веревки, который он туда положил, собираясь в дорогу. Как назло, под руку попадалось что угодно, кроме того, что было нужно. Разозлившись на преследовавшие его неудачи, варвар, рыча и изрыгая проклятия в адрес всех известных ему богов и демонов, перевернул сумку и вытряхнул ее содержимое на траву.

Золотая статуэтка, подобранный им в пыли, сверкнув на солнце, улетела в самую гущу кустарника. Следом за ней из сумки наконец-то вывалилась веревка. Облегченно вздохнув, Конан принял обматывать ее вокруг ноги, стараясь закрепить палки так, чтобы они не съехали при ходьбе в сторону.

Увлечененный своим занятием, он все же услышал, как за его спиной хрустнула ветка, и резко обернулся. Возле самых кустов стоял вендиец.

— Откуда ты взялся? — удивился киммериец, уверенный, что маг намного опередил его.

— Я услышал, как ты ругаешься, и понял, что у тебя неприятности. Я могу чем-то помочь?

— Можешь. Затяни узел потуже. Не бойся причинить мне боль. Я терпеливый, — сквозь зубы усмехнулся Конан.

Джерим присел рядом с ним на корточки и начал быстро разматывать веревку.

— Что ты делаешь? — закричал варвар. — Я просил завязать ее, а ты...

— Не горячись, — улыбнулся вендиец. — Я хочу осмотреть твою ногу.

— Чего на нее смотреть? Самый обычный перелом. В Аренджуне полным-полно костоправов. Они знают, что с ним делать.

— Я тоже знаю.

Джерим отвязал палки, провел прохладной ладонью по распухшей лодыжке, что-то быстро пробормотал, и боль мгновенно утихла. Затем он обхватил ногу Конана руками и, читая нараспев какое-то длинное заклинание, в котором киммериец не разобрал ни слова, начал мять ее, словно лепил что-то из мягкой и податливой глины. Когда он наконец замолчал, варвар с изумлением увидел, что безобразная сизая опухоль спала.

— Теперь тебе надо отдохнуть, — сказал чародей. — Спи.

Он легко коснулся лба Конана своими тонкими пальцами, и глаза киммерийца мгновенно закрылись. Сон его был легким и приятным. Чужие видения, мучившие его последнее время, не явились, и, проснувшись, Конан ощутил себя свежим и прекрасно

отдохнувшим. Рядом сидел Джерим. Увидев, что варвар открыл глаза, маг ласково улыбнулся ему:

- Встань.
- Ты в своем уме?! Как я...
- Встань.

Конан почему-то послушался и даже задохнулся от изумления: от терзющей его боли не осталось и следа, а перелом, похоже, сросся, словно его никогда и не было.

— Как ты это сделал? — повернулся он к вендицу.

— Меня многому научили в Обители Знаний. В том числе и врачеванию. Это совсем не сложно. — Не дав варвару и рта раскрыть, он продолжил: — Солнце скоро сядет. Успеем дойти до города?

— Теперь успеем. Я чувствую себя так, как будто заново родился.

— Так ты позволишь мне пойти с тобой? Вдвоем веселее. Или ты все еще не доверяешь мне?

— Не знаю почему, — серьезно ответил Конан, — но, кажется, доверяю. Ты странный колдун. Зла в тебе нет. Если тебе все равно, куда идти, можешь пойти со мной.

Киммериец быстро собрал разбросанные на траве пожитки, затянул завязки на дорожной сумке и собрался было идти, но тут вдруг вспомнил о золотой фигурке.

— Знаешь, — обратился он к чародею, — когда ты так странно исчез, я нашел на дороге маленького золотого божка. Он, наверное, принадлежит тебе? — Джерим кивнул.—

Только он выпал из сумки, когда я искал веревку, и улетел в кусты. Сейчас я его найду.

— Не надо, — остановил его вендиец. — Я шел с той стороны и подобрал его.

Они внимательно осмотрелись, не забыли ли чего-нибудь, и поспешили к дороге, чтобы попасть в Аренджун до темноты.

Конану не раз приходилось бывать в Заморе, а Шадизар стал для него почти родным городом, ибо здесь юного варвара обучили воровскому искусству, здесь он прожил довольно долго, и только обстоятельства вынудили его покинуть шумный, веселый город. Аренджун Конан знал намного хуже и поэтому приятно удивился, когда понял, что столица почти ничем не отличается от привычного Шадизара. Те же заполненные народом многочисленные улички, те же крикливые торговцы, те же ротозеи-богачи, примерно такие же кабаки, красотки, гомон, пыль, неразбериха. В такой обстановке варвар чувствовал себя как рыба в воде, и его настроение заметно улучшилось. Он решил выбрать небольшой постоянный двор, плотно закусить и как следует отдохнуть.

Все было бы хорошо, не случись с ним очередная странность, Конан и его спутник уже подходили к массивной деревянной двери, над которой красовалась вывеска «Черноокая Дайна» с изображением соблазнительной танцовщицы, как варвар неожиданно резко остановился. С его зрением начало происходить что-то невероятное, словно он вдруг увидел все глазами двух людей сразу. Туманные волны то застилали его взор, то исчезали куда-то, и одни и те же люди виделись киммерийцу совершенно по-разному. Конан затряс головой, стараясь отогнать наваждение, но оно не проходило, в тогда варвар повернулся к Джериму, словно прося его о помощи. Магу не надо было ничего объяснять. Он подошел к Конану, провел ладонью по его глазам, и наваждение тут же исчезло, как будто его никогда и не было.

— Пойдем, — позвал Джерим. — Похоже, нам есть о чем поговорить.

Он толкнул дверь трактира, и она на удивление легко поддалась. Внутри «Черноокая Дайна» ничем не отличалась от большинства подобных заведений. Тяжеловесные

деревянные столы, ряды прочных лавок, стойка, за которой стоял невысокий смуглый человечек со взглядом не то лисы, не то шакала, помост, на котором танцевали три девушки, стремившиеся скорее соблазнить посетителей своими прелестями, нежели изумить грацией и мастерством.

Конан плюхнулся на скамью и жестом позвал хозяина. Тот мгновенно очутился возле столика, словно не подошел к нему, а перенесся по воздуху.

— Как тебя зовут? — мрачно поинтересовался варвар.

— Алпан.

— У тебя найдется пара комнат?

— К великому сожалению, двух свободных комнат нет, — Заискивающе улыбнулся трактирщик, — Только одна. Но зато какая! Просторная, светлая, чистая.

— Ты что, не видишь, что нас двое?

— Вижу, господа, вижу. Но в комнате две кровати, и вам там будет вполне удобно.

Щуплый черноглазый жулик почему-то вызывал у киммерийца редкостное отвращение, и варвару очень хотелось сомкнуть пальцы на этой тоненькой шейке. Он уже совсем было собрался это сделать, как неожиданно вмешался Джерим:

— Ну что ж, одна так одна. Мы вряд ли задержимся тут надолго.

— Уговорил, — махнул рукой Конан. — Надеюсь, у тебя есть приличное вино?

— Все, что пожелаете. И вино, и еда на любой вкус, и девочки. Скоро начнет выступать сама Дайна. Это незабываемое зрелище.

— Катись ты к Нергалу в задницу со своими девочками, — окрысился Конан, — Принеси вина и мяса. Побольше. И побыстрее.

Алпана словно ветром сдуло. Не прошло и нескольких секунд, как к столу уже приближалась яркая миловидная женщина, зазывно покачивавшая крутыми бедрами. В руках она несла огромный поднос, на котором стояли два кувшина и тарелки со всевозможной снедью. Конан дождался, когда она осторожно поставит свою ношу на стол, вручил красотке серебряную монету и, когда женщина повернулась, чтобы уйти, звонко шлепнул ее по упругим ягодицам. Прелестница тут же заулыбалась, но киммериец жестом показал ей, что не нуждается в ее услугах. Ему было не до любовных утех. Хотелось хоть немного отдохнуть и поскорее разобраться в кошмаре, так внезапно обрушившемся на него.

Какое-то время Конан и Джерим ели молча, наслаждаясь отдыхом. Оба прекрасно знали, что их ждет еще долгий путь, полный приключений и опасностей. Но если маг видел это, хоть пока еще и не совсем ясно, своим внутренним зрением, то киммериец даже не задумывался о будущем, ибо все его дороги всегда были полны и опасностей, и приключений. Поэтому-то он и умел ценить короткий отдых. Наконец насытившись, он обратился к своему спутнику:

— Ты сказал, что нам есть о чем поговорить. Похоже, ты прав. Но мне бы не хотелось сегодня ничего обсуждать.

— Не буду настаивать, — спокойно ответил Джерим. — Но раз уж мы решили идти вместе, неплохо было бы узнать друг о друге хоть что-нибудь. Хочешь, для начала я расскажу о себе?

— Не здесь. Поднимемся наверх.

Комната, как это ни странно, на самом деле оказалась и светлой, и чистой, и просторной. Возле противоположных стен стояли две широкие и вполне удобные кровати, в углу — высокий кувшин с водой и тазик, у окна примостился небольшой столик, а возле

двери возвышался массивный деревянный сундук, обитый медью. Крышка его была откинута. Видимо он предназначался для вещей постояльцев.

Конан проверил, насколько прочны запоры на двери, и, судя по всему, остался доволен: широкая железная щеколда двигалась легко и надежно запирала дверь. Природная осторожность в многочисленные приключения приучили киммерийца к тому, что нельзя расслабляться, не убедившись в надежности укрытия. Джерим с любопытством наблюдал за действиями варвара. Выросший в тихой глухой деревушке, а затем в Обители Знаний, куда не мог проникнуть никто задумавший недобroе, он с благодарностью воспринимал уроки, которые, сам того не ведая, давал ему Конан.

Путники устроились на своих кроватях, и маг начал рассказывать историю своей жизни. Киммериец слушал его затаив дыхание. Природный ум Конана тоже был ненасытен, и потому варвар всегда жадно впитывал новые знания. Он, конечно, никогда не стал бы посвящать свою жизнь учению, он просто физически не смог бы провести несколько лет в покое и бездействии, но каждый раз, когда выпадала возможность узнать что-нибудь новое, Конан не упускал ее.

Постепенно он проникался все большим доверием и симпатией к своему неожиданному спутнику, и хоть его отношение к магии и чародейству не претерпело особых Изменений, он готов был согласиться, что и среди этой разношерстной братии есть вполне приличные люди. Может, этот Джерим и поможет разобраться в том, что происходит с киммерийцем.

Джерим закончил свой рассказ. Конан с благодарностью взглянул на него:

— Спасибо. Ты был откровенен. Я не люблю лгунов. Ты нравишься мне, и, как знать, может, мы подружимся.

— Теперь твоя очередь, — улыбнулся маг.

— Не сегодня. Я так устал, что, кажется, могу проспать несколько дней.

Едва Конан договорил эту фразу, как мгновенно заснул словно провалился в черную бездну. Какое-то время он спал без сновидений, но вскоре на него опять обрушился чужой сон. Безбрежная заснеженная равнина. Ночь. Но не темная, непроглядная, как на юге, а светлая, ясная. В небе стоит огромная луна, освещющая все ровным светом, вполне достаточным, чтобы разглядеть, что происходит вокруг.

Северное море покрыто льдами, занесенными снегом. Впереди видна небольшая полынь. Неожиданно над ней показывается симпатичная темная голова какого-то морского животного (в мозгу варвара мгновенно вспыхивает его название, доселе совершенно ему незнакомое: алпач) с большими черными глазами и жесткими усами. Застыв ненадолго над водой, алпач вновь погружается, а потом опять выныривает, выкидывая на лед широкие плоские ласты. Оперевшись на них, словно на руки, зверь медленно вытаскивает на лед тяжелое, крупное тело, покрытое капельками влаги, которые тут же замерзают. Алпач, извиваясь, отползает от полыни и замирает на белом снегу как изваяние. Спит?

С подветренной стороны к животному тихонько подползает огромная туша, покрытая грязно-белым мехом. Конан сразу же узнает ее: белый медведь. На таких ему приходилось охотиться в Асгарде. Хитрая и кровожадная тварь. Медведь ползет осторожно, то и дело останавливаясь и поворачивая большую голову в сторону алпача, но тот ничего не замечает, У алпача плохая память, он тут же забывает о том, что видел.

Вот белый хищник, улучив момент, прыгает, но не на добычу, а на полынь, закрывая своей жертве путь к отступлению. Алпач с неожиданным для его размеров проворством начинает отползать, надеясь найти другую полынь. Но никаких окон во льдах больше нет, и

медведь издает рев, в котором слышатся и радость, и торжество. Лениво, словно нехотя, хищник настигает добычу и сильным ударом проламывает мягкий череп, а затем резким движением когтистой лапы вспарывает жертве живот.

Конан вскрикнул, словно длинные острые когти вонзились в его собственную плоть, и проснулся. Он изо всех сил сжал голову руками, словно стараясь выдавить немыслимое нечто, не дававшее ему покоя ни днем, ни ночью, и только потом открыл глаза.

Все в порядке. Та же комната, где он заснул накануне, та же обстановка. На соседней кровати, разбуженный криком киммерийца, сидел Джерим и пристально смотрел на своего спутника.

— Что-то приснилось? — приветливо спросил он варвара.

— Ничего страшного. Впрочем... Да, нам пора поговорить. Со мной несколько дней назад произошла одна странная вещь...

И Конан принял рассказывать вендийцу обо всем, что случилось в Аграпуре, о незнакомце с крошечной чайкой на скеле, о его гибели, о том, как его начали мучить чужие сны и видения, как неожиданно в мозгу всплывали незнакомые доселе имена...

Джерим слушал, не сводя глаз с Конана, иногда кивал, иногда удивленно поднимал брови, закусывал губу, щурился, как бы пытаясь что-то вспомнить. Когда киммериец замолчал, Джерим тихо проговорил:

— Кажется, я догадываюсь, в чем дело.

— Так объясни! Я не могу так! Кто-то пытается управлять мной?

— Ты мне доверяешь? — вопросом на вопрос ответил маг. Конан немного подумал и кивнул:

— Вполне.

— Тогда ляг и расслабься.

Киммериец вытянулся на кровати и закрыл глаза. Джерим подошел к нему и, приговаривая что-то нараспев, принял водить руками над Конаном, не касаясь его. Варвару почудилось, что его обдувает легкий теплый ветерок, обволакивает что-то мягкое, лаская и успокаивая. Наконец чародей замолк и убрал руки. Конан открыл глаза И увидел, что по лицу Джерима обильно струится пот. Видимо, действие отняло у мага немало сил.

— Вставай. Я могу рассказать тебе, что произошло. Слушай. Такое случается очень редко, и то только тогда, когда сталкиваются две очень сильные личности. У твоего незнакомца была цель, к которой он стремился так, что никакие препятствия не могли остановить его. И лишь со смертью он не сумел поспорить.

— А я тут при чем? — встрепенулся Конан.

— Не перебивай. Ты говоришь, прикоснулся к птице изображенной на его щеке?

— Да. И что с того?

— У ветланов, того народа, о котором я тебе рассказывал, есть обычай ставить на лицах знак рода — метку, оберег. Когда человек погибает, душа не сразу покидает его тело. Должно пройти какое-то время, очень малое. Именно в тот миг, когда душа незнакомца устремилась в полет, ты коснулся метки. Для ветланов это означает позвать душу умершего. Не на всякий зов она откликается, но так как ты человек сильный, смелый и честный, она отозвалась. Теперь в твоем теле живут две души: твоя и того ветлана. Ты позвал ее и должен достичь той цели, к которой стремился человек с чайкой на щеке. Лишь тогда его душа найдет успокоение и покинет тебя, отправившись по своему пути.

— Но как я узнаю, чего он хотел?

— Давай попробуем разобраться. Ты слышал имя Млеткен?

— Да. Так назвала меня женщина во сне. Я почему-то сразу вспомнил, как ее зовут. Уквунा.

— Тогда Млеткеном звали незнакомца. А Уквунा, по-видимому, его жена.

— Но она не сказала ничего больше, Ничего о том, что за цель могла быть у ее мужа.

— Погоди. Еще была Анкаля. Кажется, сестра? Она тебя, то есть его, звала и просила поторопиться? Значит, с ней приключилась какая-то беда. Он спешил ей на помощь.

— Но как найти ее?

— Скорее всего, он что-то успел узнать. Не зря ведь ты так решительно направился на север. Надо внимательнее прислушиваться к своему внутреннему голосу. И еще... Не знаю, согласишься ли ты...

— Что еще?

— Видишь ли, я умею читать мысли. Если бы ты позволил заглянуть мне в твои и, конечно же, Млеткена, то, может, удалось бы выяснить что-нибудь.

— Читай.

— Погоди. Не торопись. Если я сделаю это, у тебя не останется никаких тайн от меня. Я увижу все. Ты готов к этому?

— Я не сожалею ни о чем. И ни в чем себя не виню. Мне нечего стыдиться. И тайных помыслов у меня нет. Читай.

— Тогда сядь, закрой глаза и доверься мне. Обещаю никогда не использовать того, что узнаю.

Это длилось невероятно долго. Одно дело — просто прочесть мысли человека, открывшегося перед тобой, совсем другое — рассмотреть и распознать, кому из двух личностей принадлежат те или иные знания, планы, надежды, стремления, отбросить все несущественное и выделить главное. Джерим устал так, словно с утра до вечера втаскивал на высокую гору тяжелые камни. В конце концов он легким прикосновением разбудил Конана:

— Я узнал все.

— Скорее рассказывай! — вскричал Конан.

Но он не услышал ни слова. Джерим мгновенно погрузился в глубочайший сон. Он лежал на кровати, как покойник, и только едва заметно поднимавшаяся и опускавшаяся грудь говорила о том, что маг еще жив. Киммериец спустился вниз, плотно поел, выпил вина, затем побродил по городу, вернулся, посидел в трактире, разглядывая танцовщиц.

Выступала сама Дайна. Это оказалась очаровательная молоденькая девушка, гибкая и грациозная. Рядом с ней Другие танцовщицы становились незаметными, как незаметна днем тонкая бледная луна. Но женщины сейчас не занимали Конана, и он, лишь отметив про себя, что Дайна хороша и привлекательна, допил свое вино и поднялся наверх, чтобы проверить, как себя чувствует Джерим. К большой радости киммерийца, маг уже успел вполне прийти в себя. Бледность, заливавшая его лицо, исчезла, и на смуглые щеки вернулся легкий румянец, глаза блестели, и весь его облик говорил о готовности прямо сейчас отправляться в путь. Джерим бросился навстречу Конану

— Садись скорее. Я такое узнал!

— Погоди, приятель, не торопись, — остановил его варвар, прекрасно понимавший, что вендинцу необходимо прежде всего основательно подкрепиться. — Сначала хороший кусок мяса, а уж потом разговоры.

Несмотря на бурный протест чародея, Конан отвел его вниз и как следует накормил.

Когда Джерим, отдуваясь, заявил, что не в состоянии проглотить больше ни крошки киммериец согласился выслушать его.

— Этот незнакомец действительно ветлан, и зовут его Млеткен. У него есть юная сестра Анкаля, красавица и умница. Шаман их стойбища присмотрел ее для своего умрана. Млеткен не хотел отдавать сестру, да и она не рвалась в дом к старику. Они повздорили, и старый пень выкрад девушку. Договориться с Млеткеном ему не удалось, и тогда Шаман продал Анкалю заезжему торговцу, который как раз гостил в соседнем стойбище. Млеткен бросился разыскивать сестру. Но ее хозяева часто менялись, так как нрав у девушки крутой и никому не удавалось ее усмирить.

— Мне уже нравится эта девушка, — заметил Конан. — Ее и правда стоит поискать.

— Погоди. Незадолго до гибели Млеткен узнал, что, похоже, его сестра находится где-то недалеко от Кезанкийских гор. Ее купил очередной работоторговец, который направляется к расположенному там не то монастырю, не то обители какого-то сомнительного культа.

— Кезанкийские горы? — переспросил киммериец. — Дурное место. Но ничего, и не в таких местах бывали.

— Это еще не все! — воскликнул Джерим. — Похоже, сами Светлые боги устроили нашу с тобой встречу. Я не ошибся, сказав, что нам с тобой по пути. Это было, видимо, предчувствие.

— А ты здесь при чем? — удивился варвар.

— Сейчас объясню. Понимаешь, покидая Обитель Знания, мы даем обет служения Добру. Нарушать его не позволено никому. Отступивший от своего слова должен погибнуть. Так было всегда. Его разыскивает кто-нибудь Подмастерий и вызывает на поединок. Преступник должен заплатить кровью за нарушение клятвы... Я сказал, так было всегда? Нет, только однажды за всю историю существования Обители клятвопреступник ушел от возмездия. Это был очень сильный маг, и его так и не смогли найти. С тех пор прошло много времени. Сменилось несколько поколений Подмастерьев, и даже некоторые Мастера покинули этот мир. Но о предателе помнят.

— И что?

— Тебе предстоит исправить великую несправедливость. Девушка, которую ты ищешь, прошла через множество испытаний, и всегда ее окружали злые и кровожадные люди. — Джерим сглотнул и внимательно посмотрел на киммерийца, словно обдумывая, стоит ли говорить дальше. — Так вот... Я прожил свою жизнь в покое и благодати и ничего не знаю об этом мире. То есть я знаю о нем очень много, но все это — из книг. О настоящей жизни мне мало что известно. — Он снова замолчал, понимая, насколько сбивчива его речь. — Если я пойду с тобой, я увижу ту сторону жизни, которая в ином случае осталась бы для меня неведомой. И как знать, — он глубоко вздохнул, — может, сумею разыскать отступника. Тогда мне удастся выполнить свой долг. — Долги чести надо платить, — кивнул Конан. — Я согласен.

Они быстро поднялись в свою комнату, собрали нехитрые пожитки и поспешили дальше на север. Конана теперь не угнетало происходившее с ним, он был даже благодарен Млеткену, доверившему варвару довести свое дело до конца. Молодая, горячая кровь киммерийца кипела и звала на подвиг, сильные руки стосковались по оружию, могучее тело жаждало битвы.

Глава четвертая

Северо-восток Бритунии был наименее заселенной частью этой полудикой страны. Кезанкийские горы, испещренные узкими извилистыми долинами, вздымали к небесам острые высокие пики. Горцы, населявшие их, имели славу людей неприветливых, суровых и подчас жестоких, так что мало находилось желающих путешествовать по этим местам в поисках весьма сомнительных приключений. Но именно поэтому наиболее отважные или любопытные могли обнаружить в крохотных долинках много интересного. Мало кто, например, знал, что в одной из таких долин уже очень и очень давно располагалось Святилище Тнихе — богини плодородия и плотских утех.

Когда возник этот культ и какую страну можно считать его родиной — на этот вопрос вряд ли сумел бы ответить даже многоопытный ученый. Но он существовал и прижился на бритунских землях, может быть потому, что одной из наиболее почитаемых богинь здесь была Викканы — богиня природы. Жрицы Святилища Тнихе не стремились к известности, однако ручеек паломников и торговцев, хоть и очень скучный, не иссякал. Те, кому становилось известно об этой странной богине, надеялась вымолить у нее кто утраченную мужскую силу, кто обильные урожаи на своей земле, где не произрастало ничего, кроме сорняков.

Торговцы же, то есть наиболее отважные и сильные из них, ибо путешествие по Кезанским горам всегда было сопряжено с многочисленными опасностями, знали, что, они благополучно доберутся до ворот Святилища и вернутся обратно, их усилия будут щедро вознаграждены. Здесь никогда не скучились, если товар оказывался подходящим. Жрицы с удовольствием приобретали дорогие ткани, украшения, различную снедь, тонкие вина, рабов, как мужчин, так и женщин. Мужчины становились стражниками, женщины — послушницами, а иногда и жрицами.

Богиня Тнихе была незлобивой и щедрой на плотские утехи. Настолько щедрой, что, в отличие от большинства других богов, не взирала на свою паству с небес, а воплощалась в ту или иную жрицу и проживала вместе с нею ее жизнь, снисходя до избранных паломников и до старейшин окрестных поселений, если те обращались в Святилище за помощью. Когда земная жизнь воплощения Тнихе подходила к концу, богиня выбирала себе другое тело, каждый раз молодое, сильное и красивое.

Ей прислуживали лишь Высшие жрицы, обязанные своим высоким положением красоте, изощренности в искусстве любви и глубокому природному уму. Ступенькой ниже стояли жрицы обычные — те, кто с восторгом принял куль Тнихе и решил посвятить свою жизнь служению ей. Были в Святилище и послушницы. Ими становились женщины и девушки, либо приходившие сюда по доброй воле, либо присыпаемые родными или старейшинами, либо купленные жрицами у работников. Они ублажали паломников попроще и победнее, а также многочисленных стражников, охранявших Святилище.

Ниже послушниц в иерархии Святилища стояли лишь я, кто, как считалось, готовится к послушанию. Это в основном были рабыни, которые по тем или иным причинам не желали служить Тнихе. Их никто особо не неволил, но на их плечи ложилась вся тяжелая работа: стирка, Приготовление пищи, уборка, шитье, ткачество и многое Другое. Мало ли найдется занятий, когда надо обиживать Несколько сотен людей! Однако если девушка из «готовящихся к послушанию», измученная нескончаемым трудом, изъявляла желание стать

послушницей, это всячески поощрялось.

Всем женщинам без исключения строго-настрого запрещалось покидать пределы Святилища. Большую часть времени, не занятую культовыми обрядами, они проводили довольно-таки однообразно. Каждая стремилась как можно дольше сохранить свою привлекательность, и поэтому женщины постоянно следили за своей внешностью, что и отнимало у них большую часть дня. Когда паломников было много, конечно, скучать послушницам и жрицам не приходилось, но если по каким-то причинам ворота Святилища оставались долгое время закрытыми, то женщины с неменьшим удовольствием одаривали всевозможными ласками друг друга, ибо любые плотские утехи были угодны богине Тнихе. Здесь не существовало понятия недозволенного.

Сейчас шел сезон дождей. Бесконечные ливни обрушивались на землю непрекращающимся потоком, словно гигантские водоносы, сидя на тучах, без устали опрокидывали одну за другой огромные бочки. Узкие лесные и горные тропинки, по которым и в сухое время года было не так-то легко пробраться, сделались совершенно непроходимыми. На паломников нечего было и рассчитывать, разве что кого-нибудь могло погнать в дорогу полное отчаяние. Да и торговцы старались в это время года не забираться так далеко в горы. Однако один смельчак все-таки нашелся. Это был печально известный бритунец по имени Эктан. Он торговал людьми.

Свой товар Эктан находил повсюду. На юге он сбывал пользующихся большим спросом бритунских женщин, прельщавших южан белокурыми волосами и покорным нравом, а с юга вез экзотический товар: изящных кхитаянок, великолепно сложенных кушитских женщин, шемиток с глазами испуганного оленя, бойких замориек — всех, кого ему удалось так или иначе приобрести по случаю.

На сей раз Эктану не слишком повезло. На облепленной грязью повозке, безразлично уставившись во тьму, сидели всего четыре женщины и двое мужчин. Долгий путь вымотал несчастных до такой степени, что, предоставив им возможность бежать, никто не воспользовался бы ею. Да и куда бежать, когда дом каждого из них находился очень и очень далеко, а ни сил, ни денег, ни еды — ничего у них было. Да и охраняли их неплохо. Эктан всегда брал собой вооруженный до зубов отряд. Он хорошо платил своим людям и они были ему верны, насколько могут быть верны наемники хозяину, не забывавшему об их нуждах.

Все устали до предела, вымокли до нитки и продрогли до костей, и даже пленники обрадовались, когда впереди наконец-то показалась высокая стена с тяжелыми воротами-пи. Однако повозка направилась не к ним. Ворота предназначались только для паломников, а для торговцев существовало отдельное здание, дальше которого их никогда не пускали.

И даже если торговцы выражали желание встретиться с кем-нибудь из послушниц, чтобы в их лице выразить свое почтение богине Тнихе и пожертвовать немалые суммы на нужды Святилища, их общение проходило в специально отведенных для этого комнатах в том же здании. Двери этого строения выглядели гораздо скромнее, чем главные ворота, но ничуть не уступали им в прочности. Находились они недалеко от ворот, в той же неприступной стене,

Эктан несколько раз опустил кулак на массивные деревянные створки, обитые металлом. Никакого ответа. Подождав немного, он заколотил в дверь пяткой. Наконец в верхней части одной из створок приоткрылось маленько оконце, и из-за толстой решетки показалось недовольное лицо стражника:

— Кого еще принесло в такую мерзкую погоду?

— Это Эктан! — Торговец изо всех сил старался перекричать вой ветра и шум ливня, — Товар привез!

— Вижу, вижу, — проворчал стражник, — Не товар, а грязные крысы какие-то.

— Не твоего ума это дело, — разозлился Эктан. — Долго еще будешь держать меня на холоде? Вот я расскажу, как тут встречают честных торговцев.

— Если ты честный, — пробурчал стражник, налегая на засов, — то я — левая пятка Тнихе. — Но, на его счастье Эктан его не слышал.

Дверь медленно, с противным скрипом отворилась, и повозка въехала в тесный внутренний дворик, над которым был сооружен навес. Хоть Эктуна и знали в Святилище, на сторожки тут же выскочили несколько здоровенных детин вооруженных мечами и длинными ножами. Они обступили повозку и, пока не переворошили лежавшую на ней кладь и не ощупали каждого пленника, никому не разрешили сделать ни одного шага. Затем торговца проводили в здание, где обычно совершались сделки. Туда же отвели и рабов, но дальше порога их не пустили. Правда, измученные люди были рады и этому. Здесь, во всяком случае, не лил дождь и не свистел пронизывающий ветер.

Один из стражников отправился доложить о прибытии торговца. Живой товар обычно отбирали лишь Высшие жрицы, и поэтому Эктану пришлось немало подождать. Он уселся на лавке, вытянув ноги и всем своим видом показывая, что явился не как проситель или мелкий лавочник, а как постоянный поставщик, знающий цену и себе, и своему товару. «Товаром» же овладело полное безразличие. Они просто наслаждались теплом, как блаженствует дворовый пес, которого хозяева, неожиданно пожалев, пустили в дом. Все они уже не по одному разу сменили владельцев и потому достались Эктану почти даром, однако он, проделав такой трудный и долгий путь, не хотел продешевить и готовился к нелегким торгам. Обратно он собирался возвращаться без рабов, ибо больше сбыть их было негде.

Наконец маленькая, почти незаметная дверь в противоположном конце помещения отворилась. На пороге возникла высокая статная женщина в просторном одеянии незамысловатого покроя. Ее пышные волосы светло-пепельного цвета были уложены в простую прическу, сине-зеленые, как спокойная морская гладь, глаза смотрели строго и внимательно.

Высшая жрица кивнула Эктану и жестом приказала рабам встать в ряд. Мужчины, невысокие, но, видимо, когда-то обладавшие силой и ловкостью, а сейчас изнуренные выпавшими на их долю злосчастиями, явно приглянулись ей. Если их отмыть и откормить хоть немного, они смогут работать с полной отдачей. Но показывать свой интерес жрица не хотела и потому долго ощупывала мускулы, заглядывала в рот, осматривая зубы, словно выбирала себе лошадь, а потом все-таки кивнула:

— Этих возьму. За каждого по одному желтому самоцвету.

— Да продлит Тнихе твою красоту и молодость! — воскликнул Эктан. — Ты посмотри на них! Один камень? Три. За каждого.

— Чего мне смотреть? — усмехнулась жрица. — Я уже насмотрелась. Пока их откормишь, чтобы они вновь стали похожи на людей, потратишь в сто раз больше. Три за обоих.

— Нет, — покачал головой Эктан. — Три за каждого. Они сильные. Молодые.

— Как хочешь, — пожала плечами жрица. — Можешь оставить их себе, раз они так тебе нравятся.

— Ну ладно, — пошел на попятный торговец, опасаясь, что сделка сорвется, но все же

не желая уступать, — По два камня за каждого, и они твои.

Жрица задумалась. Рабы стоили явно дороже, чем запрашивал Эктан. В конце концов, их можно будет сбыть кому-нибудь из паломников, когда прекратятся эти проклятые ливни и паломничество возобновится. Так или иначе, для Святилища это невеликая трата. Окинув мужчин еще одним долгим взглядом, жрица кивнула:

— Хорошо. По два камня.

Она подозвала одного из стражников и велела отвести свое приобретение к послушницам, жившим при сторожке. В их обязанности, кроме всего прочего, входил уход за новичками. Затем жрица повернулась к женщинам. Теперь она не торопилась, в Святилище не было дурнушек, не было и тех, фигура которых не могла вызвать великое желание, ибо даже те из паломников, кто уже начинал забывать, к какому полу он относится, пробуждались тут, словно рождаясь заново.

Конечно, не только соблазнительные формы послушниц или жриц были тому причиной. Обитательницы Святилища Тнихе знали и чудодейственные травы, и необходимые заклинания, и умопомрачительные приемы, с помощью которых можно было и мертвеца превратить в блестательного любовника, однако внешность служительниц Тнихе должна была быть безукоризненной.

Внимание жрицы сразу же привлекла темнокожая молодая женщина с роскошными черными волосами, завивающимися мелкими колечками. Жрица шагнула к ней, провела рукой по щелковистой коже, которую не испортили ни лишения, выпавшие на долю бедняжки, ни колючий ветер, ни холодный дождь,

— Разденься, — приказала жрица, и темнокожая красавица покорно скинула жалкое тряпье, и без того плохо скрывавшее ее наготу.

В зеленых глазах жрицы загорелся огонек: рабыня была сложена великолепно. За такую прелесть не жалко и заплатить. Жрица обернулась к торговцу:

— Десять алых самоцветов.

— Согласен, — прохрипел оторопевший от такой щедрости Эктан.

Две следующие девушки не слишком понравились жрице, но обе были молоды, милы, хотя принадлежали к тому типу женщин, у которых с возрастом очарование исчезает без следа. Однако пока юность делала их привлекательными, они вполне могли пригодиться в Святилище. Без особых споров и пререканий Эктан получил за каждую по четыре камня. Для него такая цена оказалась более чем приемлемой.

Последнюю девушку жрица рассматривала очень долго, пытаясь определить, к какому же народу принадлежит эта изящная, словно статуэтка, миниатюрная женщина, наделенная столь необычной красотой. Совершенно прямые, жесткие черные волосы тяжелым потоком спадали ей на спину, укрывая девушку не хуже плотной ткани. В мерцании множества свечей кожа красавицы отливалась старой медью, раскосые черные глаза казались бездной, пухлые губы блестели, маня и вызывая головокружение. На высокой скуле, как будто готовая устремиться в полет, выделялась крохотная черная чайка.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась жрица, и у Эктана от изумления глаза вылезли из орбит: жрица никогда прежде не снисходила до разговора с «товаром».

— Анкаля, — отозвалась девушка с равнодушием зомби.

Ей было уже все равно, что с ней произойдет дальше. После того как люди Шамана выволокли Анкалю из землянки, заботливо сооруженной Млеткеном, а затем Великий продал ее заезжему торговцу, к несчастью девушки прибывшему а соседнее стойбище, в ее

жизни произошло столько событий, что ветланка словно окаменела. Ни одно воспоминание больше не мучило ее, не ранило душу. Девушка могла совершенно равнодушно размышлять о своей жизни, как будто это была жизнь другого, неизвестного ей человека.

Сначала торговец намеревался оставить Анкалю себе, ибо девушка привлекала его, вызывая жгучее желание. Но после того как он едва не лишился глаз, а его жирные щеки украсили несколько глубоких царапин и следы от острых зубов непокорной северянки, он поспешил избавиться от нее и попытался сбыть с рук в Гиркании. Гирканцы к его предложению отнеслись довольно равнодушно, но в конце концов нашелся один желающий за небольшие деньги обзавестись хорошенкой женщиной, которая, кроме всего прочего, занималась бы его хозяйством.

Однако Анкаля отказалась от еды и питья, и незадачливому покупателю пришлось вернуть покупку торговцу. Тот никак не хотел расторгать сделку, и гирканцу ничего не оставалось, как согласиться на очень невыгодные для себя условия.

Когда торговец, проклиная тот день и час, когда согласился купить дикарку, добрался до Заморы, он продал Анкалю первому же владельцу таверны, которому приглянулась девушка, после чего поспешно покинул страну. Однако и в таверне Анкаля не прижилась, ибо наотрез отказалась выходить к посетителям, а тем более танцевать перед ними. Первому же ловеласу, который ухватил ее за бок, она располосовала все лицо. После этого ей пришлось сменить хозяина. В следующей тавerne все повторилось.

Она меняла хозяев, меняла города, но нигде не приживалась, ибо больше всего на свете хотела вернуться домой отчаянно тоскуя по своей заснеженной родине. Постепенно эта чувства сменялись тупым безразличием, но и оно вовсе не означало покорности. Девушка замкнулась в себе, глубоко в душе лелея мечту об освобождении. Сейчас она спокойно стояла перед жрицей, видя в ней лишь очередного покупателя и даже не задумываясь о том, зачем нужна, этой роскошной женщине.

— Откуда ты? — поинтересовалась жрица.

— С севера. Я ветланка.

— Никогда не слышала о таком народе, — удивилась жрица, но Анкаля промолчала в ответ. Тогда жрица повернулась к Эктану: — Двадцать самоцветов.

— Сколько? — подпрыгнул торговец.

— Двадцать пять.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Эктан, не веря своему счастью.

— Ты останешься на ночь? — спросила жрица.

— Только до рассвета.

— Тебе выделят комнату. И послушницу. Возблагодари Тнихе.

На это торговец даже не рассчитывал. Товар, который он считал бросовым, принес ему целое состояние. Лучше всего, конечно же, было немедленно убраться отсюда, пока жрица не поняла, каков характер у ее нового приобретения, но Эктан не мог заставить себя тронуться в путь ночью под проливным дождем. Он мысленно обратился ко всем богам, которых только смог припомнить, чтобы ему удалось благополучно унести ноги, и направился в комнату, где его ждала еда, мягкая постель и горячая женщина.

Жрица обратилась к Анкале:

— Я сама займусь тобой. Пойдем.

Она повела девушку за собой через маленькую дверь. За ней открылся большой внутренний двор, густо поросший травой. Ливни сделали свое дело, и земля превратилась в

непроходимое месиво. Однако от здания, где принимали торговцев, а также от главных ворот куда-то в глубь двора вели дорожки, вымощенные старыми, потрескавшимися от времени плитами. Анкаля шла словно во сне, не глядя под ноги, пока наконец не пересекла двор и не оказалась у входа в следующее помещение, вырубленное прямо в скале. Высшая жрица толкнула дверь, и та, легко поддавшись, отворилась.

На стенах длинного узкого коридора были укреплены факелы, дававшие довольно много света, но девушка не смотрела по сторонам. Коридор круто повернул, и за поворотом показался ряд дверей, тянущийся по обе стороны коридора. Время от времени какая-нибудь дверь приоткрывалась и оттуда высывали очаровательные головки женщины, провожавшие жрицу и ее спутницу любопытными взглядами. Наконец коридор закончился очередной дверью. Открыв ее, жрица вошла в небольшую комнату, посредине которой стояла глубокая деревянная ванна. Рядом располагались кувшины с водой, от которых поднимался горячий пар.

— Раздевайся, — велела жрица, — и садись в ванну. Я сама вымою тебя. Потом ты поешь и отдохнешь, а после этого мы с тобой побеседуем.

Анкаля скинула свое тряпье, однако нагой не осталась, ибо густые волосы укутали ее до пят, словно плащом. Жрица одобрительно хмыкнула. Анкаля шагнула в ванну, затем села и закрыла глаза, наслаждаясь теплом и невыразимой негой, которую после долгого пути, холода и сырости может дать только горячая вода. Жрица скинула свои одежды и тоже забралась в ванну. Густо намылив руки, она начала мыть девушку, задерживаясь на ее груди, животе, бедрах. Рот жрицы приоткрылся, дыхание стало прерывистым, но Анкаля не обращала на нее никакого внимания, а жрица, которой нельзя было отказать в уме и опытности, действовала очень аккуратно и осторожно. Она снова намылила руки, и ее тонкие пальцы заскользили по лобку девушки, чуть ниже, по внутренней стороне бедер...

Анкаля сидела словно статуя, высеченная из холодного мрамора, и лишь один раз приоткрыла глаза и удивленно взглянула на жрицу, когда та вдруг вскрикнула и испустила едва уловимый стон. Но жрица погладила ее по голове на миг прижавшись к девушке всем телом, и успокоила ее сказав, что все в порядке и не надо ни о чем волноваться. Собственно, Анкаля и не волновалась. Ей хотелось поскорее очутиться в постели и спать, спать, спать. Поэтому она даже отказалась от ужина. Жрица не стала настаивать и отвела девушку в отдельную комнату, в роскошной обстановке которой выделялась большая кровать, накрытая пуховой периной. Едва Анкаля донесла голову до подушки, как сон тут же сморил ее. Она не слышала, как жрица, стоя на пороге, тихо сказала:

— Спи, милая. Я подумаю, стоит ли тебе быть послушницей. Может, я оставлю тебя для своих утех.

Анкаля сладко спала и видела счастливые сны о том, как возвращается домой, а жрицу, утопавшую в пышных перинах на великолепном ложе, мучила бессонница. Не сразу стала Высшей жрицей красивая молодая женщина, по доброй воле выбравшая для себя служение богине Тнихе. Симонея пришла в Святилище много лет назад, и ее послушание длилось до тех пор, пока не услышала она в своем сердце зов богини. Тогда, все еще молодая и привлекательная, она удостоилась обряда посвящения в жрицы. И хоть минуло с тех пор немало лет, Симонея помнила все до мельчайших подробностей.

В то далекое утро ее разбудили на рассвете. Вознеся молитву сладострастной богине, Симонея приняла ванну из шести заговоренных трав, затем, поднявшись на каменную площадку, расположенную вровень с крышей Храма, обсушила свое тело, открыв его

утренним солнечным лучам и ласковому ветру. Спустившись вниз, она направилась в крохотную келью, где послушницы расчесали ее пышные мягкие волосы, распустив их по нежным белым плечам будущей жрицы. Весь день до сумерек она провела в одиночестве, не принимая ни еды, ни питья. Все ее помыслы были направлены лишь к Тнихе, ибо Симонея готовилась к встрече с богиней.

Когда начало темнеть, за Симонеей явились три послушницы, которые отвели ее в Храм. В большом круглом зале на площадке из зеленого камня, выложенной в самом центре стоял постамент со статуей Тнихе: обнаженной женщиной из белого мрамора, которая сидела, согнув ноги в коленях и широко расставив их, так чтобы ее принадлежность в полу не оставляла сомнений. Изящные руки богини лежали на безупречной формы груди, как бы лаская жесткие соски. По стенам были укреплены факелы, сделанные из различных пород редких ароматических деревьев. Одурманивающий запах кружил голову, не позволяя отвлекаться на земные мысли. Откуда-то издалека доносился очень тихий стук барабанов, выбивающих один и тот же ритм.

Войдя в Храм, Симонея скинула с себя одежды и, почти не касаясь пола, вышла на середину зала. Послушницы и жрицы, присутствовавшие на обряде, отошли к стенам и стали почти невидимыми в тени. Откуда-то из стены, где располагалась потайная дверь, появились шесть Высших жриц. Все они были обнажены, их прелестные головки с распущенными волосами украшали венки из желтых цветов. Жрицы окружили Симонею, взялись за руки и начали танцевать, подчиняясь ритму, выбиваемому барабанами. Их крутые бедра колыхались, вызывая нестерпимую жажду наслаждений.

Постепенно они расцепили руки и закружились каждая А своем танце, который заканчивался тем, что жрицы, одна за другой, ложились у ног Симонеи, не нарушая круга. Теперь настал черед ее танца. Она танцевала долго, каждым движением и жестом выражая преданность богине и неземной восторг оттого, что посвятила Тнихе свою жизнь. Закончился танец только тогда, когда Симонея, совершенно обессиленная, мягко опустилась на зеленые плиты.

Жрицы поднялись на ноги и помогли встать Симонее, затем повели ее прочь из зала через ту же потайную дверь. За ней оказался узкий, темный коридор, в конце которого виднелся слабый свет. Пока Симонея шла к свету, чьи-то руки, невидимые в кромешной тьме, обтирали ее уставшее тело холодной водой, подогретыми маслами и г тонкими благовониями. Свет, как оказалось, исходил от факела, закрепленного над входом в пустую тесную комнату. Здесь Симонея предстояло провести ночь, чтобы встретиться с Тнихе. Если богиня не удостоит ее беседы, несчастной придется до конца своих дней оставаться послушницей, причем самого нижнего уровня, той, что дарит ласки лишь стражникам.

Симонея, дрожа не то от холода, не то от нервного возбуждения, напряженно ждала явления богини, и Тнихе предстала перед ней. И не просто предстала, а поведала, что для следующего своего воплощения изберет тело Симонеи, а потому до тех пор ни красота, ни молодость не покинут женщину.

Взяв с нее слово молчать обо всем прошедшем, богиня удалилась, а Симонея, едва дождавшись утра, вернулась в Храм. Там ее встретили Высшие жрицы. Одна из них, самая красивая, держала в руках тонкий костяной нож, остро заточенный. Уверенными движениями она сделала крестообразный надрез на внутренней стороне бедра Симонеи и окропила ее кровью гениталии богини.

Затем Симонею подали чашу козьего парного молока. Она сделала шесть глотков, а

остатками жрицы омыли ее тело и лицо. Затем жрица, пролившая ее кровь, надела на голову вновь посвященной венок из желтых и красных цветов. Впереди был год испытаний, после которых Симонея получила право носить венок только из желтых цветов и участвовать в обрядах.

Шли годы, летели дни. Не счесть паломников, которым Симонея вернула радость жизни, и в конце концов ока перестала воспринимать мужчин как источник наслаждения. Она просто служила Тнихе, сея блаженство, восторг и плодородие. Но молодое горячее тело жаждало ласки, и Симонея научилась получать ее от женщин. Анкаля поразила жрицу своей необычной дикой красотой и разожгла в ее сердце, сама того не подозревая, всепоглощающую страсть. Ради этой великолепной северянки Симонея была готова на все и теперь со все возрастающим нетерпением ждала утра, когда сможет коснуться жестких черных волос, заглянуть в раскосые глаза и броситься в эту бездну, забыв обо всем на свете.

Наконец, не выдержав, Симонея решительно откинула одеяло и, кое-как набросив на себя одежду, поспешила к комнате Анкали. Постояв немного под дверью, жрица тихонько отворила ее, на цыпочках вошла внутрь, присела на край кровати и замерла, любуясь своим земным божеством. Ветланка спала, то всхлипывая, то улыбаясь во сне. Симонея протянула руку и осторожно коснулась кончиками пальцев нежной щеки. Анкаля вздрогнула и тут же открыла глаза.

— Кто ты? — испуганно спросила она, ничего не понимая спросонья.

— Симонея. Ты не узнала меня, милая?

— А... — Анкаля приподнялась на локте. — Прости, я не сразу поняла, что это ты. Пора вставать?

— Нет, — ласково улыбнулась жрица. — Еще очень рано. В Святилище обычно спят долго. Просто мне не терпелось увидеться с тобой и поболтать немного. Ты знаешь, куда попала?

Анкаля покачала головой, и Симонея принялась рассказывать:

— Это Святилище Тнихе — богини плодородия и плотских утех. Она дарует мужчинам силу, женщинам — детей, земле — урожай. Мы служим ей своими душами и телами. Время от времени Тнихе воплощается в тело кого-нибудь из нас, так что живая богиня всегда с нами. Ее нынешнее тело уже состарилось, и, когда ему придет пора покинуть этот мир, Тнихе выберет себе другое. Может, даже мое, — неожиданно для себя призналась Симонея и тут же поспешила исправиться: — Каждая из нас надеется на это.

— Ты такая красивая и добрая, — ответила Анкаля, — что Тнихе обязательно выберет тебя.

— Хочется верить. Ну да ладно. К нам приходят паломники. Мужчины. Женщины — очень редко, почти никогда. Мы выслушиваем их просьбы и помогаем, используя полученные здесь знания и умения. За это они щедро одаривают Святилище. Паломникам незначительным, у которых мелкие просьбы, помогают послушницы. Некоторым — жрицы. А если просьба сложна, если требуется особая сила — Высшие жрицы. В исключительных случаях до паломника нисходит само воплощение Тнихе. Еще Мы дарим лаской стражников. Все они — рабы, жизнь у них нелегкая, и мы стараемся скрасить ее, ибо Тнихе любит ласки, радость, наслаждение, а потому наш удел — дарить их как можно щедрее. Но стражников ублажают только послушницы, да и то не все, а только те, кто не блещет ни умом, ни умением. И это справедливо, ведь у рабов нет своей воли.

— А что буду делать здесь я? — испуганно спросила Анкаля. — Я не хочу дарить лаской

незнакомых мужчин.

Симонея усмехнулась и погладила девушку по голове, затем, юркнув в ее постель, обняла и крепко прижала к себе:

— Я не дам тебя в обиду, не бойся.

Тонкие, чуть подрагивающие пальцы Симонеи пробежались по шее девушки, замерли на упругой груди, скользнули к животу, лобку, бедрам. Анкаля застыла от изумления. Ее никто никогда не ласкал, и ощущения, обрушившиеся на нее, ошеломили девушку. Жрица коснулась горячими губами ее щеки, быстро лизнула щечу, затем, откинув одеяло, приникла жадным ртом к напрягшемуся соску. Анкаля вскрикнула и попыталась отодвинуться, но Симонея крепко держала ее в своих объятиях. Жрица исступленно целовала живот девушки, затем наклонилась ниже и быстро-быстро заработала языком. Анкале показалось, что она стала невесомой, свет померк, и ее захлестнула волна такого острого наслаждения, что она закричала и вонзила ногти в пышную шевелюру Симонеи.

— Я для тебя все сделаю, — бормотала жрица. — Только одари меня своей любовью, отдав мне нежность и ласку...

Анкаля слабо сопротивлялась. Неожиданно раздался резкий стук в дверь, и чей-то звонкий голос прокричал:

— Высшая жрица! Высшая жрица! Ты здесь?

— Здесь, — отозвалась Симонея, не скрывая злости и раздражения. — Кому я могла понадобиться?

— Паломники!

— Что?! Какие паломники в это время года? — изумилась жрица.

— Не знаю. Меня прислали сказать, что двое мужчин просят открыть ворота для паломников.

— Сейчас приду. Я вернусь, любовь моя, — добавила Симонея шепотом и поспешила покинуть комнату.

Возле главных ворот стояли послушницы, которые, отталкивая друг друга, норовили заглянуть в маленькое смотровое окошко. Однако стоило появиться Симонею, как они тут же расступились. Жрица взглянула в окно. За воротами стояли двое мужчин. Оба были молоды, привлекательны и, по всей вероятности, сильны.

— Кто вы? — строго спросила жрица.

— Я паломник, — ответил один из мужчин, пристально взглянув на Симонею, и жрицу поразил необычайный цвет его глаз — светло-карый, почти рыжий. — Я проделал долгий путь, чтобы предстать перед светлыми очами благословенной Тнихе. У меня есть к ней просьба. С собой я принес дары, которые, надеюсь, светозарная богиня не побрезгует принять.

— А ты? — перевела взгляд жрица на второго мужчину, широкоплечего гиганта с ослепительно синими глазами.

— Это мой телохранитель, — ответил за него спутник. — Я никогда не отправляюсь из дома без него.

Жрица распахнула ворота, но когда синеглазый попытался шагнуть вслед за хозяином, остановила его:

— Твоему господину тут ничего не угрожает. Он пойдет один. А ты ступай к соседним воротам и скажи стражникам, что тебя послала Высшая жрица Симонея, Там тебя примут.

Гигант сжал зубы так, что желваки забегали по его скулам, однако возражать не стал, а,

обменявшись быстрыми взглядами с господином, покорно направился к другому входу.

— Как зовут тебя, почтенный господин? — поинтересовалась жрица, — Откуда ты прибыл?

— Я из Вендии. Зовут меня Джерим. Вот, возьми, — и он протянул Симоне тугу набитый мешочек.

В мешочке лежали самые обычные осколки горных пород не стоившие ровным счетом ничего. Но великое умение чародея наводить убедительные и прочные иллюзии превратило их в драгоценные камни чистейшей воды. Жрица однако, не приняла дар.

— Сначала умойся и отдохни с дороги. Потом изложиши свою просьбу. Подношение отдашь той жрице, которая придет оказать тебе помощь.

Джерима провели в одну из комнат для паломников, где он принял ванну, съел несколько ароматных фруктов и немного отдохнул. Когда ему начало казаться, что ожидание слишком затянулось, дверь его комнаты неслышно отворилась и на пороге возникла невысокая изящная женщина с огненно-рыжими волосами, одетая в прямое платье из грубой ткани.

— Высшая жрица ждет тебя, паломник, — сообщила она и повела его за собой.

По дороге Джерим пытался выяснить, нет ли среди послушниц Святилища северянки с маленькой чайкой на щеке, но его провожатая лишь пожимала плечами, словно не понимала ни слова из того, что он говорил. Оставив тщетные попытки, маг решил лучше внимательнее смотреть и слушать. Его привели в зал, где в креслах с высокими спинками сидели шесть женщин, наряды которых напоминали скорее легкую утреннюю дымку, нежели одеяния из ткани. Кресла стояли полукругом, по три с каждой стороны. Между ними, в середине, возвышался трон. Он пустовал, но чародей мгновенно догадался, что трон предназначен для живого воплощения Тнихе. Видимо, она выходила только к особым паломникам.

Джериму захотелось посмотреть на эту женщину, и он быстро придумал для себя захватывающую историю. То и дело закатывая глаза и глубоко вздыхая, он поведал красавицам, что прибыл из далекой Вендии, что принадлежит к стариннейшему роду, лучшие представители которого прославились подвигами и добродетелями. Он жил беспечно и счастливо до недавних пор, пока с ним не приключилась беда. Не утратив мужской силы, он потерял вкус к плотским утехам. Ничьи ласки не радовали его, ничья красота не вызывала восторга, и, даже исполнив свой супружеский долг, он не испытывал никакого наслаждения.

И он добился своего. Жрицы, пошептавшись, сообщили паломнику свое решение:

— Дело твое трудное. Никто из нас, скорее всего, не справится с ним. Ликий, смертный! До тебя снизойдет сама Тнихе.

Джерим ожидал, что воплощение богиня появится в зале и займет трон, однако этого не произошло. Одна из жриц громко хлопнула в ладони, и в дверях возникла та же рыжекудрая красотка. Она жестом поманила чародея и довела его за собой, по-прежнему не произнося ни слова. Послушница привела паломника в роскошнейшие покой, в середине которых стояла кровать, где запросто могли поместиться десять человек. В углу красовался изящный резной столик, уставленный всевозможными сосудами из полудрагоценных камней. У противоположной стены уютно расположились два глубоких мягких кресла. Джерим уселся в одно из них и принялся ждать.

Ждать пришлось недолго. Дверь отворилась, и в покой легкой походкой вошла высокая стройная женщина, укутанная в тончайшие шелка. Голову и лицо ее закрывала маска,

сплетенная из золотых и серебряных нитей. Мaska могла обмануть кого угодно, но не мага. Едва взглянув на вошедшую, Джерим содрогнулся. Богине, то есть той, чье тело выбрала она для своего воплощения, было по меньшей мере лет восемьдесят. Лицо ее, некогда прекрасное, покрыли морщины, зубов во рту почти не осталось, а то, что когда-то было волосами, торчало на полulyсом черепе жуткими сивыми клочками.

— Я знаю, что привело тебя ко мне, паломник, — заговорила Тнихе глухим голосом. — Я помогу тебе. Ты вновь обретешь блаженство и будешь испытывать его впредь.

А Джериму вовсе не хотелось ничего испытывать в объятиях кошмарной старухи, и он решил пойти на изощренный обман. Собрав всю свою волю, всю силу, чародей принялся создавать наиболее сложную иллюзию из всех, что ему приходилось когда-либо придумывать. Он не трогал с места, а старая карга, как ей казалось, подвела его столику, взяла высокий бокал, перемешала в нем нескорко жидкостей из разных сосудов и велела выпить. Пока двойник мага осушал бокал, она, завывая, читала какое-то длинное заклинание. После этого Тнихе сбросила свои шелка и, приказав паломнику раздеться, поманила его за собой на ложе.

Джерим с радостью не смотрел бы, как извивается иссохшее желтое тело, как открывается в сладострастном вопле беззубый рот, но, чтобы поддерживать иллюзию, вынужден был не сводить с Тнихе глаз. Он даже не мог молить богов, чтобы это безобразное представление поскорее закончилось, ибо ни на миг не мог отвлечься. Иначе иллюзия развеется и обман обнаружится. А этого допускать было никак нельзя. Джерим надеялся, что, пока он тут «возвращает утраченное удовольствие», Конан доберется до цели. Тогда маг получит сигнал и кинется на помощь киммерийцу.

Напрасно молодой и весьма самонадеянный чародей думал, что так легко сможет справиться с богиней Тнихе! Жрица, в теле которой жила богиня, была в конце концов просто обычной земной женщиной, и Джерим сумел управлять ее рассудком, но при этом страшно оскорбил саму Тнихе. Сладострастие, плотские радости, наслаждение, которые несут с собой самые смелые ласки, были сутью богини, и тот, кто отвергал их, становился ее врагом.

С великим изумлением Джерим вдруг увидел, что тело старухи резко выгнулось, вздрогнуло и замерло, а его образ, якобы дарующий ей ласки, растаял, как тают ночные тени, когда восходит солнце. Маг кинулsя к роскошному ложу и приложил ухо к иссохшей груди жрицы, но ничего не услышал. Несчастная была мертва. Неожиданно над ее телом поднялось бледное золотистое сияние. Оно становилось все ярче и ярче и обретало очертания женской фигуры. Вот появился стройный и гибкий стан, вот легкие, как солнечный свет, локоны заструились по плечам, вот на расплывчатом пятне, что было на месте головы женщины, простили тонкие черты. Глаза видения открылись и уставились на Джерима. Затем призрачная женщина нахмурилась и указала на чародея рукой. В его мозгу загремел разгневанный голос:

— Ничтожный! Ты посмел противиться мне, богине! Тебя ждет суровое наказание!

Комната закружилаась в демонической пляске, голову Джерима сжалась дикая боль, и его сознание померкло. Тнихе взглянула на поверженного врага, усмехнулась и, легко пройдя сквозь стену, исчезла.

Легко миновав несколько комнат и коридоров, разгневанная богиня явилась в свой храм, где Высшие жрицы молились ей. Когда отзывались слова последнего песнопения, над неподвижным изваянием Тнихе возникло золотое сияние и богиня заговорила:

— Сестры мои! Вы верно и честно служили мне все это время. Тело, выбранное мной для земного воплощения, угасло. Настала пора выбрать другое. Имя моей избранницы — Симонея. Немедленно приведите ее сюда.

Жрицы бросились выполнять приказание богини, но она остановила их:

— Нет! Я сама пойду с вами. У нас нет времени на церемонии. В Святилище проникли враги.

Сияние, исходившее от статуи, обрело форму облака и легко понеслось по воздуху, ведя за собой взволнованных жриц.

Конан тем временем уже начал поиски. Он благополучно выбрался из комнаты, предоставленной ему для отдыха, и, двигаясь с изяществом и бесшумностью пантеры, пересек Большой внутренний двор. Повинуясь какому-то дикому, первобытному чутью, он безошибочно отыскал дверь, через которую Симонея провела Анкалю в ее покой. В коридоре было пусто, однако варвар ни на миг не позволял себе расслабиться. Его чуткий слух улавливал малейшие шорохи, а необычайно зоркие глаза видели в полумраке ничуть не хуже, чем при ярком освещении.

Киммериец совсем уже собрался сделать очередной шаг, как где-то впереди едва слышно скрипнула открываящаяся дверь.

Конан замер на одной ноге, стараясь даже не дышать. Затем до его ушей донесся легкий шорох женского платья и варвар, удовлетворенно кивнув, в несколько мягких прыжков оказался возле входа в комнату любопытной рыжеволосой прелестницы. Зажав огромной рукой рот насмерть перепуганной женщине, Конан повелел ей молчать и быстро втащил ее в комнату. Усадив пленницу на кровать, он присел перед ней на корточки и сказал:

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда.

Она испуганно кивнула.

— Я ищу женщину. Молодую. У нее раскосые глаза и маленькая чайка на щеке. Знаешь, где она?

— Знаю. Я видела, как Высшая жрица вела ее по коридору. В самом его конце, справа, пустовала комната. Видимо, ее поселили там.

— Спасибо тебе. И не поднимай шума, — предупредил Конан, сжав пальцы на рукояти меча.

Неслышно, словно тень, он выскользнул в коридор и поспешил дальше. Дверь в комнату Анкали варвар разыскал довольно быстро, но она оказалась заперта. Выругавшись сквозь зубы, киммериец налег на дверь плечом, однако из этого ничего не вышло. Тогда он осторожно постучал.

— У меня болит голова, — донеслось из комнаты. — Умоляю тебя, Симонея, дай мне побывать одной.

— Открой, Анкаля, — шепотом попросил Конан. — И побыстрее, пожалуйста.

— Кто ты?

— Меня прислал Млеткен.

— Млеткен?! — вскрикнула девушка. — Где он?

— Не до разговоров, девочка, — начал злиться варвар. — Если хочешь унести отсюда ноги, открывай.

Послышалось шлепанье босых ног, щелкнул засов, и дверь распахнулась. На пороге стояла очаровательная, миниатюрная женщина с испуганными глазами. Второе *я*, поселившееся в теле Конана, встрепенулось, и комната поплыла перед глазами киммерийца.

— Не лезь! — рявкнул он. — Если хочешь, чтобы я спас твою сестру, не мешай мне управлять моим телом.

Девушка вскрикнула и отшатнулась от непрошенного гостя.

— Успокойся, — обратился он к Анкале. — Я не сошел с ума. Все это долго и сложно объяснять. Меня на самом деле направил сюда твой брат, — И, окинув взглядом полуобнаженную фигурку, добавил: — Оденься. За воротами не жарко.

— У меня ничего нет, — ответила девушка, готовая расплакаться.

— Только не реви. Накинь на себя одеяло. Потом что-нибудь придумаем.

Анкаля укуталась в одеяло, но не смогла в таком виде ступить ни шагу, не то чтобы бежать. Киммериец взвалил ее на плечо и мысленно обратился к приятелю: «Джерим, я нашел ее. Теперь надо как-то отсюда смыться». Чародей не мог услышать его, но варвар об этом пока не знал и надеялся на помощь приятеля. Конан повернулся лицом к двери и собрался уходить, но в проеме возникла та самая красавица, что встречала их с Джеримом у ворот. Сейчас она напоминала тигрицу, у которой пытаются отобрать детеныша. Издав звериный рык, она бросилась к варвару, выставив вперед руки с растопыренными пальцами, как будто хотела либо разодрать ему в кровь лицо, либо выщипать глаза. Конан едва заметно шевельнулся, и Симонея проскочила мимо него, повалившись ничком на кровать. Однако жрица обладала неплохой реакцией и умела владеть своим телом. Мгновенно извернувшись, она уже снова летела на похитителя, шипя при этом, как клубок разъяренных змей.

Конану пришлось поставить свою ношу на ноги и принять вызов Симонеи. Он не любил драться с женщинами, то сейчас ему ничего иного не оставалось. Только природная ловкость и обостренное чувство опасности помогли ему вовремя сделать выпад и схватить жрицу за обе руки, иначе на сей раз она достигла бы цели. Чтобы совладать с бешеной мегерой, надо иметь огромную силу, и, по счастью, варвару ее вполне хватило. Он поднял Симонею над головой и бросил жрицу на перину, а затем навалился на нее сверху, но вовсе не для того, чтобы осыпать красавицу поцелуями. Выдернув из-под нее простыню, киммериец быстро спеленал Симонею так, что она не могла пошевелить даже пальцем. Однако рот ей заткнуть вовремя он не успел, и жрица завопила что было мочи:

— Стража! Помогите!

Дверь тут же распахнулась, но на пороге возникли не стражники, а Высшие жрицы, над головами которых парило золотое облако. Не успел варвар и глазом моргнуть, как облако обрело очертания прекрасной женщины. Призрак порхнул к связанной Симонее и накрыл ее собой, словно одеялом. По телу жрицы пробежала дрожь, а из глаз заструился неземной свет. Неожиданно простыня, которой была спеленута Симонея, развязалась, и перерожденная красавица величественно поднялась с постели.

— Взять его! — приказала она. — Теперь я — Тнихе.

Больше оставаться здесь было нельзя, и Конан, снова взвалив Анкалю на плечо, бросился по коридору к выходу. Едва он успел выскочить во внутренний двор, как навстречу ему ринулись несколько вооруженных стражников, привлеченных воплями жрицы. Не бросая своей драгоценной ноши, варвар выхватил меч, и голова самого шустройго стражника с плеском шлепнулась в лужу. Его тело сделало еще несколько шагов, словно хотело догнать свою голову, но жизнь покинула его, и стражник упал. Второй выставил меч, защищаясь, но это его не спасло, и после резкого удара его меч вместе с отрубленной рукой упал на каменную плиту.

Отбиваясь от нападавших, Конан медленно, но верно приближался к воротам. Незавидная участь собратьев поубавила пыл стражников, и они уже не так рьяно набрасывались на могучего гиганта. Однако их было слишком много. Будь Конан один, он, скорее всего, отбился бы, но Анкалю отпускать было нельзя, ибо в творившемся хаосе девушка могла потеряться или, что еще хуже, погибнуть.

Симонея-Тнихе внезапно возникла среди дерущихся и крикнула:

— Взять его! Живым! Награда — свобода и богатство.

Присутствие живой богини и ее щедрое обещание придали нападавшим сил, и они с удесятеренным пылом бросились на Конана. Чтобы отбиться, он был вынужден опустить укутанную в пуховое одеяло Анкалю. Несчастную девушку тут же подхватили жрицы и быстро уволокли в Святилище. Киммериец взревел и бросился на врагов.

— Кром! Где же этот несчастный вендиец, задери его сотня демонов! — вскричал он и оглянулся в надежде увидеть своего спутника.

Это было его роковой ошибкой. Сзади на голову Конана обрушился удар неимоверной силы, меч выпал из его рук, и земля ушла из-под ног.

* * *

Сознание медленно возвращалось к киммерийцу. Он попытался открыть глаза, но яркая вспышка света и сотни маленьких молоточков, застучавших по его голове, заставили Конана прекратить напрасные попытки. Он застонал и перевернулся со спины на бок. Мягкое, упругое ложе плавно заколыхалось под ним. Несказанно удивившись, Конан ощупал пространство вокруг себя. Шелковые простыни, легкое, почти невесомое и одновременно теплое одеяло... Где это он? Затем киммериец провел рукой по телу и с изумлением обнаружил, что совершенно раздет. Он снова попробовал открыть глаза и на сей раз сумел разлепить тяжелые веки.

Превозмогая боль, пульсирующую в висках, Конан осмотрелся. Роскошным ложем, на котором он лежал, не побрезговал бы и король. У противоположной стены довольно-таки просторной комнаты с зарешеченными окнами и массивной дверью стояло еще одно ложе, уранное нежно-голубыми простынями и толстой пуховой периной. На нем, утопая в необъятных подушках, лежал Джерим. Судя по всему, маг крепко спал.

— Джерим, — хрипло позвал приятеля киммериец, — Джерим, проснись...

Чародей не отозвался, а лишь перевернулся на другой бок, слегка при этом всхрапнув. Это движение, а также попытка разбудить вендийца отняли у Конана остатки сил и он снова погрузился в глубокий сон.

Когда он опять проснулся, на краю его постели сидел Джерим, выглядевший вполне свежим и бодрым. Боль пробудилась вместе с варваром, и он тихо застонал.

— Не шевелись, — распорядился чародей, — Тебя чем-то сильно ударили по голове. Молчи. Сейчас я тебя вылечу.

Он положил руки на голову Конана, сильно сжал ее, отчего киммериец даже поморщился, затем начал гладить его по волосам, быстро-быстро что-то приговаривая. Боль отступила, и сознание прояснилось, Конан вновь обрел способность говорить.

— Где мы, Джерим? — спросил он, как только маг замолчал и убрал руки с его головы. — Что происходит? Если мы в тюрьме, то откуда такая роскошь? А если мы в гостях,

то зачем решетка на окне?

— Я могу лишь догадываться, — печально улыбнулся вендиец, — Мы прогневали богиню Тнихе, и она готовит для нас наказание. Но так как она не кровожадна, то и условия нашего заточения вполне приличные.

— Что с Анкалей?

— Не знаю. Она где-то здесь. С ней все в порядке. Я это чувствую.

Дверь комнаты (или тюремной камеры?) тихо отворилась, и на пороге возникла молодая женщина, одетая лишь в полупрозрачную набедренную повязку. В руках она держала большой поднос, уставленный разнообразными угощениями. Среди блюд с едой возвышались два изящных кувшина и два массивных золотых кубка. Не произнося ни слова, красотка, зазывно виляя крутыми бедрами, прошла мимо ложа Конана и поставила поднос на низкий столик с изогнутыми ножками. Затем все так же молча она направилась к двери. У порога женщина задержалась, ибо ее набедренная повязка, зацепившись за ручку двери, легко скользнула на пол. Прелестница низко нагнулась, отчего у киммерийца потемнело в глазах, подняла полоску тончайшей ткани и выскользнула в коридор. До ушей узников донесся звон ключей, и все снова погрузилось в тишину.

— Хороша, — причмокнул Конан.

— Ты неисправим, — рассмеялся чародей, — Мы с тобой заперты в этой клетке, а тебя волнуют прелести блудниц.

— Когда они перестанут меня волновать, значит, я уже нахожусь на Серых Равнинах, — улыбнулся варвар. — Впрочем, и там, наверное, найдется несколько красоток...

— Давай лучше посмотрим, что она принесла, — перебил его Джерим.

— Слушай, — не унимался Конан, — тебя что, совсем не интересуют женщины?

Вендиец долго молчал, а потом, набрав в грудь побольше воздуха, словно собирался нырять на дно морское, быстро ответил:

— Не знаю. У меня не было ни одной,

— Вот это да! — воскликнул киммериец, спуская ноги на пол. — Если бы ты знал, сколько потерял!..

— Еще узнаю, — коротко ответил Джерим, явно не желая продолжать разговор на эту тему. — Давай поедим.

Они плотно закусили, причем Конан с восторгом и чавканьем наслаждался прекрасно приготовленным мясом, а Джерим довольствовался овощами и фруктами, позволив себе, правда, небольшой кусочек сочной жареной рыбы. Обильный завтрак они запили вином и соком, находившимися в кувшинах,

Насытившись, Конан внимательно осмотрел комнату и, не обнаружив ничего более подходящего, соорудил себе набедренную повязку из полосы шелка, оторвав ее от простыни. Затем он развалился на постели, потянулся и лениво проговорил:

— Хорошая тюрьма. Отдохнем немного и примемся за дело.

— Ты что-нибудь придумал? — поинтересовался чародей.

— Пока нет. Однако мы еще живы, а значит, выход найдется.

Долго отдыхать им не пришлось. Дверь снова отворилась. На сей раз внутрь вошли одна за другой три обнаженные очень молоденькие девушки. На их изящных шеях играли, переливаясь, яркие ожерелья, на запястьях и щиколотках позякивали золотые браслеты. Откуда-то полилась мелодия, и гости начали танцевать. Такого удивительного танца Конану еще никогда не приходилось видеть. Каждое движение обольстительных танцовщиц все

больше и больше пробуждало в нем жгучее желание, постепенно овладевавшее киммерийцем и мутившее его рассудок. Покосившись на Джерима, Конан увидел, что щеки чародея залил лихорадочный румянец, рот его приоткрылся, глаза помутнели. Он сидел на ложе, прижимая колени к подбородку, словно пытался удержать рвущуюся в бой плоть. Варвар усмехнулся и вновь повернулся к танцовщицам. Одна из них, кружась в такт мелодии, подошла совсем близко к его ложу, и Конан, рванувшись вперед, попытался поймать девушку. Однако стоило ему сделать резкое движение, как музыка смолкла, а танцовщицы исчезли, словно никогда тут и не появлялись.

— Что это было? — почти шепотом спросил Конан.

— Иллюзия, — сглотнув, отозвался Джерим.

— Иллюзия? Зачем?

— Похоже, это привет от Тнихе, — печально улыбнулся маг. — Интересно, что она еще придумает?

Однако сколько ни пытались Конан и Джерим разгадать планы рассердившейся на них богини, никому из них даже и в голову не могло прийти, какой будет месть обиженней женщины. Впрочем, как поведет себя женщина по отношению к мужчине, отвергшему ее ласки, не смог бы угадать никто, порой и сама женщина.

День прошел довольно спокойно, и одиночество узников лишь дважды нарушали послушницы, приносившие им еду. Обе они не проронили ни слова. Поздно вечером Б комнату заглянула еще одна женщина, которая пробыла там совсем недолго. Также храня молчание, она подошла к стене, откинула висевший на ней ковер, показала мужчинам скрывавшуюся за ковром дверь и ушла. За дверью оказалась прекрасная ванная комната.

— Интересно, долго ли они будут держать нас здесь? — спросил Конан, кутаясь в длинную мягкую простыню и стряхивая остатки воды со своей косматой гривы.

— Наверное, до тех сор, пока Тнихе не решит, что с нами делать, — отозвался Джерим. — Но я чувствую, что никто не испытывает к нам вражды.

— Как это? — удивился варвар.

— Я могу на довольно большом расстоянии распознать чувства людей и животных, — пояснил чародей. — Смерть нам не грозит.

Однако то, что ожидало их в ближайшие несколько дней, для молодых и крепких мужчин было едва ли лучше смерти. В их комнате появлялись очаровательные девушки, одна соблазнительней другой, все совершенно разные. Они манили, дразнили, зазывали узников, но стоило страсти накалиться до предела, как прелестницы таяли, словно легкий утренний туман. Напрасно и Конан, и Джерим убеждали себя, что все это — лишь иллюзия, наваждение и что в следующий раз они не дадут увлечь себя. С желанием, которое вызывали у них чудные красотки, совладать было невозможно. К вечеру, вконец измученные неутоленной страстью, мужчины без сил падали на свои ложа и засыпали тяжелым сном, который не приносил облегчения.

Однажды утром киммериец, с трудом разлепив припухшие и покрасневшие веки после нескольких часов беспокойного сна, увидел, что чародей сидит на полу, скрестив ноги, положив на колени руки ладонями вверх и закрыв глаза. Слегка удивленный, варвар не стал тормошить при- ягеля, а решил подождать, что будет дальше. Наконец Джерим поднялся на ноги и, бросив на приятеля быстрый взгляд, улыбнулся:

— Кажется, я знаю, как нам сбежать отсюда.

Вымотанный непрекращающейся пыткой, которую придумала для них оскорблена и

разгневанная богиня, вендиец, решив, что не причинит этим никому зла, совершил мысленное путешествие по Святилищу. Ему удалось узнать, что жрицы готовятся к сложному и ответственному ритуалу. Так как Тнихе избрала новое тело для своего земного воплощения, Высших жриц осталось всего пять. На место шестой должна быть выбрана новая. Но так как церемония требовала присутствия самой богини, которая на это время вселялась в изваяние, стоявшее в храме, ей приходилось ненадолго покинуть телесную оболочку. Чтобы Симонея при этом не пострадала, она должна была подготовить себя к обряду.

Три дня Симоне предстояло провести в очищающих молитвах, затем ее ожидали семь ванн, каждая из семи различных трав, а потом она готовила для себя питье, состав которого ей сообщала Тнихе, и после этого погружалась в глубокий сон, пока богиня снова не вернется в ее тело. Все это требовало пристального внимания Тнихе, а значит, на время подготовки к ритуалу она оставит узников в покое. Это и был их единственный шанс.

— А как же Анкаля? — внимательно выслушав Джерима, спросил Конан.

— Во время ритуала она будет в храме среди послушниц, которым разрешено присутствовать там. Мы должны будем прокрасться туда незамеченными. Вряд ли кто обратит на нас внимание, все будут слишком заняты.

Джерим оказался прав. В этот день никто не истязал мужчин, и к вечеру они уже разработали план бегства из Святилища. Дождавшись дня торжественной церемонии, они начали действовать. Открыть замок, запирающий комнату, было несложно. К великой радости узников, их никто не охранял, ибо стражникам было строго-настрого запрещено входить сюда. Полностью доверившись знаниям и умениям вендица, Конан покорно шел за ним, и вскоре они достигли храма.

Действо только что началось. К счастью, факелы, источавшие одуряющий аромат, освещали только самую середину зала, где возвышалось изваяние богини, окруженное золотым сиянием. Удивительно зоркие глаза киммерийца не нуждались в ярком свете, и, едва сдержав радостный взглас, он увидел, что Анкаля стоит далеко от статуи, возле одной из дверей, ведущих в храм. Голова и плечи девушки были опущены, и весь ее вид говорил о полном безразличии, видимо окончательно овладевшем ею. Ее не интересовало происходившее вокруг, но и о бегстве она, похоже, не помышляла. Совершенно бесшумно, словно огромная тень, скользнул Конан к девушке, обхватил ее правой рукой, а левой зажал ей рот, чтобы Анкаля не закричала и не помешала киммерийцу осуществить его намерения.

Все шло на редкость удачно. Никто и не заметил исчезновения одной из послушниц, настолько напряженное действие увлекло всех. Даже если сама Тнихе и почувствовала присутствие мужчин в храме, она не могла нарушить ход церемонии. Оставалось лишь обмануть или перебить стражников. Конан настаивал на последнем, не сомневаясь в том, до легко справится с обленившимися за время нетрудной службы некогда сильными воинами, но Джерим не хотел поднимать лишнего шума. После недолгих препирательств киммериец был вынужден согласиться с чародеем, ибо время поджимало, надо было как можно скорее смыться отсюда. К тому же Анкаля от испуга потеряла сознание и до сих пор не приходила в себя, что сильно беспокоило

Едва беглецы ступили на каменные плиты двора, как вендиец остановил Конана:

— Постой. Мне надо подготовиться. Прошу тебя, ничему не удивляйся. Смело иди к воротам и постараися как можно быстрее открыть их. Другой возможности у нас, скорее всего, не будет.

Джерим закрыл глаза и начал читать заклинание. Когда он замолчал, Конан с

изумлением увидел, что одет в роскошный шелковый халат, на плече держит легкий расшитый коврик, а об руку, унизанную великолепными перстнями, трется головой огромный огненно-рыжий тигр. Киммериец тряхнул головой и решительно зашагал к воротам, возле которых стояли, вытаращив глаза, стражники. Подойдя к ним, тигр оскалился, показывая белоснежные клыки, и грозно зарычал.

Стражники завопили дурными голосами и повалились лицами в грязь, закрывая головы руками. Конан, злорадно усмехнувшись, с удовольствием пнул ногой одного из перепуганных рабов и, в три прыжка очутившись возле ворот, начал быстро открывать засов. Тот не поддавался, и тогда вместо злобного хищника рядом с киммерийцем возник Джерим. Вдвоем они распахнули тяжелые створки и бросились в глубь окружавшего Святилище леса, направляясь к горам.

Бежали они долго, пока не убедились, что никто не преследует их. Да этого и не могло быть, ибо всем обитателям Святилища, а особенно стражникам-рабам, было строжайше запрещено покидать его пределы, но ни Конан, ни Джерим об этом не знали. Киммериец чувствовал себя в горах как дома и потому довольно легко отыскал вполне пригодную для привала пещеру. Осторожно опустив Анкалю на землю, он быстро соорудил костер, и вскоре влажные сучья уже потрескивали, а мягкий, ароматный дымок наполнял невысокие своды. Девушка очнулась, села, поплотнее закутавшись в одеяло, и посмотрела на своих похитителей широко распахнутыми глазами.

— Кто вы? Что все это значит? Куда мы идем?

— Успокойся. Мы друзья, — ответил Джерим. — Отдохни немного и перекуси. А потом мы все тебе расскажем. Времени у нас теперь предостаточно.

Глава пятая

Шли дни. Путники упрямо пробирались через мрачные, неприветливые Кезанкийские горы на северо-восток, стараясь не попасть на территорию Гипербореи. Конану уже несколько раз приходилось сталкиваться с жестокими обитателями этой страны, и, хоть победа всегда оставалась за ним, киммерийцу вовсе не хотелось подвергать ни мага, ни девушку лишним опасностям. Им вполне хватало трудностей, которые в изобилии поставляли дикие горы, где даже звери селились неохотно.

Однако путь их лежал в холодную снежную Ветланию, потому их одежда совсем не годилась для такого путешествия. Обсудив с Джеримом все за и против, варвар все же решился спуститься к крохотному поселению, лежавшему у подножия гор. Гордость смелого и удачливого воина невыразимо страдала оттого, что ему пришлось воспользоваться мастерством чародея, но здравый смысл все же подсказывал Конану, что не стоит лишний раз рисковать, ибо сейчас он отвечал не только и не столько за свою жизнь, сколько за жизнь Анкали, доверенной ему ее погибшим братом, который ради счастья сестры отказался от успокоения своей души.

То ли великий Кром покровительствовал своему отчаянному сыну, то ли Джерим постарался изо всех сил, в очередной раз создавая блестательную иллюзию, но гиперборейцы встретили их вполне мирно и даже согласились продать необходимую теплую одежду, не задавая лишних вопросов и не покушаясь на жизнь и свободу непрошенных гостей. Правда, гости оказались сговорчивыми и в обмен на нужные им вещи легко предлагали любой товар, какой только могли представить себе поселенцы. Не прошло и двух дней, как гиперборейцы с изумлением обнаружили, что выторговали всего-навсего груду мелких грязных камушков да кусочков подгнившей коры, но было уже поздно, и за обманщиками никто не захотел гнаться.

Теперь путешественники были снабжены самым необходимым: меховыми куртками и штанами, прочной обувью и кое-какой провизией. Им оставалось рассчитывать только на собственные силы и желание достичь цели, а этого как раз у них было с избытком. Конан вырос в горах, и потому для него самые узкие тропинки и отвесные стены не представляли никакой сложности. Джерим также довольно легко переносил все тяготы пути, а вот Анкале было очень и очень трудно. Ей еще никогда не приходилось попадать в такие суровые условия, но, проникнувшись к своим спасителям доверием, она во всем полагалась на них, а они поддерживали ее как могли. Она все еще относилась несколько настороженно к вендию, ибо, как и киммериец, побаивалась любой магии, но, видя, что варвар, которого она полюбила как собственного брата, считает Джерима своим другом, постепенно оттаивала.

Они благополучно достигли перевала, а еще через пару дней спустились с гор и ступили в тундру. Здесь Анкаля почувствовала себя гораздо лучше, ибо наконец-то ее окружал привычный пейзаж. Она делилась со своими спутниками всем, что знала и умела, а они оказались благодарными учениками. Особых опасностей ожидать было неоткуда, ибо в тундре обитали в основном мелкие хищники, а людей путники и вовсе не встречали. Добычи тут было хоть отбавляй, и уже в первый вечер Конан и Анкаля, сидя у тихонько потрескивавшего костра, с наслаждением жевали свежую оленину, а Джерим, даже причмокивая от удовольствия, хлебал некое подобие супа из коры и пахучих мхов.

Анкаля много рассказывала о своей жизни, об обычаях и нравах своего народа, о Великом Шамане. Киммерийцу порой казалось, что он уже прожил жизнь среди ветланов, он видел лица людей, которых называла девушка, он всей душой ненавидел Великого и жаждал его крови. И неизвестно, чья душа, его или Млеткена, пылала более яростным деланием отомстить, да, собственно, для варвара это было совсем не важно. Джерима больше всего интересовали рассказы о Шамане. Тогда он весь превращался в слух, время от времени кивая и едва заметно улыбаясь своим мыслям.

Постепенно тундра, и так не отличавшаяся разнообразием и буйной растительностью, начала редеть, сильные порывы ветра стали изредка доносить дыхание моря. По всей вероятности, до Ветлании было уже совсем близко. Яркое солнце, светившее и днем, и ночью, что поначалу раздражало киммерийца, разрыхлило снег, в воздухе запахло весной. Прошло больше года с тех пор, как Анкаля покинула свой дом, и теперь сердце девушки трепетало от ожидания встречи с близкими ей людьми. У нее словно открылось второе дыхание, и она начала торопить своих спутников, подгоняя их вперед и вперед.

Однажды днем (день это был, утро или вечер, Конан ни за что не сумел бы определить, но Анкаля, повинувшись природному чутью, прекрасно отличала день от ночи, несмотря на то что солнце вовсе не покидало небосвод) девушка вдруг схватила киммерийца за руку и воскликнула:

— Смотри! Вот она.

Впереди виднелся небольшой холмик, который вполне можно было принять за аккуратную кочку, ничем не отличающуюся от себе подобных, довольно часто встречающихся в тундре. Но память Млеткена подсказала варвару, что иго землянка, которую охотник устроил для сестры. Ее сильно занесло снегом, но, подойдя поближе, Конан рассмотрел едва заметное отверстие — вход, возле которого валялся оторванный полог.

— Значит, до твоего дома совсем недалеко? — обрадовался киммериец.

— Да, — кивнула Анкаля. — Давайте переноочуем здесь, а потом уже двинемся дальше.

— Зачем? — удивился Джерим. — Зачем ночевать в лесу когда идти осталось совсем немного?

— Я не могу этого объяснить, — вспыхнула девушка, — Я так долго ждала этого дня... Мне надо подготовиться

Люди Шамана так спешили утащить Анкалю отсюда что все вещи, которые принес для нее Млеткен, остались на месте. Опытный охотник правильно выбрал место для убежища: за прошедший год его никто так и не нашел. Конан прикрепил сорванный полог, Анкаля вытряхнула грязь, накопившуюся за время ее отсутствия, подобрала опрокинутую плошку, положила в нее кусочек алпачьего жира, растопила его, подожгла и помешала тоненькой костяной палочкой. Маленький жирник быстро прогрел землянку и осветил ее ровным, уютным светом. Здесь было очень тесно, но никто не жаловался, ибо ни один из путников не вырос в роскошных дворцах. Для них было главным, что есть крыша над головой, что крохотный огонек отогревает тела и души. Поужинав, все тесно прижались друг к другу, свернувшись в какой-то невероятный клубок, и заснули.

Конану снился светлый и добрый сон, в котором он разговаривал с Млеткеном, и суровый охотник говорил ему, что очень жалеет об одном: им так и не привелось стать друзьями. Затем ветлан поблагодарил киммерийца за его мужество и доброту и попросил потерпеть еще совсем немного: как только Шаман будет наказан, душа Млеткена предстанет перед старой Рультаной и поселится в хорошем умране, где будет поджидать Уквуну. Конан

пытался ему ответить, но, как и прежде, не мог произнести в своем сне ни слова.

Несмотря на тесноту, путники прилично выспались и, подкрепившись, решительно направились к стойбищу Анкали. Они не знали, какой прием их ждет, ведь Млеткен и его сестра бросили вызов самому Великому Шаману, но надеялись, что природная мягкость и гостеприимство ветланов не откажут им и на сей раз. Уж очень не хотелось начинать отношения с незнакомыми людьми, к которым ни Конан, ни Джерим не испытывали ни вражды, ни злобы, с потасовки. Тем более, зная, что у этого северного народа нет воинов, киммериец прекрасно понимал, чем могла бы кончиться любая стычка. А он вовсе не жаждал крови соплеменников Анкали.

Они шли совсем недолго, когда перед глазами путников открылся ослепительный простор: лучи солнца, становившегося день ото дня все жарче и жарче, растопили льды, и Северное море явило людям свой лик. А между ним и тундрой, из которой вышли путники, вдоль побережья раскинулось стойбище — ряд совершенно необычных для глаз варвара и вендица остроконечных строений, затянутых шкурами. Людей не было видно, но Анкаля пояснила, что женщины, скорее всего, занимаются домашними делами, дети играют где-нибудь на берегу, а мужчины, видимо, готовятся к охоте, ибо открывшаяся вода означает великое событие — пришло время ловить морских быков.

Из умрана, стоявшего на краю стойбища, появилась миловидная женщина. Конан сразу же узнал ее: Уквуну, жена Млеткена, которую он не раз видел в своих странных свах. Уквуну подняла руку и, приложив ее к глазам как козырек, пристально посмотрела на путников, затем охнула, сделала два нерешительных шага в их сторону и вдруг медленно осела на подтаявший снег. Анкаля со всех ног бросилась к ней и помогла подняться. Женщины обнялись и заплакали.

— Не может быть, — бормотала сквозь слезы Уквуну, — не может быть. Все думали, что ты умерла, и лишь Млеткен верил, что найдет тебя.

— Он меня и нашел.

— Но где? Где он?! — вскричала Уквуну, — Что это за люди? Почему его нет с вами?

— Я все объясню тебе, — со вздохом ответила Анкаля, предвкушая нелегкий разговор. — Что же ты не зовешь нас в дом?

Нехитрое убранство умрана нескованно удивило и Конана, и Джерима. Им еще никогда не приходилось бывать в таких домах. Все казалось странным: и то, что на столь в небольшом пространстве помещалось все необходимое для вполне удобного существования, и то, что маленькие жирники давали достаточно и тепла, и света, и то, что на стенах, сделанных из шкур, не видно ни малейшего следа копоти, хотя мыть умран было явно не принято. Ветланы практически не использовали металлов, посуда была сделана из кости или камня. Все здесь было непривычным и чужим, но ощущение покоя и уюта не оставляло гостей.

Разговор с Уквуной получился нелегким. Как объяснишь женщине, что в этом черноволосом гиганте, заполнившем своим могучим телом почти все свободное пространство, живет душа ее мужа? Как докажешь ветланке, свято соблюдавшей обычаи своего народа, что Великий Шаман — лгун и мерзавец? Как расскажешь ей о далеких странах, лежавших отсюда на расстоянии многих дней пути, когда она даже представить себе не могла, что где-то далеко за тундрой вообще живут люди, причем такие разные, совершенно непохожие друг на друга?

Спасибо Джериму, он оказался прекрасным рассказчиком. Терпеливо, словно

маленькому ребенку, он сумел так красочно и доходчиво описать Уквуне все их похождения, что в конце концов несчастная женщина поверила им. Да и как не поверить собственным глазам, когда вот она, Анкаля, сидит рядом, живая и невредимая, и, слушая юношу со странными рыжими глазами, все время кивает, во всем соглашаясь с ним?

В умране было жарко, и Анкаля, сбросив с себя век, лишнюю одежду и оставшись в узенькой набедренной повязке, предложила гостям тоже раздеться, что они с радостью и сделали. Уквуна подала ароматный отвар из множества трав, которые собрала еще прошлым летом, и Конан, с удовольствием прихлебывая горячий напиток, вдруг впервые со дня знакомства с Анкалой заметил, как необычайно хороша спасенная им девушка. Ему нестерпимо захотелось обнять ее худенькие плечи, коснуться губами изящной шеи, посадить прелестницу себе на колени, но в тот же миг он вздрогнул, словно уже протянул руку за спелым, сочным плодом, а кто-то изо всех сил шлепнул его по руке. «Я понимаю, это твоя сестра, — мысленно обратился он к душе Млеткена. — Я тоже готов полюбить ее всей душой, но тело-то, надеюсь, принадлежит все-таки мне?» Затем, поняв нелепость происходящего, варвар криво усмехнулся и завел длинную беседу с Уквуной, чтобы не думать о прелестях девушки.

Уквуна, довольно быстро свыкнувшись с тем, что услышала от вендица, немного ожила и начала рассказывать о жизни стойбища. Зима прошла спокойно, и лишь несколько самых старых людей отправились к Рультане. Светлый бог Тнарган не разлюбил свой народ и вовремя одарил его теплом и светом, Таграй часто навещал Уквуну, помогал ей перезимовать, делясь своей добычей, и, похоже, надеялся на возвращение Анкали, ибо все это время даже не посмотрел ни на одну девушку. При этих словах Анкаля вспыхнула, и киммериец понял, почему Млеткен столь яростно пресек его вожделение.

— А почему не видно никого в стойбище? — поинтересовался Джерим. — Куда все делись?

— Да никуда, — пожала плечами Уквуна. — Наступил Сезон охоты на морских быков, и мужчины вышли в норе.

Неожиданно перед глазами Конана предстала такая ясная картина, словно он не сидел в умране, а охотился сейчас вместе с мужчинами стойбища. Это снова проснулась память Млеткена. Охота была излюбленным его занятием. Да это и не удивительно, ибо каждый морской бык давал мяса не меньше, чем двадцать алпачей, а к охоте на них готовились задолго до начала сезона. Выход в море был настоящим праздником для любого ветлана.

Внутренним зрением Конан увидел Северное море, скинувшее тяжелые льды и дышавшее полной грудью. На темной воде, которая казалась плотной, играли морские быки. Откуда-то из глубин показывались их головы, похожие на старые пни, огромные, с белыми острыми бивнями, с большими губами, на которых торчали жесткие щетинистые усы. Быки, открыв зубастую пасть, набирали воздух, взмахивали ластами и снова ныряли. Только опытный охотник мог определить, где снова покажется голова зверя. Для этого нужно было знать, как он ныряет, заметить, в какую сторону направлены клыки, как глубоко он ушел под воду. Замешкаешься или ошибешься — не видать удачи.

Для охоты на морских быков у каждого охотника были заготовлены специальные ремни, один конец которых привязывали к гарпуну, а к другому концу прикрепляли поплавки: надутые мешки из алпачьей кожи. Если не подготовить поплавок, то убитый бык камнем уйдет на дно и добыча пропадет. Алпачий же мешок либо показывал, куда нырнул раненый зверь, либо удерживал мертвого быка на плаву, пока охотники не подбирали его.

Киммериец тряхнул головой, отгоняя наваждение, и услышал, как Джерим задает следующий вопрос:

— А женщины?

— Так ведь весна, — пожала плечами Уквuna.

— Ну и что?

— Лед-то сошел, вот женщины и вышли на берег за морской капустой. Ее сейчас много на мелководье. И рыбы тоже. Ребятишки постарше бросают в нее камни, а потом собирают добычу, которую море выкидывает на берег. Хорошее началось время. Сытное.

— Значит, мы пропустили праздник спуска лодок на воду? — спросила Анкаля. — Жаль. Я очень его люблю.

— Ты вообще любишь праздники, — рассмеялась Уквuna. — Погоди, вернутся мужчины с охоты, повеселишься. Пусть твои друзья увидят, как ты танцуешь.

— Не знаю, — внезапно погрустнела Анкаля. — Какие тут танцы! Шаман не даст мне жизни.

— Шаман — не твоя забота, — отрезал Конан.

— И, похоже, не твоя, — вдруг вмешался Джерим. — Он, видимо, сильный колдун, и ты вряд ли сумеешь одолеть его. Мне бы хотелось встретиться с Великим.

— Не горячись, — остановил его киммериец. — Млеткен доверился мне. Его душа успокоится только после того, как Великий будет наказан. Я должен хотя бы увидеть это Негралово отродье. Где он живет?

— На противоположном краю стойбища, — ответила Анкаля. — Его умран стоит отдельно. А рядом — еще несколько. Там живут его женщины и помощники.

— Неплохо устроился, пень трухлявый, — усмехнулся варвар. — Ладно, чего выжидать? Прямо сейчас к нему и схожу.

— Его не победить мечом, — предупредил чародей, — Можешь мне поверить, в магии я разбираюсь гораздо лучше тебя.

— И не таких видали!

Конан оделся, ловко выполз из умрана и зашагал к жилищу Великого. Подумаешь, могущественный маг! За свою недолгую жизнь киммерийцу не раз приходилось вызывать на бой всякую нечисть, бросать вызов не только людям, а даже спорить с богами. Надо еще посмотреть, что представляет собой этот гнусный старишка. Ясно одно: хватит ему поганить землю, пора отправляться к Нергалу. Там его место!

Дом Великого киммериец нашел сразу. Ругнувшись сквозь зубы, варвар встал на четвереньки, еще раз выругался по поводу неудобного входа и забрался в умран. Шаман восседал на груде белоснежных песцовых мехов. Его седые длинные волосы были тщательно уложены в замысловатую прическу, на морщинистых щеках чернели и краснели магические знаки, помогающие беседовать с келе. На коленях Великого лежали два бубна, и он тихонько выбивал на них какой-то сложный ритм. Судя по всему, старик знал заранее о приходе Конана и тщательно готовился к нему.

— Так ты и есть Шаман? — поинтересовался варвар.

— Великий Шаман, — поправил его старик.

— Это кому как, — пожал плечами дерзкий киммериец.

— Тебя привел Млеткен. — Шаман не спрашивал, он утверждал.

— Млеткен мертв, к твоей радости. Но радоваться тебе, старик, рано, потому что жив я, и я пришел разобраться с тобой.

— Ты? — Губы Великого скривились в усмешке. — Попробуй.

— А тут и пробовать нечего. Я вырежу твою гнилую печень и забью ее в глотку Нергала.

Пусть полакомится своим детищем.

С этими словами Конан решительно шагнул вперед схватил старика за волосы и поднял его. Шаман сморщился от боли, но, быстро взявшись за руки, что-то забормотал не переставая бить в бубны.

Не успел киммериец и глазом моргнуть, как в его кулаке остался лишь клочок седых волос, а возле ног растеклась шипящая лужа, в которой плавали глаза старика и его рот, нагло ухмыляющийся. Глаза насмешливо следили за варваром. Тот с силой швырнулся на пол начавшие шевелиться космы и смачно плонул в середину лужи, стараясь попасть в глаз.

Жидкость, окружавшая глаза и рот старика, задымилась, и из образовавшегося белого облака снова возникла фигура Шамана, довольно потирая руки.

— Справился? — хихикнул Великий.

Конан зарычал и в стремительном прыжке сомкнул свои сильные руки на тонком горле веселившегося мерзавца. Однако горло в его кулаке вдруг зашевелилось, и киммериец с ужасом и отвращением увидел, что держит маленькую серебристую змейку. Она открыла рот, и на самом кончике белого зуба выступила крохотная капелька смертельного яда. Варвар отбросил гадину и собрался было раздавить ее ногой, но она увернулась и вспорхнула под крышу умрана маленькой птичкой. Звонко чирикнув, птичка устремилась вниз, и перед Конаном снова возник Шаман.

— А ты еще мечом меня попробуй, — захохотал старики. — Ты ведь великий воин, киммериец! Что тебе стоит пронзить мне сердце?

— Нет у тебя сердца, гнусный демон! — воскликнул Конан, — Но жить ты не будешь!

С этими словами он выхватил клинок, который отобрал у одного из перепуганных насмерть стражей Святилища Тнихе, и, издав пронзительный боевой клич, бросился на Великого. Будь на месте Шамана обычный человек, стальное лезвие развалило бы его на две части, но меч легко, словно резал туман, прошел сквозь тело колдуна. И в этот же миг Конан увидел, что рядом с Шаманом, на которого напал, стоит еще один, зашедшийся в смехе так, что слезы брызнули из его выщветших от старости глаз.

— Порадовал старика, повеселил от души, — закудахтал Великий. — Спасибо тебе, сынок! Я давно так не смеялся.

— Грязный шакал твой сынок! Рано радуешься, Нергалов пес! Тебе все равно не жить!

Он принял рубить мечом без разбора, рассекая меха, разбивая посуду, опрокидывая жирники. Но чем сильнее был киммериец, тем больше фигур Шамана возникало вокруг него. В конце концов варвара окружила целая толпа корчившихся от хохота омерзительных стариков, которые прыгали, показывали языки, улюлюкали и махали руками, показывая на ошалевшего от всего увиденного Конана кривыми желтыми пальцами. Кто из этих старых шутов был настоящим Шаманом, определить оказалось невозможно, и, в очередной раз махнув клинком наугад, Конан остановился.

— Посмейся напоследок, сын крысы и змеи! Я скоро вернусь за тобой, и тогда посмотрим, кто из нас засмеется громче.

С этими словами киммериец сунул меч в ножны и, резко развернувшись, покинул жилище старика. Однако он не стал наклоняться, чтобы выползти из умрана, а двумя руками разорвал прочную шкуру, и в стене образовалась огромная дыра, в которую со свистом ворвался ветер. Вслед Варвару несся язвительный смех Великого, и Конан прибавил шагу,

чтобы поскорее убраться отсюда. Похоже, Джерим был прав. Надо придумывать иной ход, чтобы совладать с Шаманом.

Вернувшись в умран Уквуны, Конан рассказал всем о происшедшем. Вендиец внимательно слушал, кивая, и наконец сказал:

— Ты еще раз подтвердил мою правоту. Шаман — не просто колдун. Это очень сильный маг. И очень злобный. Оставь его, Конан. Это теперь моя битва.

— Так что же ты медлишь?!

— Все не так просто, — покачал головой Джерим, — Шаман много раз встречал восход солнца, и с каждым восходом его мощь росла. Для борьбы с ним надо привлечь такие силы, о которых ты даже не подозреваешь.

— Ты боишься? — изумился киммериец.

— Нет, — даже не обиделся чародей, — Он не сможет победить меня. Но если я не подготовлюсь к решающей схватке, пострадают люди. Ты ведь не хочешь этого?

— Не хочу. Но как долго еще ждать?

— Он сам должен бросить мне вызов. Думаю, это скоро произойдет.

Конан не любил и не умел ждать, однако приготовился поскучать немного, пока не наступит пора рас прощаться с душой Млеткена и отправляться назад, где его ждет совсем другая жизнь, полная приключений, опасностей, бед и наслаждений. Но долго скучать ему не пришлось. К вечеру вернулись охотники. Боги и море были милостивы к ним, и добыча оказалась великолепной. В этот вечер во всех домах появилось мясо, так много мяса, что его должно было хватить надолго. По этому поводу решили устроить праздник, самый настоящий: с угощением, песнями и танцами.

Побродив по свету и насмотревшись на всякие диковинки, киммериец думал, что его уже трудно чем бы то ни было удивить. Однако он ошибался. На праздник собралось все стойбище. Старики и дети образовали круг, а все остальные устроились позади. Почетных гостей, вернувших Анкалю домой, усадили вместе со стариками, оказывая тем самым Конану и Джериму великую честь.

Сначала самый старый охотник рассказал гостям длинную легенду о том, как бог моря Ульвурган, бог солнца Тнарган и богиня тундры Уакат породили ветланов и обучили их жить в мире и трудах. Затем Ааро, лучший певец стойбища, спел несколько охотничих песен, которые тут же подхватили все собравшиеся. Песни были длинными, заунывными, и не толкни Джерим в бок киммерийца острым локтем, тот непременно бы захрапел и насмерть обидел бы гостеприимных хозяев. Анкаля, за время своих мытарств научившаяся говорить на других языках, переводила гостям и легенду, и песни, но варвару от этого было не легче: песни ветланов казались Конану простым перечислением всего, что замечали вокруг зоркие глаза опытных охотников. Он зевнул, с большим трудом скрывая скуку, и подумал, что лучше бы им принесли чего-нибудь доесть...

Словно отвечая на невысказанное пожелание гостя, ветланы расступились, и несколько человек внесли в круг угощение. Сначала гостям предложили отведать тонко наструганной сырой рыбы. Конан, понимая, что обижать хозяев нельзя, осторожно положил в рот маленький кусочек. К его удивлению, это оказалось довольно вкусно, и если бы добавить немного соли, то такая еда даже могла доставить определенное удовольствие. Но соли ветланы не дали и никогда не употребляли ее. Так что пришлось киммерийцу довольствоваться совершенно пресной пищей, что, однако, никак не испортило ему аппетита. Следующим блюдом была мороженая оленина, которая показалась варвару

безвкусной, но он покорно сжевал ее и даже нашел в себе силы благодарно улыбнуться. Однако долго ему улыбаться не пришлось, ибо щедрые хозяева предложили дорогому гостю изысканное лакомство: найденные в желудке оленя непереваренные остатки ягеля. Собрав все свое мужество, Конан решительно проглотил отвратительную, на его вкус, чуть кисловатую кашку. И буквально через несколько мгновений почувствовал, что, если прямо сейчас не покинет сбогище, лакомство брызнет из него фонтаном. Он пробормотал слова извинения и стремглав кинулся прочь. Анкаля быстро проговорила что-то, и старики удовлетворенно закивали головами. Когда слегка побледневший киммериец вернулся в круг, уже произошла очередная смена блюд, и теперь все радостно жевали сырое мясо только что пойманного морского быка. После ягеля Конану было все равно, что есть, и он присоединился к пирующим. Правда, на какой-то миг он в душе позавидовал Джериму, который не ел ничего мясного и сумел объяснить эту свою странность ветланам так, что никто не обиделся на него. Когда подали горячий травяной отвар, варвар испытал невыразимое облегчение: праздничный обед закончился.

Однако за все свои мучения Конан был вознагражден ибо теперь наступило время танцев. Такого блестательного зрелища ему еще никогда не приходилось видеть и вряд ли впредь посчастливится увидеть что-либо подобное. Ветланы не просто танцевали. Выросшие среди дикой природы, они были необычайно наблюдательными, и их танцы-игры скорее походили на удивительное представление.

Все присутствующие подвинулись, освободив побольше места для танцующих. Кто-то взял в руки бубен и начал тихо-тихо выстукивать мелодию. В круг вошел юноша, слегка согнув спину и плавно взмахивая руками. Он остановился, прислушиваясь, наклонил голову набок и вдруг стал удивительно похожим на ворона, выискивающего добычу. Долго ждать ему не пришлось, ибо в круге появилась «утка»: девушка, вразвалку передвигавшаяся на корточках, пропустив руки под коленями, и время от времени почесывавшая носом, словно клювом, плечо.

«Ворон» замер на миг и тут же бросился к «утке», зависнув над ней с расправленными крыльями. Еще чуть-чуть — и он бросится на жертву и начнет клевать ее. Но тут внимание «ворона» привлекла иная добыча. Повернув голову в другую сторону, он вытянул шею и, несколько раз взмахнув крыльями, отправился туда, где неожиданно показалась раненая нарма. Худощавый юноша, изображавший ее, медленно вползал в круг, выбрасывая вперед руки, как ласты. Плотно прижатые друг к другу ноги волочились, напоминая хвост. Но силы, похоже, совсем покинули «нарму», и, вздрогнув несколько раз, она замерла.

Появился еще один «ворон», и оба набросились на «нарму», не подававшую никаких признаков жизни. Один «ворон» уселся на спину добычи и начал носом долбить ее спину. Второй «ворон» тем временем выклевывал жертве глаза. Неожиданно послышался глухой рык, и в круг медленно вошел «медведь». Испуганные «птицы» шарахнулись от «нармы». Однако они не спешили улетать, а уселись неподалеку, чтобы дождаться, когда «медведь» насытится и уйдет, оставив им обедки. «Медведь» острыми когтями (растопыренной пятерней) провел по животу «нармы», как бы вспарывая его, затем облизнулся и смачно зачавкал...

Конан не отрываясь смотрел на блестящее представление и потому не заметил, как в кругу появилось еще одно действующее лицо — самый страшный хищник. Шаман. Его сопровождали три женщины, каждая из которых держала в руках по два бубна. Великий словно возник из-под земли, и на миг все замолчали. Музыка смолкла, танцующие замерли, а

потом попятались, освобождая Шаману место. Не говоря ни слова, старик сделал знак женщинам, и они начали выступать разные мелодии, удивительным образом вливавшиеся друг с другом. Великий вышел на середину, поднял руки над головой и застыл словно статуя.

— Не слушай музыку, — шепнул Джерим Конану. — Страйся думать о чем-нибудь постороннем.

Киммериец удивленно взглянул на него, но ничего не ответил. Чародей не сводил с Шамана глаз и только время от времени потряхивал головой, как будто пытался отогнать наваждение. Варвар же, повинуясь приятелю, старательно вспоминал свою лихую жизнь контрабандиста, одноглазого Ордо, красоток из различных таверн, извивавшихся под музыку. Музыка... Она манила, убаюкивала, покачивала, как в люльке...

Сам того не замечая, Конан полностью подчинился ритму, выступившему на бубнах. Великий между тем: уже не стоял как каменное изваяние. Прямо на глазах у изумленных людей черты его лица начали меняться, фигура приобретать совершенно иные очертания, и вот в середине круга возвышался уже не глубокий старик в длинной В меховой куртке, а огромный морской бык с желтыми бивнями и получеловеческим лицом — сам Ульвурган, бог моря. Ветланы попадали на колени и спрятали свои лица в ладонях, боясь навлечь на себя гнев божества, ибо, хоть охота и оказалась удачной, жертву Ульвургану еще не приносили. Неужели он явился за ней сам?

Морской бык поднял один из ластов и громовым голосом потребовал:

— Поднимите головы и слушайте меня!

Все подчинились, хотя в большинстве глаз горел панический страх. Ветланы понимали, что прогневали Ульвургана, и готовы были заплатить любую цену, которую он сейчас им назначит. Но божество не успело произнести больше ни слова. Едва оно открыло рот, как Джерим зашелся в кашле, словно его грудь терзали десятки демонов, И прямо на глазах собравшихся грозный бог снова превратился в Шамана. Едва превращение закончилось, приступ кашля у вендица прошел. Великий повернулся к дерзкому и сурово спросил:

— Кто ты?

Джерим ответил длинной фразой на языке, совершенно незнакомом ни Конану, ни тем более ветланам. Лицо старика исказила немыслимая гримаса, он резко развернулся и вышел из круга. Шаман собрал все свои силы, чтобы не побежать. Впервые за долгие годы ему было страшно, страшно так, что мысли путались в голове и земля уходила из-под ног. Фраза, которую он услышал от незнакомца, напомнила Великому о самом страшном преступлении, совершенном им много лет назад. Ужас ледяной волной окатил старика. Этот высокий стройный юноша с такими странными рыжими глазами принес ему смерть. Угроз Конана Шаман не испугался, ибо обладал такой силой, что ни один смертный не мог причинить ему вреда, но второй чужак... Слова, произнесенные им, огненными буквами горели в мозгу колдуна, терзали его душу, пробуждая воспоминания, которые он столько лет старался заглушить. И вот теперь, когда ему это удалось, когда он успокоился и уверовал в свое бессмертие, все рухнуло. Не думал он, что смерть все-таки настигнет его, придет так внезапно, так не вовремя. А может, и киммериец не так прост, как кажется? О боги! Сколько неразрешимых вопросов сразу обрушилось на его седую голову!

Животный ужас гнал Великого домой, но лицо старика не выражало ничего, напоминая застывшую маску, в то время как его мозг лихорадочно работал. Надо было срочно избавляться от непрошенных гостей. Но как? Ветланы — народ миролюбивый и добросердечный, они никогда не нарушают законов гостеприимства и не причинят гостям

никакого вреда. Значит, надо убедить их, что чужаки принесли с собой зло. Что с их приходом на северный народ обрушатся всевозможные беды. И тут Великого осенило. Он остановился, и по морщинистому лицу разлилась блаженная улыбка. Он придумал, как настроить людей против чужаков! Пусть ни у кого не поднимется рука на гостей, но ведь их можно прогнать! А издалека этот рыжеглазый юнец не сможет дотянуться до него. Вряд ли он обладает достаточной для этого силой. Во всяком случае, свою драгоценную жизнь Шаман сумеет сохранить.

Вернувшись в свой умран, который заботливые женщины уже успели починить, старик прогнал всех и начал готовиться к сильному заклинанию. Когда-то давно, так давно, что теперь уже Шаман не мог и вспомнить когда, он научился общаться с силами природы. Теперь Великий намеревался обрушить на головы ветланов страшную бурю. Несмотря на преклонный возраст, голова Шамана работала прекрасно, и память еще ни разу не отказывала. Он без труда вспомнил нужные слова, произнес истинные имена метра, снега, воды, солнца и заставил их вести себя так, как ему было нужно. Стихии негодовали, сопротивлялись, но не могли устоять против человека, владеющего тайной истинных имен.

И Стихии ополчились против ни в чем не повинных ветланов. Казалось, небо смешалось с твердью земной. Солнце исчезло, словно никогда и не существовало. Невероятной силы ветер поднял еще не растаявший снег и закружил иго в демонической пляске. Куски льда, плотные комья снега обломки деревьев и кустов скручивались в гигантские спирали и неслись по побережью, сметая все на своем пути. Огромные волны вставали стеной и с грохотом обрушивались на берег, круша лодки, унося в пучину людей. Умраны складывались и падали. Буря выла, стонала, вопила, и в ее смертном вое тонули крики, стоны и мольбы несчастных.

Посреди этого безумия стоял, воздев над головой руки, Великий Шаман, выкрикивающий заклинания. Вдруг он хлопнул в ладоши, и Стихии покорно угомонились. Снова засияло солнце, море послушно втянуло назад дикие волны, ветер шершавым языком разровнял вздыбленную землю и затих. Разрушения оказались настолько велики, что ветланы даже не смогли сразу осознать, какая беда пришла на их землю. Уцелело всего несколько жилищ, погибли люди пропали дети. Старики спешно отправились к Великому за помощью и советом, как делали это всегда, когда в стойбище случалось что-нибудь необычное. Шаман встретил их приветливо и, обеспокоено вглядываясь в испуганные лица, сказал:

— Келе обозлились на вас, ветланы. Вы приняли чужаков как родных. Вы устроили праздник, не принеся жертвы Ульвургану. Вы разрешили вернуться сестре охотника, опозорившего себя ложью, и даже позволили ей прийти на праздник,

— Что же нам делать, Великий?

— Я попытаюсь договориться с келе. Я буду просить богов даровать вам милость. Но вы должны принести богатые дары, чтобы жертва была принята. А чужаки должны немедленно уйти из стойбища. И не только из стойбища. Пока они не удалятся отсюда на расстояние не меньше пяти дней пути, я ничего не могу обещать вам. И женщина пусть уходит с ними.

— Благодарим тебя, Великий. Ты всегда был добр к нам.

Если бы кто-нибудь из покидающих умран Шамана обернулся, он увидел бы довольную улыбку на лице старика. Его замысел удался! Скоро чужаки исчезнут из его жизни навсегда, все снова пойдет своим чередом. А этот наглый юнец, осмелившийся грозить ему, самому мудрому и сильному магу из всех когда-либо ступавших по этой земле, пусть кусает себе локти. Не должен щенок тявкать на седого пса, не может шакал противостоять матерому

волку.

Старейшины вернулись в разрушенное стойбище и поведали всем, что сказал Великий. Люди, слушая их, согласно кивали. Шаман всегда умел договариваться с келе, и никто не осмеливался ему перечить. Обсудив все между собой, решили направить к умрану Уквуны двоих: Таграя, лучшего охотника, и Айвана — самого старшего. Таграю очень не хотелось нести такую ужасную весть, ибо он всем сердцем любил Анкалю и вовсе не желал, чтобы она покинула стойбище, но слово старших — закон. Опустив голову, он поплелся следом за Айваном.

Уквун и ее гости занимались починкой жилища, но, увидев приближающихся Таграя и Айвана, оставили свои дела, и хозяйка пригласила всех внутрь. Когда все уселись на мягких шкурах, старик сказал:

— Мы были у Шамана. Он сказал, что келе прогневались на наш народ. Нельзя было привечать чужаков. Нельзя было пускать обратно сестру того, кто осквернил себя ложью. Вы должны уйти.

— И ты поверил этим сказкам? — вскричал Конан, — Ваш Великий спятил!

— Великий стар и мудр. Он всегда заботился о нас. Не порочь его.

— Не горячись, Конан, — заговорил Джерим. — Прости его, Айван, Он молод, его язык иногда опережает мысли,

Киммериец удивленно взглянул на друга, но тот лишь улыбнулся ему в ответ, и Конан решил помолчать и посмотреть, что будет дальше.

— Анкаля, — вдруг встрепенулся Таграй. — Ты знаешь, что я всегда мечтал стать твоим мужем. И если тебе придется покинуть стойбище, я уйду вместе с тобой. Я так решил.

— И ты не горячись, Таграй, — повернулся к нему Джерим. — Я хочу обратиться к тебе, Айван. Скажи, в стойбище до нас появлялись когда-нибудь чужаки?

— Очень редко.

— А как вы принимали их?

— Так же, как и вас.

— И келе гневались?

— Никогда.

— Почему же они так рассердились сейчас? Ведь мы пришли с чистым сердцем и вовсе не желали никому зла.

— Может, потому, что вы привели сестру Млеткена?

— Даже если Млеткен и солгал, о чем никто, кроме Шамана, ничего не знает, почему его сестра должна отвечать за его ошибки? Она страдала в чужих землях и больше всего хотела вернуться к своему народу, который очень любит. Разве она поступила плохо?

— Нет. Ее вины тут нет.

— Вот видишь. Ты давно живешь, Айван. Ты тоже стар и мудр. Наверное, дело не в нас и не в Анкале.

Старик задумался. Он пытался понять, почему, когда он слушал Шамана — верил Шаману, а теперь, когда слушает этого спокойного и приветливого чужака, в его словах тоже звучит правда. Но ведь так быть не может. Кто-то из них ошибается или, что гораздо хуже, намеренно лжет. Но чужак искренне хочет во всем разобраться. Значит... Нет, этого тоже быть не может. Что же делать? Айван не заметил, что задал этот вопрос вслух.

— Что делать? — переспросил Джерим. — Не торопиться с решением. Расскажи всем о нашем разговоре. Давайте подумаем вместе.

Когда Айван и Таграй ушли, Конан поинтересовался у чародея, что происходит.

— Понимаешь, — пояснил маг, — бурю вызвал Шаман. Меня в Обители обучали управлять Стихиями. И он тоже умеет это делать. Он хочет выжить нас отсюда, запугав доверчивых ветлаиов.

— Если он устроил такое, то что же этот облезлый козел придумает дальше? — воскликнул киммериец.

— Пока не знаю, — ответил Джерим. — Но теперь я готов поспорить с ним.

День прошел совсем незаметно, словно был вдвое короче других. Все были заняты. Надо было восстановить поврежденные умраны, дать кров тем, от чьих домов не осталось и следа, разыскать тела погибших и, свершив над ними необходимые ритуалы, отнести несчастных в тундру, чтобы их души могли предстать перед Рультаной. Сегодня у нее много гостей, много новых умранов появится в ее владениях, и чтобы старуха встретила их благосклонно, ей щедрую жертву: каждый отбывающий в дальний путь нес с собой кусок свежего мяса морского быка.

От непрестанных хлопот и множества новых, совершенно необычных впечатлений Конан изрядно устал, и стоило ему коснуться щекой мягких мехов, как глубокий сон сморил его. Ему снились бескрайние снега. Он шел по белой пустыне, холодный ветер хлестал его по щекам, но он не сдавался. У него была какая-то цель, и он знал, что ни в коем случае не должен сворачивать с нечеткой тропы, освещенной неверным светом бледной луны.

Вдруг чьи-то легкие и очень холодные пальцы тихонько коснулись щеки киммерийца, и он мгновенно открыл глаза. Возле его ложа сидела на корточках очаровательная: очень молоденькая девушка в тонких, полупрозрачных в одеждах. Увидев, что Конан проснулся, она улыбнулась ему и приложила палец к губам, призывая к молчанию, а затем бесшумно поднялась на ноги и поманила варвара за собой. Сам не зная почему, он направился вслед за ночной гостьей, даже не накинув меховую куртку и не обуваясь,

Снаружи было холодно, но Конан словно не ощущал мороза. Незнакомка, все так же не произнося ни слова, двинулась вперед. Ее босые ступни почти не касались снега, настолько легкой была ее походка. Киммериец быстро догнал ее и схватил за руку.

— Постой. Кто ты? Куда ты зовешь меня?

— Зачем тебе мое имя, варвар? — засмеялась она, и Конану показалось, что это зазвенели маленькие серебряные колокольчики. — Ты красив и могуч, у нас таких мужчин нет. Я хочу, чтобы ты вошел в мой умран и подарил мне сына.

— А где твой дом? — поинтересовался киммериец. — Я не видел тебя в стойбище.

— Ты многое еще не видел, — снова засмеялась прелестница. — Смотри, вот он.

Она показала изящной ручкой куда-то в сторону моря, и Конан действительно увидел возвышавшийся вдалеке очень странный умран. Он был выше всех остальных в стойбище и покрыт шкурами какого-то неизвестного варвару животного. Они были очень светлыми, серо-голубыми и походили на ткань из легкой утренней дымки.

На миг Конан ощутил нереальность всего происходившего и тряхнул головой, стараясь отогнать наваждение, но ни дымчатый умран, ни прелестная девушка не исчезли.

— Ты живешь одна? — обратился он к незнакомке.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — удивилась она.

— Чужой незнакомый мужчина ночью в твоем доме...

— Ах, вот что тебя смущает, — улыбнулась девушка. — Наш народ иначе смотрит на отношения между мужчиной и женщиной. Для нас главное — дети. Они должны быть

красивыми и здоровыми. А наш ребенок унаследует память не только моего, но и твоего народа. Он будет самым лучшим в нашем стойбище.

Конан пожал плечами. Что ж, не ему менять чьи бы то ни было обычай. Девушка мила и желанна, так почему он должен отказываться от ее ласк, которые она так настойчиво ему предлагает? Отбросив все свои сомнения, он решительно зашагал вперед, стараясь не отставать от чудесной спутницы, легкой и быстрой, как ветер.

Шли они довольно долго, и наконец перед киммерийцем возник серо-голубой умран. Осталось сделать всего пару шагов, затем быстро юркнуть внутрь, а там... Конан на мгновение помедлил, оттягивая грядущее удовольствие. Девушка остановилась у самого входа, обернулась и, увидев, что варвар не идет дальше, позвала его:

— Смелее, Конан. Что же ты медлишь? Я сgorаю от нетерпения. Ну же, Конан...

Он уже совсем было собрался шагнуть вслед за ней, как сзади донеслось:

— Стой! Конан, стой! Ни шагу больше, иначе погибнешь!

Киммериец досадливо поморщился, но все же обернулся на голос, К нему со всех ног мчался Джерим.

— Ну чего тебе еще, вендиц? — рассердился Конан. — Девушка...

— Какая девушка?! Посмотри!

Конан взглянул туда, где только что стояла прекрасная незнакомка, и не увидел ничего. Он стоял на льду, а впереди, всего в паре шагов, зияла огромная полынь, в которой плескалась черная вода. И сразу же он почувствовал, что холодный ветер пробирает его до костей, а ноги... Ноги почему-то не ощущали холода. Конан с изумлением взглянул вниз: его ступни побелели и стали твердыми, как дерево. Он нагнулся и пощупал ногу. Ничего, словно нога больше не принадлежала ему.

— Скорей! — крикнул подбежавший Джерим, накидывая на своего друга меховую куртку. — Скорей назад.

— Что с моими ногами? — ошарашено спросил Конан.

— Ты отморозил их. Но это не страшно. Я вылечу тебя.

— Что это было?

— Шаман. Он никак не может смириться с нашим присутствием. Меня не обманет даже самая изощренная иллюзия, но ты — другое дело. Он хотел заманить тебя в полынь, и ему это почти удалось.

— А как ты...

— Я? Плохим бы я был чародеем, если бы не почувствовал, что тебе грозит опасность. За разговорами они дошли до умрана Уквуны, где их встретили обеспокоенные женщины. Стоило Конану попасть в теплое жилище, как обмороженные ноги пронзила острые боли. Он застонал сквозь зубы и медленно опустился на спальные меха. Его била дрожь, голова пылала, словно из его роскошной гривы кто-то сложил костер. Анкаля поднесла киммерийцу плошку с отваром, а Джерим, пока Конан маленькими глотками поглощал питье, захлопотал у его ног. Великое искусство врачевания, которым был наделен вендиц, снова спасло его друга. Боль постепенно утихла, к ногам вернулась чувствительность, и Конан заснул крепчайшим сном без сновидений. Когда же он открыл глаза, от вчерашнего недуга не осталось и следа.

Шаман рассвирепел оттого, что в очередной раз потерпел неудачу, и начал действовать еще решительнее. И так как ветланы не торопились к нему с подношениями, а чужаки все еще не покинули стойбища, он снова начал созывать Стихии, чтобы на сей раз удар пришелся

прямо по непрошенным гостям. Каково же было его изумление, когда едва начав читать заклинание, он почувствовал такое мощное противодействие, что слова застряли у него в горле. Нужели он ошибся в юнце и тот вступил с ним в поединок едва ли не на равных? Напрасно Великий грозил небу кулаками и посыпал проклятия всему миру. На сей раз Стихий не подчинились ему. Тогда он решил: раз этот щенок напросился сам, что ж, он выйдет с ним один на один и уничтожит его. Пусть все видят, сколь велика сила Шамана! Он раздавит дерзкого, как мелкую суевливую букашку.

Гнев клокотал в груди Великого, ярость затуманивала взор, и он заторопился в стойбище, чтобы еще раз доказать всем, что никому не позволит становиться на своем пути. И даже если небо обрушится на землю, даже если сам он погибнет, он все равно одолеет врага, все равно не подчинится воле этого рыжеглазого.

Страшным полярным волком ворвался Шаман в стойбище и бросился к умрану Уквуны. Почувствовав его приближение, Джерим вышел ему навстречу. Короткое заклинание — и волка окружил огненный круг. Запахло паленой шерстью, зверь заскулил и вдруг завис над землей тяжелой снежной тучей. Огонь закружился на месте и, обернувшись сильным ветром, погнал тучу прочь. Камнем упала она с высоты и поднялась из сугроба могучим белым медведем. Тут же перед ним возник огромный морской бык. Он схватил хищника за голову ластами, на которых торчали острые длинные когти, и приготовился нанести решающий удар бивнями, но медведь ускользнул от него, приняв облик охотника с заточенным гарпуном в руках. Размахнувшись, он изо всех сил вонзил гарпун в спину быка, однако это был уже не бык, а крупный серый валун, и гарпун с треском переломился.

Как зачарованные следили за необычным поединком собравшиеся зрители. Такого никому из них еще не приходилось видеть, да и вряд ли еще когда-нибудь удастся. Конан вынул из ножен меч и держал его в крепко сжатом кулаке, чтобы рвануться на помощь другу, если понадобится. Но тот, похоже, пока прекрасноправлялся сам. Джерим надеялся, что старик устанет, замешкается, растеряется. Вот тогда-то и можно будет нанести решающий удар. Но Великий очень хотел жить, и потому поединок все еще шел на равных.

Самые невероятные хищники, порожденные смелой фантазией, рвали друг друга в клочья, злобные птицы, закрывавшие крыльями полнеба, щелкали острыми стальными клювами, огонь боролся с водой, снег с солнцем, деревья с кустарниками, заросли колючей травы душили благоуханные цветы, мускулистые исполины ломали друг другу ребра, но противники оказались достойными друг друга, и ни один не хотел уступать.

Постепенно Джерим начал терять силы. Конечно, на его стороне были молодость и сознание того, что он бьется за правое дело, но Шаман обладал гораздо большим опытом, а ненависть заставляла его кровь быстрее течь по жилам. Снова враги замерли друг перед другом, на сей раз каждый в своем облике. Шла жестокая ментальная схватка, незаметная для окружающих, но от этого ничуть не менее суровая.

Джерим раскинул плотные мысленные сети, пытаясь поймать в них мозг Великого и поработить его, но тот прожигал в ней дыры, и ячейки становились настолько крупными, что Шаман без особого труда ускользал из них. Тогда вендиец создал прочные тиски и начал сжимать ими голову старика, но тот сумел противостоять и им, и не только противостоять, но и перейти в наступление. Молодой чародей почувствовал, что слабеет. И тогда ему в голову пришла спасительная мысль. Сосредоточившись, он призвал на помощь Хранителя Мудрости и соткал из воздуха его образ. И, увидев перед собой благообразного старца, Великий затрепетал.

— Вот мы и встретились, Тхарата! — прогремел грозный голос, и Шаман, услышав свое истинное имя, мягко осел на землю, — Много лет тебе, клятвопреступнику, удавалось избежать возмездия. Признаться, я и сам начал сомневаться, что дождусь того дня, когда смогу взглянуть в твои лживые глаза и заставлю остановиться твоё черное сердце.

— Постой, учитель, дай мне хотя бы объясниться... Очистить душу...

— Как смеешь называть меня учителем ты, воспользовавшийся Высшим Знанием, чтобы творить зло? Разве учил я тебя жить в довольстве и сытости, обманывая близких своих? Это я надушил тебя торговать людьми? Это Мастера Обители подогревали твою ненасытную похоть? Что ты можешь объяснить? Какие слова есть у нарушившего великую клятву? И разве есть душа у смердящего сгустка отбросов?

— Да, я признаю свою вину, — залепетал Шаман. — Но не лишай меня жизни, и я искуплю ее. Я клянусь...

— Ты не можешь клясться, — нахмурил брови Хранитель Мудрости. — Ты уже однажды давал клятву и легко преступил ее. Неужели ты, ничтожный человечишко, думал, что можешь безнаказанно плонуть в лицо первому Магу? Даже десяти жизней не хватит, чтобы искупить твою вину, настолько велика и тяжела она. Ты и сейчас цепляешься за свою жалкую жизнь, ибо превыше всего ценишь свою гнилую плоть. Но я не оставлю тебе ни малейшей надежды. Расставшись с телом, душа твоя не отправится на Серые Равнины, ибо ничем нельзя очистить ее. Она исчезнет без следа, испарится, растает.

— О справедливейший! — взмолился старик. — Ты не можешь быть так жесток даже по отношению ко мне.

— Жесток? — усмехнулся Хранитель. — Разве это жестоко — очистить мир от скверны? Многие поколения Мастеров и Подмастерьев мечтали об этом миге, когда расплата настигнет тебя. Ты содеял столько зла, что еще нескольким поколениям моих учеников надо непрестанно трудиться, чтобы залечить раны, нанесенные тобой всему живому.

— Но я... Я еще мог бы... Я так много умею... Я так долго копил опыт... Мои знания...

— Твои знания больше никогда не понадобятся тебе. В твоей душе я не вижу раскаяния, а значит, она не должна существовать. В тебе не осталось ничего человеческого, ибо только добро и сострадание дают человеку право называться человеком. Ты ничто. Избравшему для себя путь Зла нет и не может быть пощады.

Ужас охватил Шамана и так сжал ледяными пальцами его сердце, что оно остановилось. Издав пронзительный крик, старый негодяй рухнул ничком на землю. Хранитель Мудрости повернулся к Джериму, положил руку ему на голову и с добродушной улыбкой произнес:

— Я не ошибся в тебе, сын мой. Среди многих моих учеников, и славных, и достойных, только тебе была по плечу эта задача, и ты блестяще справился с ней. Больше я тебе не нужен, но, если понадобится, мой мозг и мое сердце всегда открыты для тебя.

С этими словами Хранитель исчез, а Джерим отер пот со лба и медленно опустился рядом с поверженным врагом.

Он смотрел на труп предателя, но почему-то не испытывал радости. Он ничего не испытывал. Поединок отнял у вендица столько сил, что в его душе не осталось никаких чувств. Он просто выполнил свой долг. Конан бросился к другу и тряхнул его за плечи:

— Ты в порядке?

— Да, — слабо улыбнулся маг. — Я просто очень устал.

Вдруг взор Конана затуманился, а когда киммериец вновь обрел способность ясно видеть, возле него стоял Млеткен. Сквозь коренастую фигуру охотника можно было

смотреть, как сквозь прозрачную воду. Из толпы, окружавшей место поединка, донеслись возгласы изумления и ужаса. Млеткен поднял руку и обратился к соплеменникам:

— Не бойтесь меня. Мое тело давно мертвое, а душа не покинула этот мир только потому, что жажда мести была настолько сильна в ней, что не отпускала ее. Теперь моя душа свободна, и ей пора предстать перед Рультаной. Будь счастлив, мой народ.

С этими словами образ Млеткена исчез, растворяясь, словно тонкий слой льда под сильными лучами солнца. Конан пояснил всем:

— Его душа жила во мне. Я нес ее с далекого юга. Она не могла успокоиться, пока Анкаля не вернется в родной дом и пока злой и лживый Шаман обманывает вас, пользуясь вашей доверчивостью. Теперь я могу уйти. Мне больше нечего делать тут. Вы славные люди, но мне больше по сердцу битвы и опасности, приключений и драки.

— А твой друг? — спросил Айван.

— Я пока не знаю, — отозвался Джерим. — Мне бы хотелось отдохнуть.

— Оставайся с нами, — предложил старик. — У нас больше нет Шамана, и келе набрасываются на нас со всех сторон. А ты сильный маг. И добрый. Будь нашим другом и защитником.

— Помнишь, Айван, что я говорил тебе совсем недавно? — улыбнулся вендиец. — Никогда не надо торопиться с решением.

На следующий день киммериец покинул стойбище. Ему было жаль расставаться с Джеримом, которого он успел и полюбить, и оценить по достоинству. Но чем большее расстояние отделяло варвара от северной страны Ветлании, тем меньше сожалений оставалось в его душе. Он был воином, вором и контрабандистом, его неугомонная натура звала его вперед и вперед, огромный мир ложился под ноги, рука сжимала рукоять меча, который давно не пробовал крови врагов и истосковался в ножнах.

Ветланы, добрые и приветливые, нравились Конану, но он ни за что не согласился бы жить тихой и размеренной жизнью. Он не любил прямых, наезженных дорог. Другое дело — узкая, петляющая тропинка, где за каждым поворотом кроется неожиданность. Он мог дышать только вольным ветром, щедро сдобренным запахом опасности. Скорее вперед, на юг, где его заждался хитрый и ловкий Ордо, одноглазый приятель, в жилах которого тоже текла кровь разбойника и ловкача.